

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893.a

Vihik 339 Выпуск

ОСНОВАНЫ В 1893.g.

STUDIA ORIENTALIA ET ANTIQUA

I

ТАРТУ 1974

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893.a

Vihik 339 Выпуск

ОСНОВАНЫ В 1893.г.

STUDIA ORIENTALIA ET ANTIQUA

I

ТАРТУ 1974

Redakteikonikolleegium: S. Vahtra (eesimees), H. Ligi,
K. Siilivask, H. Piirimäe.

Редакционная коллегия: С. Вахтре (председатель), Х. Лиги,
К. Сийливаск, Х. Пийримяэ.

P. NURMEKÜLD

Los estudios orientales en la universidad de Tartu (RSS de Estonia)

La Universidad de Estado de Tartu, perteneciendo al número de las más viejas universidades de la Unión Soviética, es bien conocida por sus viejas y gloriosas tradiciones en el dominio de estudios del Oriente. El orientalismo como objeto de investigación en la Universidad de Tartu tiene una historia de igual duración con la misma de Universidad.

La Universidad de Tartu fué fundada el treinta de junio de 1632^{x)} conforme al decreto del rey Gustavo II Adolfo de Suecia, entonces dominante también sobre Estonia. Esta nueva universidad (entonces llamada Academia Gustaviana) tenia cuatro facultades. La enseñanza de las lenguas orientales se efectuaba en la facultad filosófica. De los profesores, enseñando estas lenguas en la Academia Gustaviana, conocemos hoy en día los nombres, a saber: Johann Weideling (1632-1633), Joachim Movius (1634), Salomo Matthiae (1636-1642), Johann Georgii Geselius (1641-1643), Ericus Andreae Holstenius (1650-1656).

Esta primera universidad de Tartu, al cabo de 24 años de duración, interrumpió su actividad a causa de la guerra en 1656. Su reapertura tuvo lugar el 18 de agosto de 1690. A su restablecimiento esta universidad recibió el nombre de Academia Gustavo-Carolina y duraba 20 años (1690-1710). Los últimos diez años de su existencia (1699-1710) la universidad pasaba en la ciudad de Pärnu. La enseñanza de las lenguas del Oriente en la segunda universidad estaba la misma que en la primera. Hoy en día conocemos los nombres de algunos profesores, a saber: Gabriel Skragge (1690-1698), Johann Uppendorf (1698), Daniel Eberhard (1699-1701), Ericus Fahlenius (1701-1710).

^{x)} Todas las fechas hasta el año 1918 son indicadas según el viejo calendario.

No obstante que en los planes de estudios de las dos universidades se habla de las lenguas del Oriente siempre en plural, no se sabe precisamente hasta el presente, cuales lenguas orientales - excepto el hebreo y sus variedades - fueron estudiadas por los orientalistas de Tartu en aquel tiempo.

La segunda universidad terminó su existencia en tiempo de la Guerra del Norte (1710) y partió para la Suecia, llevando consigo la biblioteca y un buen número de documentos tocante a la universidad. Entonces, durante de casi un siglo (1710-1802) los países bálticos estaban sin universidad.

La tercera universidad fué de nuevo inaugurada en Tartu el 21-22 de abril de 1802. La enseñanza de las lenguas del Oriente en ella fué confiada a la facultad teológica. De los profesores, ocupandose entonces de la enseñanza de las lenguas orientales, conocemos al presente los nombres, a saber: Wilhelm Friedrich Hetzel (1801-1820), Samuel Gottlieb Rudolf Henzi (1820-1829), Adolf Friedrich Kleinert (1820-1834), Karl Friedrich Keil (1833-1858), Heinrich Ferdinand Mühlau (1871-1895), Johann Heinrich Kurtz (1859-1870), Johann Cristoph Wilhelm Volck (1861-1864).

En 1834, por primera vez en la historia de la universidad, A.F. Kleinert empezó a enseñar la lengua persa. Al cabo de tres años (en 1837) K.F. Keil inició la enseñanza del sanscrito. En 1873 la cátedra de las lenguas semíticas fué fundada en la facultad teológica y al mismo tiempo, Johann Christoph Wilhelm Volck fué nombrado el primero docente y luego profesor de esas lenguas. El ocupaba este puesto hasta el año 1898. A él sucedían Alexander von Bulmering (1898-1918) y Otto Emil Seesemann (1900-1918).

Hasta el año 1865 la enseñanza de todas las asignaturas orientales se hallaban a las órdenes de la facultad teológica. Más tarde la enseñanza de las lenguas del Oriente indo-europeo fué separada de aquella de las lenguas semíticas y subordinada a la facultad de historia y filología. Las lenguas semíticas, al contrario, continuaban hacer parte de la facultad teológica. La facultad de historia y filología no subsiste sino a partir de segundo semestre del año 1850.

Conforme al reglamento del año 1865 la cátedra de la lingüística comparativa y alemana fué constituida. Su primer jefe estaba Leo Meyer (1865-1898). A él sucedió Dimitri Kudryavski (1898-1918). En 1877 a la misma cátedra fué asociado Leopold von Schroeder a título de licenciado de la lengua y literatura de India antigua. En 1879 él defendió su tesis doctoral, sobre la cual la universidad de Tartu le conferió el grado de doctor de la gramática comparada. En 1882 él recibió el puesto de profesor libre de la lengua y literatura sanscrita. Él ocupaba este puesto hasta el año 1894. Más tarde L. von Schroeder presentó su renuncia y transmigró en el extranjero.

Al mismo tiempo en la universidad de Tartu dentro de poco se ocupaban a título de licenciado de la lengua sanscrita y de la lingüística comparada Friedrich Knauer (1884-1885) y Alexander /Ivanovich/ Alexandrov (1886).

En 1898 Dimitri (Nicolayevich/ Kudryavski fué designado profesor a la cátedra de la lengua alemana y de la lingüística comparada. Allí él publicó un manual y una creetomatia del sanscrito.

A consecuencia de la bienhechora actividad de los sabios como Leo Meyer, Leopold von Schroeder y Dimitri Kudryavski la universidad de Tartu comenzaba gradualmente ganar la reputación de centro dirigente de los estudios de la lengua y literatura de India antigua no sólo en Rusia de entonces, sino también en el extranjero.

Por lo que toca a los estudios de las lenguas del Extremo Oriente en la universidad de Tartu así en el siglo décimo noveno no les prestaba oficialmente ninguna atención. Subsistía sólo el proceder inoficial a ocuparse en estas lenguas. Un tal orientalista inoficial en la universidad de Tartu de entonces era Karl August Hermann, actualmente lector de la lengua estoniana y doctor en filosofía, ocupando este puesto en la universidad desde 1889 hasta el año 1909.

A juzgar por los programas impresos de cursos de "la Universidad Imperial de Derpt" de entonces, K.A. Hermann daba cursos de diversas asignaturas orientales. A la par su especialidad estrecha (a saber la lengua estoniana) y fuera de programa universitario, de tiempo en tiempo,

K.A. Hermann hacía informe en la Sociedad Estoniana Científica sobre temas tocante a diversos problemas del Oriente.

Apoyándose sobre la opinión de algunos sinólogos alemanos (a saber V. Schott, M. y F. Müller, H. y G. von der Gabelenz y otros) K.A. Hermann reúne el chino, el japonés, el coreano, el manchuro, el mongol, el tunguso, el turco y las lenguas finouglicas en una familia comuna de lenguas uralo-altaicas. Más tarde él incluyó entre ellas también el sumero.

K.A. Hermann era el único sabio en la universidad de Tartu, que durante la época del Zarismo estudiaba y enseñaba lenguas del Extremo Oriente. Aunque él poseía conocimientos así considerables de las lenguas precitadas, pero, a pesar de todo, no era susceptible de resolver un buen número de problemas, siendo aún entences discutibles. Insuficientes eran igualmente a la hora actual los datos lingüísticos y mismo método de investigación científica. Así las obras de K.A. Hermann, refiriéndose al Oriente y en su mayor parte estando escritas en alemán y con predilección publicadas en los Anuarios de la Sociedad Estoniana Científica /entre los años 1881 y 1897/ tienen mucho un Carácter pseudocientífico. A pesar de todo, el honor de ser el primer lingüista estoniano, que haya escrito un estudio gramatical, en el cual compara la lengua china con la lengua estoniana y con otras lenguas feno-uglicas, pertenece sin duda a K.A. Hermann. La parte del estudio, en la cual el autor compara entre sí la estructura de las lenguas mencionadas, es del todo impecable y demuestra los conocimientos suficientes de la gramática china del autor. Pero, la parte histórica y comparativa del estudio es en muchos respectos mal fundada.

Después de la Gran Revolución Socialista de Octubre en las periferias del viejo imperio de Rusia surgieron un gran nombre de repúblicas burguesas, entre ellas y República de Estonia. La universidad burguesa de Tartu, andando continuar en muchos respectos las tradiciones de la época precedente, dejó igualmente las lenguas semíticas en el compuesto de la facultad teológica. En 1934 en la facultad filosófica fué establecido un profesorado particular dicho hebreo-judio. De suerte que, en aquel tiempo la filología semítica representaba la más desarrollada rama de la ciencia tocante al

Oriente. Un buen testimonio de aquello son hoy las Notas de la Universidad de Tartu (*Acta et commentationes Universitatis Tartuensia*) de entonces. De los más eminentes semitólogos de la universidad burguesa de Tartu son conocidos Alexander von Bulmering (hasta 1938), Uku Masing (1933-1941), Lazar Gulkovich (1934-1941).

El estudio de otras asignaturas orientales, previstas entonces en los programas de la universidad burguesa de Tartu, no se señalaba de ningún modo, aunque allí enseñaban como profesores de la lingüística comparada indo-europea tales lingüistas de renombre como Max Vasmer (1920-1921), Ernst Kieckers (1921-1938), Peeter Arumaa (1938-1944).

La universidad burguesa de Tartu igualmente no prestaba ninguna atención a la enseñanza de las lenguas del Extremo Oriente. No obstante, también entonces había hombres, quienes a la par su trabajo cotidiano de enseñanza hallaban tiempo por ocuparse en las lenguas del Extremo Oriente, en particular del chino. Ellos fueron ya no autodidactas (como K.A. Hermann), sino eruditos cuyos conocimientos eran adquiridos en diversas universidades de Europa occidental. Aquí, en primer lugar, hay que nombrar a los profesores Leo Leesment y Ernst Kieckers, quienes de vez en cuando conducían cursos de la lengua china.

En 1935, por iniciativa del profesor Leo Leesment, en la universidad burguesa de Tartu fué fundada la Sociedad Académica Oriental con el fin de más detallado estudio y de la propagación de conocimientos de Oriente, así como de reunir todos interesados en Oriente.

En 1940, al comienzo del poder soviético, el horizonte espiritual del pueblo estoniano se extendió considerablemente. El Oriente, que hasta aquel tiempo parecía tan distante, se hizo poco alejado. La universidad de Estado de Tartu no pudo ya conformarse indiferente con estudio de las lenguas y culturas de pueblos de Asia y África, actualmente en combate por su libertad y independencia. Por eso en el año 1955, por primera vez en la historia de la universidad de Tartu, fué fundada el círculo de la lengua china. Al mismo tiempo el primer curso permanente del chino comenzó a trabajar. Además, los miembros del círculo se ocupaban en varios otros problemas tocante a la China. El círculo de la

lengua china tomó la iniciativa del nacimiento de otros círculos de las lenguas del Oriente. Según el aumento del número de semejantes círculos se los reunió en un único círculo de Oriente con su propio gabinete. Así se formó el Gabinete Oriental de la Universidad de Estado de Tartu.

Durante los primeros años de existencia del Gabinete Oriental un sólo hombre enseñaba en todos sus círculos. Había que pensar en la preparación de cuadros jóvenes. En efecto, primer nos prestó ayuda la Facultad Oriental de la Universidad de Estado de Tashkent. Su ejemplo siguieron algunos institutos de la Academia de Ciencias de la UdrSS en Moscú y el Instituto de las Lenguas Orientales de la Universidad de Estado de Moscú. Aquella era una ayuda desinteresada por parte de las universidades de repúblicas hermanas y de los institutos de Moscú. En compensación de la dicha ayuda el nuestro gabinete ya dió al Instituto Oriental de la Academia de Ciencias de la UdrSS varios jóvenes colaboradores y candidatos de la filología. La bienhechora colaboración continúa hasta el presente.

La bibliografía conveniente está registrada en las Memorias Científicas de la Universidad de Estado de Tartu, año 1968, fascículo 201, página 12.

Р е з ю м е

Тартуский государственный университет — один из старейших высших учебных заведений Советского Союза. Здесь занимались востоковедением уже с самого основания университета.

В первой половине XVII века шведские захватчики превратили город Тарту из-за его центрального положения среди других городов Старой Ливонии также в культурный центр страны — тем, что основанная ими в 1630 году королевская гимназия была преобразована в июне 1632 года в университет под названием Академия Густавиана. Уже в гимназии было основано обучение восточным языкам и изучение их (в первую очередь древнееврейского). В последующих латино-шведских академиях, как назывался далее университет, эта традиция продолжалась.

Существование латино-шведских академий окончательно прекратилось в 1710 году. В 1802 году во вновь открытом Тартуском университете сразу возобновилось и преподавание древнееврейского языка. Позднее прибавились некоторые другие восточные языки, такие как древнеиндийский (1837 г.), персидский (1834) и др. Подъем востоковедения в Тартуском университете начался с 1856 года, когда востоковедческие дисциплины были отделены от богословского факультета и подчинены только что созданной кафедре сравнительного языкознания, где преподавание велось тогда рядом известных ориенталистов.

В Тартуском университете того времени многими языками Ближнего и Дальнего Востока занимался также лектор эстонского языка Карл Аугуст Херман.

В буржуазном Тартуском университете в первую очередь внимание уделялось лишь семитским и индоиранским языкам.

В Тартуском государственном университете советского времени востоковедение возродилось в 1955 году тем, что впервые в истории университета был создан кружок китайского языка. На базе этого впоследствии был основан Кабинет вос-

токоведения. В данное время в нем занимаются изучением восточных языков, а также комплексным изучением ряда восточных дисциплин.

Zusammenfassung

Die Tartuer Staatliche Universität gehört zu den ältesten höheren Lehranstalten der Sowjetunion. Mit der Orientalistik befasst man sich darin seit der Gründung.

In der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts wurde die Stadt Tartu wegen ihrer zentralen Stellung unter den Städten Alt-Livlands von den schwedischen Machthabern dadurch auch zu einem Bildungszentrum des Landes erhoben, dass das im 1630 gegründete Königliche Gymnasium im Juni 1932 zu einer Universität umgebildet wurde. Gleichzeitig wurde auch das Studium der Orientsprachen (in erster Linie des Hebräischen) eingeleitet.

Die Tätigkeit der von den schwedischen Behörden gegründeten Universität wurde im 1710 endgültig unterbrochen. An der im 1802 neueröffneten Tartuer Universität nahm man auch das Studium des Hebräischen wieder auf. Später kamen andere Orientsprachen, wie altindisch (1837), persisch (1834) u.a. hinzu. Im 1865 wurden die meisten Orientsprachen (mit Ausnahme der semitischen) von der theologischen Fakultät losgelöst und dem neugegründeten Lehrstuhl der vergleichenden Sprachwissenschaft unterstellt. An diesem Lehrstuhl wirkten namhafte Orientalisten, die das Niveau der orientalischen Studien an der Universität bald zur Kulmination brachten.

An der bürgerlichen Tartuer Universität war nur die Erforschung der semitischen Sprachen von Bedeutung.

An der Tartuer Staatlichen Universität der sowjetischen Zeit markiert das Jahr 1955 die Wiedergeburt der orientalistischen Studien. Es wurde dann zum erstenmal in der Geschichte der Universität der chinesische Sprachzirkel gegründet, aus welchem das heutige Kabinett für Orientalistik hervorgegangen ist. Gegenwärtig gibt man sich darin intensiv mit dem Studium vieler Orientsprachen, sowie mit der komplexen Erforschung mehrerer orientalistischen Wissenschaften ab.

Resümee

Tartu Riiklik Ülikool on Nõukogude Liidu vanemaid kõrgemaid õppeasutusi. Orientalistikaga tegeldakse juba ülikooli rajamisest peale.

17. saj. esimesel poolel muutsid rootsi anastajad Tartu tema keskse asendi tõttu Vana-Liivimaa linnade hulgas ka veel kultuurikeskuseks. Nimelt kujundasid nad aastal 1630 Tartus rajatud kuningliku gümnaasiumi 1632. aasta juunis ülikooliks Academia Gustaviana nime all. Juba gümnaasiumis pandi alus orientaalkeelte (esijoonest heebrea keele) õpetamisele ja uurimisele. Järgnenud ladina-rootsi akadeemiates aastail 1632-1656 ja 1690-1710 jätkus see traditsioon.

Aastal 1802 taasavatud Tartu Ülikoolis alustati kohe-selt ka heebrea keele (ja mõnede teiste semi keelte) õpetamist. Hiljem lisandusid muud idakeeled, nagu pärsia keel (1834.a.), sanskriti ehk vanaindia keel (1837.a.) jt. Kõrghooaeg orientalistikas sai Tartu Ülikoolis alguse alles 1865. aastal, mil orientaalsete distsipliinid (välja arvatud semitoloogia) eraldati usuteaduskonnast ja allutati äsja loodud võrdleva keeleteaduse kateedril. Nimetatud kateedris alustas tööd rida nimekaid orientaliste, nagu Leo Meyer (1865-1898), Leopold von Schroeder (1882-1894), Dimitri Nikolajevitš Kudrjavski (1898-1918) jt. Mitme lähis- ja Kaug-Ida keelega tegeles tookordses Tartu Ülikoolis muuseas ka ülikooli eesti keele lektor Karl August Hermann (1889-1909).

Kodanlusaegses Tartu Ülikoolis osutati tähelepanu eeskätt semi ja indoiraani keeltele.

Nõukogudeaegses Tartu Riiklikus Ülikoolis taaselustus orientalistika 1955. aastal. Esmakordselt ülikooli ajaloos loodi hiina keele õppering, mis hiljem sai aluseks praegusele orientalistikakabinetile. Käsitleval ajal tegeldakse selles nii orientaalkeelte õpetamisega kui ka mitmete idateaduste kompleksse uurimisega.

О. К Л А С С Е Н

АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ФРОНТ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ ИНДОНЕЗИИ В ГОДЫ АВГУСТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1945-1948)

В В Е Д Е Н И Е

В программе Коммунистической партии Советского Союза подчеркнуто, что наш век — век "бурных национально-освободительных революций". Если империализм подавил национальную независимость и свободу большинства народов, заковал их в цепи жестокого колониального рабства, то возникновение социализма знаменует наступление эры освобождения угнетенных народов. Мощный вал национально-освободительных революций сметает колониальную систему, подрывает устои империализма. На месте бывших колоний и полуколоний возникли и возникают молодые суверенные государства" /4, 44/.

Борьба угнетенных народов за национальную независимость — очень сложный и многогранный процесс. Возникновение, ход и результаты этой борьбы связаны с целым рядом экономических, социальных, политических, идеологических и пр. вопросов.

В.И. Ленин, тщательно анализируя практический опыт национально-освободительного движения колониальных народов, пришел к выводу, что "гарантия успеха национально-освободительных революций — в активном включении масс и прежде всего растущего рабочего класса в руководство обществом, в его союзе с крестьянством, в развертывании широкой демократии, в опоре на мировой социализм и международное рабочее движение" /3, 47/.

Одной из основных проблем национально-освободительных революций является проблема антиимпериалистического единства национальных сил.

Марксистская концепция единого антиимпериалистического фронта национальных сил выработана В.И. Лениным. Своей основательной работой он заложил прочный базис для теоретической и практической деятельности международного коммунистического движения и коммунистических партий отдельных стран в решении актуальных проблем национально-освободительной борьбы. Ленинское учение о необходимости революционного сотрудничества всех антиимпериалистических сил как внутри каждой страны так и в международном масштабе стало краеугольным камнем борьбы прогрессивных сил мира за уничтожение колониальной системы империализма.

Подчеркивая важность тесного сотрудничества антиимпериалистических национальных сил, В.И. Ленин в то же время настаивал на полной организационной, политической и идеологической самостоятельности пролетариата и его партии в едином антиимпериалистическом фронте. В 1905 году он писал: "Охрана идейной и политической самостоятельности партии пролетариата есть постоянная, неизменная и безусловная обязанность социалистов" /I, 139/. Этот тезис, хотя сформулирован В.И. Лениным в связи с русской революцией 1905 года, полностью действует и в условиях национально-освободительной борьбы колониальных народов.

Правильность марксистской концепции единого антиимпериалистического фронта национальных сил со всей яркостью проявилась в годы борьбы индонезийского народа за завоевание и упрочение политической независимости.

К моменту вторжения японских войск в Малайский архипелаг и капитуляции голландских властей Индонезия уже имела известный опыт сотрудничества различных политических и социальных сил. Это сотрудничество, хотя не имело еще формы единого национального фронта, заложило основу всенародному движению сопротивления во время японской оккупации и борьбе за национальную независимость в послевоенные годы.

Единый антиимпериалистический фронт национальных сил Индонезии возник осенью 1945 года. Индонезия была одной из первых стран колониального мира, где на практике антиимпериалистическое единство получило свое боевое крещение. Поэтому изучение опыта индонезийских патриотов имеет большое теоретическое и практическое значение для анализа закономе-

рностей и перспектив национально-освободительного движения в целом и борьбы за единый антиимпериалистический фронт в частности.

I.

Формирование антиимпериалистического единства

Осенью 1945 года в Индонезии сложилась революционная ситуация.

К этому времени японский оккупационный режим окончательно разоблачил себя в глазах индонезийского народа. Экономическая разруха, вызванная грабительской политикой японских милитаристов, непосильные налоги и трудовые повинности, злоупотребления местных оккупационных властей, национальная дискриминация — все это побудило различные социальные и политические силы Индонезии к активному антияпонскому движению сопротивления, выражавшемуся в разнообразных формах (отказы от сотрудничества, акты саботажа, антияпонская пропаганда, крестьянские и солдатские восстания и т.д.).

Огромное влияние на формирование антиимпериалистического единства индонезийского народа оказало военное поражение японского империализма, происшедшее вследствие вступления в войну Советского Союза. Если до последнего времени силы индонезийского сопротивления были раздроблены и как среди сельского, так и среди городского населения оставались еще значительные группы людей, запуганных японским террором или предпочитавших пассивную, выжидательную позицию и не готовых выступить против оккупационных властей, то в августовские дни резко ускорился процесс роста революционности и консолидации антиимпериалистических сил. Образовался, хотя организационно в неоформленном виде, единый национальный фронт, в котором фактически участвовали все патристически настроенные классы, слои и группировки индонезийского общества.

В формировании широкого антиимпериалистического фронта ярко выразилась способность революционных сил Индонезии к единству во имя национального освобождения, к массовым действиям, достаточно сильным, чтобы сломить господство японцев

и воспрепятствовать восстановлению голландской верховной власти. Единство антиимпериалистических сил в Индонезии явилось тем важным субъективным фактором, который позволил осуществить национально-демократическую революцию.

Главными движущими силами этой революции были трудящиеся массы: рабочие, крестьяне, мелкобуржуазные слои.

Индонезийское крестьянство, которое составляло около 70% самостоятельного населения /14, 285/, являлось одной из наиболее активных социальных сил национально-демократической революции. Крестьянские массы были заинтересованы в получении земли, в ликвидации докапиталистических форм эксплуатации. Ввиду того, что основными эксплуататорами сельского населения и владельцами земли были сами колонизаторы, правители 282 вассальных княжеств или чиновники колониального аппарата, острая борьба крестьянства было направлено против иноземных поработителей, против колониального режима. Высокий процент сельского пролетариата и бедняков создавал благоприятные объективные предпосылки для революционной организации индонезийского крестьянства.

Но с другой стороны, социальная неоднородность, отсутствие крестьянских организаций, недостаточность связей с рабочим классом и идейный консерватизм привели к тому, что крестьянство включилось в революцию стихийно, раздробленно и под сильным влиянием ислама и буржуазных идеалов индонезийского национализма. В отсутствии боевого союза между крестьянством и пролетариатом заключалась основная внутренняя слабость образовавшегося антиимпериалистического единства национальных сил.

Рабочий класс Индонезии, в общей сложности почти 4,5 млн. человек /10, 10-11/, был в основном связан с иностранным капиталом, так как в Индонезии практически не существовало крупных национальных предприятий. Вследствие этого, как отмечает академик А.А. Губер, "классовая борьба пролетариата в колониальный период совпадала с его антиимпериалистической борьбой" /7, 16/.

В общенациональной борьбе против японских оккупантов индонезийские рабочие принимали самое активное участие. Это они срыбали планы японских империалистов, стремившихся использовать природные ресурсы Индонезии для достижения воен-

ных успехов. Это они были организаторами многих актов саботажа на железных дорогах, фабриках и рудниках. Это они составляли наиболее последовательную и решительную часть антияпонского подполья.

Но рабочий класс не мог стать гегемоном в индонезийском движении сопротивления. Ему не под силу было возглавить антиимпериалистический национальный фронт во время Августовской революции. Ему не хватало боевого опыта, классовой сплоченности, идейной закалки и политической организованности. И без того слабые и малочисленные довоенные профсоюзы были разгромлены японцами. Действующая с 1927 года в нелегальных условиях Коммунистическая партия Индонезии (КПИ) была организационно, политически и идеологически очень слабой. Руководство партии не было на высоте задачи, партийные кадры были рассеяны между различными организациями сопротивления, многие лидеры КПИ томились в тюрьмах или эмиграции. Связь партии с народом была недостаточна. Отсутствовали тесные контакты с международным революционным и коммунистическим движением. Индонезийские коммунисты, как отметил Д.Н. Айдит, еще не имели нужного опыта "в трех основных вопросах: в вопросе о едином фронте, в вопросе о строительстве партии и в вопросе о вооруженной борьбе", Партия "еще не разбиралась в исторических условиях развития индонезийского общества, не знала особенностей и законов индонезийской революции, еще не овладела теорией марксизма-ленинизма" /5, 724/.

Национальная буржуазия Индонезии находилась еще в стадии экономической, политической и идейной незрелости. В условиях колониального режима развитие индонезийской национальной буржуазии было заторможено. Конкуренция крупного иностранного (и прежде всего голландского) капитала, контролировавшего основные отрасли экономики страны, создавала "почти непреодолимые препятствия для развития национальной буржуазии" /7, 14-15/. Кроме того, ключевые посреднические функции и сильные позиции в области внутренней торговли были в руках местного китайского (отчасти арабского и индийского) капитала. Индонезийской национальной буржуазии оставалась относительно небольшая сфера деятельности: перед второй мировой войной индонезийскому национальному капиталу принадлежало всего лишь 2% активов национальной экономики

/12, 152/. Естественно, что ее не удовлетворяло такое положение и она присоединилась к требованиям независимости Индонезии.

По своему социальному и этническому происхождению, по своим связям с разными слоями индонезийского общества и по своим политическим взглядам национальная буржуазия была далеко не однородна. Правое крыло (консервативная и либеральная буржуазия), хотя стояло за национальную независимость, предпочитало действовать осторожно, при помощи "законных" методов, прибегая иногда к беспринципным компромиссам и уступкам. Левое крыло (радикальная буржуазия) настаивало на более решительных шагах в деле завоевания национальной независимости.

Несмотря на это, индонезийской национальной буржуазии в целом, кроме узкоклассовых, этнических и групповых интересов, были свойственны, по известному выражению В.И. Ленина, и "объективно общенациональные задачи, именно задачи демократические, задачи свержения чужденационального гнета" /2, III/. В этот период это было главное. Поэтому национальная буржуазия являлась существенной составной частью единого фронта антиимпериалистических сил Индонезии в борьбе за достижение и укрепление национального суверенитета. Однако возглавить этот фронт и все освободительное движение ей было не под силу, как и рабочему классу Индонезии.

Руководящую роль в национально-демократической революции Индонезии захватили разные мелкобуржуазные слои (мелкие предприниматели и торговцы, разночинная интеллигенция, ремесленники и др.). По своему составу все эти слои были крайне неоднородны. К мелкобуржуазной среде принадлежали и относительно обеспеченные предприниматели и полуразоренные лавочники; и владельцы кустарных мастерских и торговцы-разносчики; и мелкие купцы больших городов и мастера-ремесленники сельских местностей. В ее круг входили люди с разным вероисповеданием, с образованием различной степени, с разнородными политическими взглядами и мировоззрением. По своему экономическому положению, как показывали конкретные исследования, проводимые до второй мировой войны, большая часть мелкой буржуазии Явы по своему жизненному уровню была ближе к пролетарским массам и сельской бедноте, чем к национальной буржуазии /58, III/. Лишь часть служащих, лиц свободных про-

фессий, студентов, младших офицеров и др. интеллигентов и полуинтеллигентов вела буржуазный образ жизни. Война и оккупация, продолжая пауперизацию мелкобуржуазных масс, еще более нивелировали эту разницу.

И все же именно эти мелкобуржуазные слои стали фактическим гегемоном Августовской революции в Индонезии, руководителем антиимпериалистического фронта индонезийских национальных сил. Причин было много:

1) незавершенность классовой дифференциации, вследствие чего основные классы буржуазного общества — пролетариат и национальная буржуазия — были еще слишком слабы для осуществления руководящей роли в едином фронте и революции;

2) отсутствие у рабочего класса союза с крестьянством и хорошо организованного авангарда в виде сильной революционной партии;

3) широкое распространение мелкобуржуазных социальных и политических идей мархаэнизма и относительно благоприятные условия для мелкобуржуазных слоев действовать и организовываться во время японской оккупации;

4) огромная популярность национальных лидеров, принадлежавших к мелкобуржуазным слоям (Сукарно, Хетта, Шарир, Тан Малака и др.).

Таким образом, накануне окончательного военного краха японского империализма, в тревожные августовские дни 1945 года, в Индонезии сложился единый антиимпериалистический фронт всех патриотических национальных сил. В нем участвовали рабочий класс, крестьянство, национальная буржуазия и мелкобуржуазные слои индонезийского общества. К нему примкнули и некоторые аристократические круги: часть яванской аристократии во главе с султаном Джокьякарты Хаменгку Бувоно IX, отдельные представители феодально-бюрократической верхушки "внешних владений". Но основная часть аристократических кругов не связывала себя с движением за национальную независимость. Вне антиимпериалистического фронта оставались и немногочисленная компрадорская буржуазия, которая имела тесные отношения с иностранным капиталом. В целом группировки, относящиеся враждебно или же равнодушно к идее независимости, составляли ничтожную часть индонезийского национального общества. Они не были в состоянии воспрепятствовать ходу революционных событий 1945 года.

Единство патриотических национальных сил сложилось под лозунгом завоевания политической независимости. Идеологической основой единого антиимпериалистического фронта стала доктрина "пяти принципов", которую Сукарно сформулировал 1 июля 1945 года /текст речи см. 15, 249-273/. Разработка этой доктрины являлась положительным фактором в консолидации национальных сил. "Пять принципов" (индонезийский национализм, интернационализм или гуманизм, демократизм, социальное благосостояние и "цивилизованная" вера в бога) представляли собой приемлемый базис для самых широких кругов индонезийского общества при организации борьбы против империализма и колониализма, при завоевании и защите независимости Индонезии. Конечно, "пять принципов" не давали ответа на все индонезийские проблемы, но это и не входило в их задачу. "Пять принципов" должны были стать лишь общей платформой при объединении всех национальных сил. И эту задачу они выполняли.

Когда 17 августа 1945 года была провозглашена независимость Республики Индонезии, почти все социальные и политические силы Индонезии одобряли этот шаг. За первые недели существования Республики Индонезии в резиденцию Сукарно приходило множество телеграмм со всего архипелага, выражавших поддержку республике /40, 60/. Даже правители ряда княжеств поддерживали провозглашение независимости. "Национальная сплоченность и единство достигли небывалой высоты", писал Шарир /48, 259/. Всенародная поддержка республики показала, какую широкую социальную базу имеет индонезийская революция. Это была революция единого антиимпериалистического национального фронта.

Индонезийская общественность всячески поддерживала образование и деятельность государственных органов республики: принятие конституции и избрание Сукарно и Хатта соответственно президентом и вице-президентом Республики Индонезии (18 августа 1945 года) /17, 5/, создание Центрального национального комитета Индонезии (КНИП) в составе 135 человек (22 августа 1945 года) /8, 31/, а также образование местных национальных комитетов, которое часто происходило по инициативе провинциальных политических лидеров (закон о создании этих комитетов вступил в силу только 23 ноября 1945 года /37, 28/. В работе государственных органов принимали учас-

тие самые различные социальные и политические силы, тем самым практически развивалось сотрудничество и единство антиимпериалистических национальных сил Индонезии.

Параллельно с органами власти возникали различные молодежные, крестьянские, рабочие, женские и пр. общественные организации. Они зарождались словно грибы после дождя /43, 182/, выражая стихийное стремление различных слоев индонезийского общества к активной политической деятельности. Большинство этих организаций объединяло людей с несходными убеждениями и взглядами, с разнородным мировоззрением. Классовое сознание часто уступало место национальному сознанию. И это было вполне естественно в той стадии развития индонезийского общества, когда социальная структура имела еще колониальный характер, общенациональные интересы доминировали над классовыми интересами и руководящую роль играли разночинные элементы из мелкобуржуазных слоев. Поляризация социальных и политических сил была еще в начальной стадии.

Тем не менее, признаки такой поляризации появились уже в первые недели существования республики. В конце августа 1945 года организация Новое поколение, которая возникла в последние месяцы японской оккупации, раскололась, исключив из своих рядов более правые элементы. Революционно-демократическое крыло основало 1 сентября 1945 года новую организацию — Молодое поколение Индонезии (АПИ) /42, 145/, в которую объединились представители различных демократических кругов: рабочие, крестьяне, учащаяся молодежь, городская беднота, мелкие ремесленники. Таким образом, АПИ превращалось в своеобразный сборный пункт для демократических национальных сил.

АПИ поставило себе цель защитить Республику Индонезию от империализма /30, 26/. По инициативе АПИ началась организация единого рабочего фронта. 19 сентября 1945 года на конференции рабочих представителей в Джакарте было решено, что нужно создать единый центр рабочего движения — Рабочий фронт Индонезии (ББИ) /53, 18/. В этот же день Комитет действий АПИ решил в Джакарте созвать большой массовый митинг, чтобы укрепить единство антиимпериалистических сил и проявить поддержку правительству Сукарно /33, 76-79/. Митинг состоялся на площади Мердека и имел огромный консолидирующий эффект.

Деятельность АПИ несомненно была положительным фактором в деле объединения прогрессивных национальных сил Индонезии.

Однако сложность и своеобразие классовой структуры и слабость индонезийского пролетариата значительно осложняли достижение антиимпериалистического единства, базирующегося на прочном союзе рабочих и крестьян. Для практического осуществления сотрудничества самых разных социальных и политических сил необходима была вдохновляющая цель. С сентября 1945 года основной объединяющей целью стала защита завоеванной независимости от нападения англо-голландских войск.

2.

Попытки организационного укрепления антиимпериалистического единства национальных сил

Высадка английских войск (29 сентября 1945 года) и прибытие вместе с ними первых голландских воинских частей вызвала необходимость дальнейшей консолидации всех антиимпериалистических сил вокруг правительства Сукарно.

Стремясь способствовать этой консолидации, 16 октября 1945 года правительство опубликовало президентский декрет № 10 за подписью Хатта /31, 58/. По декрету КНИП передавались законодательные функции, которые до сих пор являлись прерогативой президента, и создавался Рабочий комитет КНИП, основной функцией которого было "вместе с президентом" определять общие основные черты политики государства. Председателем Рабочего комитета был избран лидер индонезийских правых социалистов Шарир. Пост вице-председателя занял коммунист Шарифуддин, который лишь только 1 октября был освобожден из тюрьмы. В Рабочий комитет был избран и другой коммунист — Тан Лин Жи. Кроме них в Рабочий комитет входили левые националисты Адам Малик и Мангунсаркоро, лидеры исламского движения Шафруддин Правиранегара и Вахид Хашим и т.д. — в общей сложности 15 человек /см. 28, 152-153/. Включение в состав КНИП (число членов которого достигало уже 188) и его Рабочего комитета представителей левых национальных кругов означало фактически укрепление позиции демократических элементов в едином антиимпериалистическом фронте Индонезии.

В то же время разные социальные, этнические, религиозные и др. группировки, которых революция пробудила к активной политической деятельности, требовали предоставления полной свободы действий. Для этого у них были весьма разнообразные причины. Одни не удовлетворялись ограниченным характером локальной деятельности, они стремились к заметной роли на общеиндонезийской политической арене. Другие были встревожены авторитарным порядком создания высших государственных органов, они тоже хотели влиять на государственные дела. Третьи мечтали о парламентской демократии прозападного типа, где были бы осуществимы всякие политические махинации.

Требование создания легальных политических партий становилось все настойчивей. Решение этого вопроса превращалось в насущную необходимость времени.

3 ноября 1945 года было издано постановление о разрешении деятельности политических партий "при условии, что партии усилят борьбу за укрепление независимости и обеспечат безопасность общества" /31, 76/.

Отражая объективную необходимость, введение многопартийной системы должно было содействовать укреплению позиции правительства, воодушевлению антиимпериалистической борьбы и упрочению международного престижа Республики Индонезии.

Вскоре началось создание политических партий. Их возникло несколько десятков (официальный список дает 29 названий /25, XXVI/, но Сукарно называет цифру 40 /52, 265/).

Самая влиятельная из них — Совет мусульманских союзов Индонезии (Машуми) создавался 7 ноября 1945 года в Джокьякарте путем объединения II мусульманских организаций /29, 14/. С самого начала состав Машуми был очень пестрым. Массовую социальную базу партии составляли крестьяне, обманутые ее религиозной оболочкой и лозунгом о создании мусульманского государства /9, 32/. Однако политика партии Машуми определялась интересами крупных помещиков, торговой буржуазии и мусульманского духовенства, которые были заинтересованы в преграждении демократического развития Индонезии, в сохранении в стране полуфеодалных пережитков. Они считали, что Индонезия должна развиваться по капиталистическому пути и поэтому не возражали против сотрудничества с иностранным ка-

питалом. Хотя, главным образом по тактическим соображениям, в программу Машуми были включены такие требования, как социальная справедливость и демократия, национализация транспорта, крупных предприятий и т.д., регулирование зарплаты, участие рабочих в распределении доходов предприятий и т.п., по-настоящему суть программы заключалась в статьях о неприкосновенности частной собственности, о допустимости участия иностранного капитала в экономике страны, и об исламе как основе социальной и политической жизни Индонезии /см. 27, 79-81/.

В Машуми существовали разные политические направления, выражавшие крайнюю неоднородность и значительную слабость этого "слона, большого бери-бери" /27, 74/. Наиболее влиятельные из этих направлений были: т.н. "ортодоксальные мусульмане", группировавшиеся вокруг Союза улемов (Нахдатул Улама), т.н. "религиозные социалисты" во главе с Натсыром, фанатические даруль-исламовцы, которые уже до второй мировой войны требовали создания в Индонезии теократического государства, более умеренные приверженцы партии Мусульманский союз Индонезии (ПСИИ) и др.

Социальная и политическая разнородность Машуми усложняла ее участие в антиимпериалистической борьбе. Религиозная идеология ислама, сильное влияние мусульманских проповедников на широкие неграмотные массы крестьянства, преобладание в руководстве партии помещичье-буржуазных элементов - все это препятствовало установлению тесных контактов и развитию прочного сотрудничества с другими национальными силами. Правые лидеры Машуми стремились не к боевому единству с демократическими группировками, а к использованию их в своих корыстных целях.

Хотя Машуми сумела довольно быстро распространить свое влияние по всему архипелагу, этот успех базировался на неустойчивой религиозной основе. В дальнейшем отсутствие единого социального базиса привело к серьезным потрясениям в жизни партии.

Почти одновременно с Машуми сформировалась первая партия рабочего класса Индонезии. На первом съезде ББИ, который начал свою работу 7 ноября 1945 года в Суракарте, многие лидеры рабочего движения требовали создания легальной рабочей партии. 9 ноября это требование реализовалось - возник-

ла Рабочая партия Индонезии (РПИ) под руководством мелкобуржуазного революционера Шамсу Харья Удайа. В новой партии скоро приобрели большое влияние индонезийские коммунисты: в начале 1946 года председателем партии был избран коммунист Сетиаджит.

В ноябре 1945 года организовались еще две партии, которые называли себя партиями рабочего класса. 12 ноября в Джокьякарте возникла Социалистическая партия Индонезии во главе с Шарифуддином. Несколько дней позже (по Шариру 13 ноября /49, 33/, по другим источникам - 20 ноября /27, 89 /) Шарир и его единомышленники создали в Джакарте Социалистическую народную партию.

Вскоре обе партии проявили тенденцию к сближению друг с другом. Эта тенденция, с одной стороны, была обусловлена объективной необходимостью укрепить антиимпериалистическое единство патриотических сил. Но с другой стороны, свое влияние оказали и субъективные факторы: 1) малочисленная Социалистическая народная партия была укомплектована главным образом представителями прозападной интеллигенции, студентами и служащими государственных учреждений, а Шарир нуждался в более широком социальном базисе, чтобы удержаться у власти (14 ноября 1945 года Шарир стал премьер-министром Республики Индонезии); 2) среди известной части индонезийских коммунистов в это время была распространена уверенность, что наилучшей формой осуществления идеи об антиимпериалистическом национальном фронте является сотрудничество в рамках единой партии; при этом не принималось во внимание, что тактика слияния коммунистов в одну партию с другими национальными силами была бы оправдана лишь в том случае, если объединение произошло бы с левыми революционными силами и под организационным, политическим и идеологическим руководством КПИ.

17 декабря 1945 года в Черибоне состоялось объединение Социалистической партии Индонезии и Социалистической народной партии в единую Социалистическую партию (СП). Председателем партии был избран Шарир, вице-председателем Шарифуддин. В руководстве СП стали преобладать правые социалисты, которые стояли на позициях внутринационального мира /49, 40-43/. Таким образом это объединение объективно упрочило значение и роль правых элементов в национально-демократической революции. Оно фактически препятствовало сближению коммунистов с левыми национальными и исламскими силами.

Индонезийские коммунисты, почти 19 лет работавшие нелегально, не сумели в сложившихся условиях найти правильную тактику. Недостаточность опыта и отсутствие нужных теоретических знаний дали о себе знать /5, 719/. Слабыми оказались также связи с международным коммунистическим движением. Находившиеся долгое время в подполье и не имеющие необходимой теоретической и практической подготовки лидеры КПИ не смогли правильно оценить ситуацию и расстановку классовых и политических сил как в Индонезии, так и в международном масштабе. Коммунистическая партия Индонезии решила продолжать работу нелегально. Это решение было ошибочным. Оно: 1) препятствовало созданию прочных связей между партией и трудящимися массами, между партией и народом; 2) оказывало отрицательное влияние на борьбу пролетариата за объединение всех антиимпериалистических сил, за укрепление бржевого союза с крестьянством, за гегемонию в революции; 3) способствовало усилению влияния буржуазных элементов на революционное движение индонезийского народа, на его борьбу против империализма, колониализма и феодальных пережитков.

Сохранение нелегального положения КПИ в условиях революционного подъема и свободы политической деятельности было серьезным промахом. Оно фактически привело к раздроблению сил коммунистов. Вместо единой и сильной марксистской партии возникли наряду с нелегальной КПИ еще две легальные КПИ: одна на Яве и другая на Суматре /см. 45, 200; 46, 483-485/. Многие члены нелегальной КПИ входили в другие партии, стараясь таким образом претворить в жизнь задачу консолидации всех антиимпериалистических сил. Тактика включения коммунистов в состав легально работающих партий рабочего класса имела двойные последствия: с одной стороны, эта тактика заставила коммунистов — членов нелегальной КПИ — работать в чрезвычайно сложных и трудных условиях, с двойной нагрузкой, с другой стороны, в данной обстановке такая тактика была единственно возможной для укрепления связей с трудящимися массами, участия в едином антиимпериалистическом фронте и оказывания влияния на политику государства.

Слабостью и тактическими ошибками КПИ опешили воспользоваться мелкобуржуазные националисты. Они вступали в легальные КПИ, создавали свои левонационалистические партии

(Партия простого народа, Крестьянская партия Индонезии и др.), штурмовали государственные посты. И все это во имя укрепления антиимпериалистического единства национальных сил и мелкобуржуазного руководства в национально-демократической революции.

В ноябре-декабре 1945 года образовались также партии религиозных меньшинств (Христианская партия Индонезии и Католическая партия Республики Индонезии) и ряд партий локального характера (Союз индонезийского народа на Калимантане, Движение исламского воспитания на Суматре и др.).

В январе 1946 года завершилось формирование большой и влиятельной националистической партии, Национальной партии Индонезии (НПИ).

В последние месяцы 1945 года в Индонезии возник целый ряд мелких партий, которые объявили своей политической платформой идеи панча сила ("пяти принципов"), а идеологической основой мархаэнизм. Апологеты мархаэнизма называли свое учение революционным методом борьбы для уничтожения капитализма, империализма и колониализма /20, 33/. Формулируя свой основной принцип как социо-национально-демократия, они призывали объединиться для борьбы за политическую, экономическую и социальную демократию /29, II6/. При этом мархаэнисты избегали выдвижения классов и классовой борьбы на первый план /см. I5, 2I0; 22, 23/, говоря вместо этого о единой судьбе, о единой истории и об общих интересах жить вместе дружным народом /29, II6/.

В 1946 году с 29 января по I февраля в Кеdiri состоялся объединяющий съезд этих маленьких локальных партий. В НПИ объединились Союз индонезийского народа, Партия суверенности народа, Партия Индонезийской республики и ряд других местных партий /29, II0/, всего около 40 политических организаций /6, 92/. Председателем НПИ был избран Мангунсаркоро.

Социальный состав НПИ был очень неоднородным. НПИ часто называли партией среднего класса /27, 84-85/, но на самом деле социальная база ее была намного шире. Под национальными лозунгами НПИ объединились мелкобуржуазные революционеры, представители крестьянства, разные группировки национальной буржуазии (главным образом ее левого крыла) и т.д. В партии можно было различить три основных политических направления:

1) правое крыло составляли т.н. патерналисты под руководством Вонгсонегоро. Члены этой фракции видели будущее Индонезии в укреплении традиционных социально-экономических институтов, в "отеческой заботе" правительства о нуждах крестьянства, в защите народа против "демагогии" /см. 27, 87-88/;

2) левое крыло составляли более радикально настроенные националисты во главе с Сидиком Джойосукарто, которые старались найти приемлемый способ для объединения мелкой и части средней буржуазии под националистическими и социалистическими лозунгами. Социальным базисом левых была главным образом революционная мелкобуржуазная интеллигенция;

3) особое положение занимала группа националистов, влияние которых в большой мере основывалось на заслугах довоенного периода. Многие из них (Искак, Сартоно и др.) были у колыбели НПИ в 1927 году, числились в Гериндо (Гани, Вилипо и др.) или принимали участие в других организационных формах довоенного национального движения. Они имели большой авторитет и сильное влияние на политику НПИ. Их социальное происхождение и политические убеждения были разнородны.

НПИ была все же более однородна, чем Машуми. Она представляла собой партию демократических национальных сил. Партия выступала против компромиссов с голландцами и в ее программе важное место занимало требование национального единства /29, II3/.

Формирование политических партий произошло в очень суровое для Индонезии время. В Сурабае шло первое крупное сражение с английскими войсками, сражение, в котором фактически участвовала вся Индонезия /51, 13/. В страну прибывали все новые контингенты вражеских сил, которые захватывали важнейшие центры страны. На карту была поставлена судьба молодой республики.

Индонезия еще не располагала нужными регулярными войсками для защиты своей независимости. Основу военной мощи составляли многочисленные молодежные отряды, обычно плохо вооруженные и недисциплинированные, но зато полные патриотизма. В трудные дни сурабайского сражения в Джокьякарте собрались представители различных молодежных орга-

низаций. 10 ноября 1945 года здесь открылся Конгресс индонезийской молодежи /41, 364/. На конгрессе присутствовали 629 делегатов с Явы, Калимантана, Сулавеси, Мадукских островов и Малых Зондских островов. Кроме того было еще 6 зарубежных гостей. С пламенной речью выступил Шарифуддин, призывая молодежь соединять мирный созидательный труд с активной вооруженной защитой Республики /23, 34-35/. С энтузиазмом был принят "Протест индонезийской молодежи", в котором осуждались действия английских войск в Сурабае / 24, 40/.

На конгрессе 7 молодежных организаций, "чьи принципы цели были социалистическими", объединились в организацию Социалистической молодежи Индонезии (Песиндо), которая своей основной задачей выдвинула борьбу "за Республику Индонезию, основанную на подлинной независимости народа" /24, 27/. Кроме Песиндо была организована федерация молодежных организаций, которая охватила и молодежные движения других идеологических направлений /41, 370/.

Конгресс индонезийской молодежи в Джокьякарте явился крупным событием в деле консолидации антиимпериалистических сил Индонезии. Песиндо превратилась вскоре в одну из самых влиятельных политических организаций республики, под руководством которой находились довольно сильные вооруженные отряды (около 25 000 бойцов /28, 162-163/).

Сплочение молодежного движения, формирование системы политических партий, образование коалиционного правительства Шарира (14 ноября 1945 года), дальнейшее расширение состава КНИП и его Рабочего комитета - все это произошло в рамках и под влиянием всенародной борьбы против империализма и колониализма. В этой борьбе принимали участие все патристические национальные силы: рабочий класс, крестьянские массы, различные мелкобуржуазные слои, национальная буржуазия. Фактически образовался единый антиимпериалистический национальный фронт.

Некоторые шаги были сделаны по направлению к организационному оформлению национального единства: попытка создания общенациональной НПИ (22 августа 1945 года), привлечение разных социальных и политических сил к участию в работе КНИП, объединение молодежных организаций, создание си-

стемы политических партий на основе единой цели — борьбы против империализма и колониализма, за национальную независимость. Однако все эти шаги не привели к образованию организационно оформленного единого фронта. Для этого еще не хватало ни объективных, ни субъективных предпосылок.

3.

Активизация мелкобуржуазных радикалов во главе с Тан Малакой

В начале 1946 года столица Республики Индонезии была переведена из Джакарты в Джокьякарту. Официально этот шаг был мотивирован причинами внешнеполитического характера (активизация голландских войск, захват Джакарты английскими парашютистами), но перевод столицы имел большее политическое значение, чем это официально подчеркивалось. Дело в том, что в конце 1945 года и в начале 1946 года в Индонезии обострилась борьба за власть. Радикальные мелкобуржуазные националисты во главе с Тан Малакой стремились захватить руководящие государственные посты республики в свои руки. Пользуясь антиголландскими настроениями народных масс, тан-малаковцы развернули широкую демагогическую кампанию против реалистической политики кабинета Шарира, против переговоров с голландцами. Их авантюристическая пропаганда и организация вооруженных столкновений грозили республике большой опасностью — полной оккупацией страны. Перевод столицы в Джокьякарту был рассчитан на то, чтобы ограничить влияние тан-малаковцев, укрепить позицию правительства Шарира и способствовать переговорам. Вместе с тем следует иметь в виду, что в Джокьякарте, вдали от оккупационных войск, имелись более благоприятные условия для деятельности КПП и ее сотрудничества с другими антиимпериалистическими организациями. Таким образом, перевод столицы объективно содействовал укреплению единства демократических национальных сил.

4 января 1946 года — в тот же день, когда Джокьякарта стала столицей Индонезии (это совпадение вряд ли было случайным), в Пурвокерто состоялась конференция, инициаторами кото-

рой были радикальные мелкобуржуазные националисты из окружения Тан Малаки. На конференции были представлены почти все индонезийские политические и военные организации; число делегатов достигало 300 /28, 173/.

На конференции с программной речью выступил лидер мелкобуржуазного экстремизма Тан Малака. В своей речи он резко выступил против политики переговоров, в успех которых многие социальные круги Индонезии мало верили. Тан Малака утверждал, что единственным путем сохранения и укрепления свободы является путь безжалостной борьбы. Дальше Тан Малака подчеркивал, что залогом успешной борьбы является национальная монолитность. "Отсутствие единства может послужить причиной поражения нашего народа в борьбе", утверждал он. Тан Малака предложил в интересах национальной консолидации создать единую организацию сотрудничества под названием Союз борьбы. Резко критикуя многопартийную систему, Тан Малака потребовал, чтобы были распущены все политические партии. Он утверждал, что многопартийная система способствует развитию сепаратистских тенденций в стране. Наконец Тан Малака затронул еще одну актуальную проблему - судьбу иностранного капитала. Диаметрально противоположно принципу свободы действия иностранного капитала, сформулированному в политическом манифесте 1 ноября 1945 года /см. 55, 69-75/, Тан Малака потребовал конфискации предприятий, принадлежащих иностранцам и передачи их народу /28, 173-174/.

Страстная речь Тан Малаки оказала огромное влияние на делегатов. Лишь немногие сумели увидеть за революционной фразеологией Тан Малаки опасный авантюризм, грозящий республике гибелью. Недоверие вызвало только предположение о ликвидации партий, для реализации которого фактически отсутствовала реальная почва.

На Пурвокертской конференции решено было создать Союз борьбы (ПП) /41, 131-132/. В этом союзе объединились 143 различные организации /18, 54/ (по другим источникам 141 или 138 /13, 69; 39, 54; 19, 48/), в том числе Машуми, легальная КПИ, Партия простого народа, Крестьянская партия Индонезии, Социалистическая партия, Песиндо и другие влиятельные политические организации.

14 января 1946 года в Суракарте началась вторая конференция Союза борьбы. Комитет из десяти человек на основе предложений Тан Малаки выработал программу-минимум ПП / 4I, 132/: 1. Переговоры вести только на основе признания стопроцентной независимости. 2. Народное правительство. 3. Народная армия. 4. Разоружение японцев. 5. Освобождение пленных европейцев. 6. Конфискация плантаций, принадлежащих врагу. 7. Конфискация промышленных предприятий, принадлежащих врагу.

Эта программа не учитывала конкретной обстановки в Индонезии. Постановка вопроса о признании стопроцентной независимости как предварительного условия для переговоров была ошибочной, так как реализация такой предпосылки фактически была неосуществима из-за противодействия противной стороны и реального соотношения сил. Выдвижение вопроса о конфискации иностранной собственности было несвоевременным. Оно затрудняло решение индонезийского вопроса путем переговоров и вело к сплочению антиреспубликанских сил.

Разработка программы оформила ПП. Но официально программа была утверждена лишь в конце января /60, 90/.

В первый период своей деятельности (январь-март 1946 года) Союз борьбы имел очень большую притягательную силу и политическое положение Шарира несколько ухудшилось. 25 января 1946 года Рабочий комитет КНИП объявил, что он одобряет создание ПП /60, 90-91/.

На первых порах Союз борьбы мог опираться на широкую социальную базу, которую составляли демократические национальные силы - рабочий класс, крестьянские массы, городская мелкая буржуазия, ремесленники, революционно настроенная интеллигенция, левое крыло национальной буржуазии. ПП поддерживали многие политические партии и народные боевые организации, местные органы власти и армейские части. Но мелкобуржуазные руководители Союза борьбы не сумели использовать эту базу: 1) ПП был организован в очень сложных политических условиях, когда не было времени для тщательной подготовки среди широких кругов общества. Связи ПП с Крестьянским фронтом Индонезии (возникшим 25 ноября 1945 года) и Рабочим фронтом Индонезии оставались слабыми. 2) ПП не имел прочной организационной основы. Видимо, Тан Малака и его единомышленники

из числа радикальных националистов недооценивали значение организационных моментов в борьбе за единство антиимпериалистических сил. Иначе ПП не превратился бы в такую слабо цементированную организацию конфедеративного характера /34, 215/. 3) ПП не смог выработать правильной тактики в борьбе за власть и единство демократических национальных сил, против англо-голландской агрессии. Не добившись прочной поддержки со стороны других политических сил, тан-малаковские лидеры ПП сразу же начали нападки на политику правительства Шарира-Шарифуддина. Они не понимали, что политика переговоров была единственно правильной политикой для Индонезии в данной обстановке.

Непродуманная, авантюристическая тактика Тан Малаки объективно причинила вред антиимпериалистическому единству индонезийского народа. Его ультра-левые демагогические фразы и антиправительственная агитация способствовали возникновению раскола в национально-освободительном движении индонезийцев. А в конечном счете воинствующий экстремизм лидеров ПП стал роковым и для самого Союза борьбы.

Весной 1946 года в стране развернулась острая борьба за власть. 28 февраля 1946 года Шарир подал заявление об отставке правительства. Этот шаг был хитрым маневром. Сукарно поручил Тан Малаке сформирование нового кабинета. Однако Тан Малака не справился с задачей. Его программа не нашла поддержки у Сукарно и в КНИП-е /28, 176/. 2 марта 1946 года Шариру вернули мандат премьер-министра и через 10 дней было сформировано новое коалиционное правительство, в которое не входил ни один лидер ПП, но где были представлены все наиболее влиятельные партии Индонезии (Машуми, Социалистическая партия, НПП, Паркиндо, Песиндо) /см. 26, 18-20/.

В середине марта правительственные круги начали наступление на Союз борьбы. 17 марта 1946 года в Мадигуне были арестованы Тан Малака, Сукарни, Хайрул Салех, Ямин и многие другие лидеры ПП. В конце апреля были проведены аресты руководителей Союза борьбы на Суматре. В первой половине мая был совершен ряд арестов в Суракарте - этой "большой крепости ПП" /28, 185/. Репрессиям подвергались также лидеры Фронта буйволов и ряд местных руководителей НПП и профсоюзов.

II мая 1946 года правительство объявило об образовании новой политической коалиции под названием Национальной концентрации (КН). Целью новой организации было 1) нанести окончательный удар Союзу борьбы и 2) объединить все социальные и политические силы Индонезии вокруг правительства, чтобы положить конец внутренним распрям, добиться дальнейшей консолидации антиимпериалистических сил и укрепить независимость республики. Правда, КН не смогла развиваться в эффективно действующий союз организаций и объединить все политические силы страны, но все-таки она явилась важным шагом на пути к новому сближению демократических национальных сил. Председателем КН был избран лидер КПП Сарджоно.

К этому времени Коммунистическая партия Индонезии окрепла как организационно, так и идеологически. На конференции в Суракарте, которая состоялась 29-30 апреля 1946 года, легальная КПП была, по существу реорганизована /подробнее см. 13, 58-60/. Избранный председателем партии Сарджоно объявил, что КПП в интересах национальной революции готова на сотрудничество как с мусульманами, так и с христианами /19, 55, 56, 79/. Конкретной реализацией этого сотрудничества было участие КПП в Национальной концентрации.

Кроме Коммунистической партии Индонезии КН поддерживали еще многие другие организации: Социалистическая партия, Песиндо, Рабочая партия Индонезии, Машуми, Рабочий фронт Индонезии, Крестьянский фронт Индонезии и т.д. /28, 184/. Но в стороне осталась Национальная партия Индонезии. Не присоединились к ней многие левонационалистические группировки. Лидеры Машуми, хотя заявили о своей поддержке КН, фактически не отказались от контактов с оппозиционными правительству силами.

В этой обстановке руководители Союза борьбы и поддерживавшие их высшие военнослужащие решили взять курс на государственный переворот. По распоряжению генерал-майора Сударсоно 31 мая 1946 года из тюрьмы Суракарты были освобождены лидеры фронта буйволов. Этот шаг, в котором был замешан и главнокомандующий генерал Судирман /см. 47, 28; 28, 174/, вызвал сильное смятение в правительстве. Симпатия генерала Судирмана к оппозиции могла вызвать катастрофические последствия. Поэтому Шарир поспешил завоевать поддержку Судирмана и в то же время старался помешать росту его единоличной военной власти.

6 июня 1946 года правительство установило осадное положение в Суракарте, 7 дней - на всей Яве и Мадуре. 7 июня был создан Национальный совет обороны в следующем составе: Шарир (премьер-министр и министр внутренних дел), Шарифуддин (министр обороны), Сурахман (министр финансов), Дармаван Мангункусумо (министр экономики), Абдул Карим (министр коммуникаций), генерал Судирман (главнокомандующий армией), Сарджоно (председатель КН), Сумарсоно (председатель Рабочего комитета Конгресса молодежи Республики Индонезии) и Машур (лидер исламской организации "Путь к Аллаху"). Основной функцией нового органа было оперативное решение т.н. "критических проблем". Национальный совет обороны должен был помочь стабилизировать внутреннее положение в стране и укрепить национальное единство, подвергнувшееся опасности в результате тан-малаковских махинаций.

Заговорщики решили поторопиться.

27 июня 1946 года они арестовали Шарира и сопровождавших его лиц, которые прибыли в Суракарту. Тан Малака, Сукарни, Хайрул Салех и другие руководители ПП были освобождены из тюрьмы. Сторонники Тан Малаки наметили следующий план действий: 1) вынудить правительство Шарира-Шарифуддина уйти в отставку, 2) всю военную власть передать генералу Судирману, а решение политических, социальных и экономических вопросов передать в руки Совета политического руководства, состоявшего из 10 человек, и 3) создать новое коалиционное правительство, в котором основные портфели должны были принадлежать лидерам ПП /60, 196/.

Ко спискам Совета политического руководства и коалиционного кабинета, составленными заговорщиками /см. 60, 196-198/, видно, что лидеры Союза борьбы намеревались сформировать политически очень неоднородное правительство, где были бы представлены все течения, начиная с радикальных и кончая консервативными лидерами Машуми и НПП. Однако ни одного портфеля не было предусмотрено для членов КПП и СП, а также поддерживающих их организаций (Песиндо, ББИ, Рабочая партия Индонезии и др.). Интересно отметить, что в списке Совета политического руководства Тан Малака числился только под девятым номером, а в коалиционном правительстве ему было предназначено лишь скромное место министра процветания.

"Сдержанность" Тан Малаки была продиктована соображениями, вытекающими из реального соотношения политических сил Индонезии в середине 1946 года. Лидеры заговора должны были принимать во внимание такие факторы, как, например, враждебность Сукарно и Хатты к экстремистским взглядам Тан Малаки, подозревающее отношение некоторых высших офицеров к планам переворота, непопулярность Тан Малаки во многих влиятельных политических кругах Индонезии, разногласия в самом ПП.

При планировании государственного переворота лидеры ПП учитывали следующие факторы: 1) недовольство в некоторых кругах индонезийской общественности уступкам правительства Шарира голландским требованиям, 2) все возрастающая англо-голландская вооруженная агрессия и в связи с этим все усиливавшаяся антиимпериалистическая борьба индонезийского народа, 3) разногласия в руководстве республики. Но лидеры ПП просчитались. Ранним утром 1 июля 1946 года Шарир был освобожден верными правительству воинскими частями /32, 109/. В решающий момент генерал Судирман сообщил, что он не поддерживает заговорщиков. В район Джокьякарты срочно была направлена дивизия Силиванги. В Суракарту вторглись сильные отряды Песиндо /28, 190-191/. Фактически попытка государственного переворота провалилась. Но лидеры ПП все-таки не отказались от своего авантюристического намерения.

1 июля 1946 года к Сукарно прибыли генерал-майор Сударсоно и Ямин. Они потребовали от него подписать четыре декрета /тексты см. 60, 191, 193, 196, 198/, которые бы "по требованию народа и армии" уволили правительство Шарира в отставку, дали бы Судирману высшую военную власть, Совету политического руководства - высшую политическую власть и сформировали бы коалиционное правительство по списку, составленному лидерами ПП. В этот критический момент, когда Сукарно, не зная настоящего положения дел, сомневался, вошел только что вернувшийся в Джокьякарту Шарир, и этим вопрос был исчерпан /22, 94-95/. Сударсоно и Ямин были немедленно арестованы, Союз борьбы - распущен.

Основными причинами провала государственного переворота были следующие:

1. За лидерами ПП не стояли народные массы, широкие социальные силы, а лишь группа заговорщиков и незначительные вооруженные отряды. Большинство вооруженных сил не поддерживало тан-малаковцев. Создание правительства КН и новая программа Шарира, опубликованная 12 марта 1946 года, лишили ПП поддержки многих политических сил, раньше сотрудничавших с ним.

2. Радикальные националисты во главе с Тан Малакой не имели достаточного опыта по организации единого фронта. ПП был лишь конгломератом организаций, а не прочным союзом партий, основывающимся на союзе рабочих и крестьян.

3. Тактика заговора мелкобуржуазных лидеров ПП базировалась на некоторых очень сомнительных моментах: уступчивости Сукарно, поддержке Судирмана, задержании Шарира, популярности Тан Малаки и т.д. Лидеры ПП неправильно оценили обстановку в стране и свои шансы на успех.

Роспуск Союза борьбы временно смягчил борьбу за власть и стабилизировал положение в стране. Но уже в конце 1946 года произошли новые сдвиги в политических силах, образовались новые оппозиционные коалиции. Борьба за власть, которая мешала дальнейшей консолидации национальных антиимпериалистических сил, продолжалась.

4.

Борьба против голландских планов раскалывания антиимпериалистического единства индонезийского народа

Укреплению антиимпериалистического единства мешали не только внутренние затруднения. Свое влияние оказывали также внешние факторы: маневрирование английских оккупационных властей, политические интриги и военные операции голландцев, неокOLONиалистическая стратегия американских империалистов.

25 ноября 1945 года ван Моок представил голландскому правительству меморандум, в котором развивал идею Индонезийской Федерации /35, 120/. Эта идея была первым конкретным выражением новой тактики голландских властей, официально сформулированной в предложениях от 10 февраля 1946 года. В

своей ноте от 27 марта 1946 года правительство Шарира в принятии приняло план создания федеративного государства в Индонезии /35, 126-129/. Национальные лидеры решили идти на компромисс. Но переговоры в Хоге Велуве (с 14 по 24 апреля 1946 года), где эта проблема была обсуждена, закончились безрезультатно.

Голландцы поспешили воспользоваться ситуацией. 15 апреля 1946 года в Малино была созвана конференция, где основным пунктом повестки дня было принятие идеи федерации /36, 219; 50, 39-40/. Республика Индонезия не была приглашена. 40 делегатов конференции представляли коллаборационистские круги т.н. "внешних владений". При обсуждении будущего Индонезии обнаружились, однако, довольно глубокие расхождения. Некоторые делегаты были против создания федеративного государства. Другие возражали против десятилетнего "переходного периода", предлагаемого голландцами. Наконец все-таки договорились о создании Соединенных Штатов Индонезии, которые должны были состоять из четырех штатов: Ява, Суматра, Борнео и т.н. "Большой Восток" /44, 78-82/. Создали специальный совет из семи членов для дальнейшей реализации идеи федерации /50, 40-41/.

На Западе конференцию в Малино расценили как "большой успех" /57, 130/ и "важное начало реконструкции" /36, 119/. В Республике Индонезии ее оценивали как попытку расколоть единство индонезийского народа. Стало ясно, что голландцы намеревались создать полностью от них зависящую федерацию марионеточных штатов, в которой Республика Индонезия имела бы второстепенное положение. При этом голландцы надеялись опираться на этнические противоречия, играющие известную роль в индонезийском национальном движении, а также на соперничество между экономическими группировками различных районов Индонезии и на возрастающий страх правых элементов перед революционными методами борьбы.

Голландские планы были враждебно встречены всеми антиимпериалистическими силами Индонезии. Правительственные круги старались найти дипломатические средства для решения проблемы. Оппозиционные партии призывали к вооруженной защите национального единства. В первую очередь свое враждебное отношение к голландским планам выразили патриотические силы Су-

лавеси. На этом острове первые партизанские отряды возникли уже в октябре 1945 года, а летом 1946 года число партизан превышало уже 20 000 /21, 81-82/. Активизация голландцами сепаратистских тенденций привела к объединению до сих пор изолированных партизанских организаций. 17 июля 1946 года в Раннае состоялась конференция, где 19 боевых групп создали единую организацию - Индонезийскую народную армию восставших Сулавеси. Программа новой организации призывала к активной борьбе против голландцев и их пособников /44, 229/. Аналогичные явления были заметны и в других частях Индонезии. Они происходили по мере того, как туда вторгались голландцы и инспирировали сепаратистские движения.

Консолидация патриотических сил часто происходила под ультралевыми лозунгами приверженцев Тан Малаки, влияние которого не исчезло с заключением его в тюрьму после неудавшегося государственного переворота. Вместе с тем практическая деятельность таких объединений приносила часто больше вреда, чем пользы, так как нередко давала голландцам поводы для "карательных" операций, "полицейских" акций и т.д. Мешала она и политике переговоров, являющейся единственно правильной тактикой в данной внутриполитической и международной обстановке.

Для оказания поддержки правительственной политике переговоров и для укрепления антиимпериалистического единства национальных сил, летом 1946 года на Яве была основана политическая коалиция, которая стала известна под названием Левое крыло (Саят Кири). Ее ядро составили Коммунистическая партия Индонезии, Рабочая партия Индонезии, Социалистическая партия и Песиндо; ее поддерживали многие более мелкие организации /28, 199/.

Политическая платформа Левого крыла была реалистической, учитывавшей конкретную обстановку. Главное внимание было обращено на актуальные проблемы дня: планомерное развитие экономики, установление государственного контроля над общественно важными предприятиями, транспортом, внешней торговлей и иностранным капиталом, развитие образования и проведение внешней политики, основанной на добрососедстве и дружественном сотрудничестве /59, 56-57/.

Партии Левого крыла стояли за полную независимость Индонезии. В то же время они хорошо понимали необходимость переговоров и политических компромиссов с голландцами. Но некоторые влиятельные политические круги Индонезии отказались признать, что единственным разумным выходом из трудного положения являются тактические переговоры и компромиссы. После разгрома Союза борьбы центром оппозиции стала Национальная партия Индонезии, объединившая вокруг себя недовольные политикой правительства Шарира элементы как из бывшего ПП, так и из разных правых группировок.

В чем же причины оппозиции НПИ?

1. Хотя НПИ была неоднородной, между различными группировками которой существовали довольно глубокие расхождения, но в данном вопросе точки зрения основных фракций НПИ совпадали. Право-центристские группировки, представляющие интересы национальной буржуазии и связанных с ней социальных сил, боялись, что переговоры приведут к восстановлению позиций иностранного капитала. Левые группировки, в основном выражающие интересы мелкобуржуазных кругов, боялись потерять свою руководящую роль в революции.

2. Программные документы НПИ более решительно, чем других партий, подчеркивали идеи национального единства и территориальной целостности Индонезии. Идея федерации, являющаяся основой переговоров, была неприемлема для "истинных националистов", считавших конституционный принцип единства священным и неприкосновенным.

3. Лидеры НПИ были недовольны тем, что руководящие посты в государстве находились в руках Левого крыла, а старым борцам-националистам были представлены лишь второстепенные должности. НПИ имела сильные позиции в местных органах власти, ей принадлежало 22,5% мест в КНИП и 40% мест в Рабочем комитете КНИП /28, 171, 193/, однако в правительстве она имела лишь 4 портфеля (из 27-и) /26, 18-20/.

4. Немаловажную роль в определении тактики НПИ играла позиция Сукарно, хотя формально он был беспартийным. Не было секретом то, что отношения между Сукарно и голландцами базировались на взаимной антипатии, что Сукарно являлся вдохновителем национального единства и что его поддержка политике переговоров была неохотной. Полагали, что Сука-

рно против прозападной партийной системы и свободы деятельности иностранного капитала. Выражая свою оппозицию к политике переговоров правительства Шарира, НПИ проявила солидарность с негласными чувствами президента республики.

5. Своей тактикой непримиримости НПИ старалась увеличить свою популярность, принимая во внимание антиголландские настроения широких общественных кругов Индонезии.

Острая политическая борьба между сторонниками правительства и оппозиционными силами развернулась в связи с ратификацией Лингаджатского соглашения, парафированного 16 ноября 1946 года.

За ратификацию были: Коммунистическая партия Индонезии, Рабочая партия Индонезии, Социалистическая партия, Католическая партия Республики Индонезии, Христианская партия Индонезии, Крестьянская партия Индонезии, Песиндо, ряд профсоюзных и молодежных организаций. Против ратификации выступали: Национальная партия Индонезии, Машуми, Народная партия, Партия простого народа, Фронт буйволов, Народная армия Западной Явы, Революционный фронт индонезийского народа, ряд женских и молодежных организаций /41, 164-177/.

Партии Левого крыла мотивировали свою позицию тактическими соображениями. Они утверждали, что ратификация Лингаджатского соглашения даст возможность укрепить независимость республики, и призывали все патриотические силы Индонезии к объединению вокруг правительства. Точка зрения партий Левого крыла была в данной обстановке правильной. Индонезии был нужен мир, а не война. Однако оппозиция думала по-иному. Она рассматривала Лингаджатское соглашение как капитуляцию Индонезии перед голландским империализмом. Снова на первый план выдвинулись лозунги 100%-ой независимости и "революционного" правительства.

12 декабря 1946 года оппозиционные организации основали Оплот Республики Индонезии (БРИ), который вскоре превратился в мощную политическую коалицию. Здесь объединились Машуми, Национальная партия Индонезии, Народная партия, Народная партия женщин, Лояльность народа Индонезии Сулавеси (КРИС), Молодое поколение учителей и ряд других организаций.

Программа борьбы БРИ состояла из следующих основных пунктов: 1) вести широкую разъяснительную работу против Ли-

Лингаджатского соглашения; 2) потребовать реорганизации КНИП, чтобы расширить состав народного представительного органа; 3) подготовиться к последствиям, которые будут иметь место, если Лингаджатское соглашение останется нератифицированным; 4) потребовать амнистии "невиновным" политическим заключенным и 5) укреплять организацию, вовлекая в нее всех противников Лингаджатского соглашения.

Создание БРИ было серьезной опасностью коалиционному правительству Шарира. Положение правительства и поддерживающего его Левого крыла еще более осложнилось новыми враждебными акциями голландцев, направленными на углубление внутриполитических трудностей Республики, разрушение национального единства и захват новых опорных пунктов (деятельность "Дивизии седьмого декабря" Вестерлинга на Сулавеси, захват Палембанга на Суматре, организация конференции национальных меньшинств в Пангкалпинанге, создание штата Восточная Индонезия и т.д.).

Деятельность голландцев заставила партии Левого крыла напрягать силы, чтобы сохранить антиимпериалистическое единство индонезийского народа. II-III января 1947 года в Суракарте состоялся IV съезд КПИ, где был принят ряд важнейших документов /см. 29, 281-294/. Главное внимание партия уделила удовлетворению жизненных интересов и требований народа: дальнейшая демократизация политической системы, обеспечение крестьян землей, прекращение деятельности монополистического капитала. В программе борьбы подчеркивалась необходимость интенсификации деятельности среди трудящихся, повышения классовой сознательности рабочих. КПИ заявила о готовности сотрудничать со всеми, кто борется против колониализма.

Съезд, однако, не проанализировал тщательно все аспекты борьбы за единство антиимпериалистических сил. Руководители КПИ недооценивали значение союза рабочих и крестьян в условиях Индонезии, а также роль национальной буржуазии как в едином фронте, так и в национально-демократической революции вообще.

В своей практической деятельности КПИ обратила главное внимание на упрочение позиций Левого крыла и на консолидацию рабочего движения. Коммунисты сыграли важную роль в Центральной всеиндонезийской организации рабочих (СОБСИ), на пер-

вом съезде которой (16-18 мая 1947 года) многие коммунисты были избраны на руководящие посты.

КПИ поддержала план правительства о реорганизации КНИП, который был подробно изложен в президентском декрете № 6 от 29 декабря 1946 года /41, 179-180/. План предусматривал: 1) назначение новых членов путем увеличения числа депутатов КНИП с 200 до 513-и; 2) значительное ослабление позиций БРИ (почти на 50%) и соответственно укрепление позиций Левого крыла; 3) общее уменьшение значения партий в КНИП путем увеличения числа формально беспартийных депутатов.

Декрет президента вызвал яростное сопротивление со стороны лидеров Машуми и НПИ. Однако в конечном счете правительстве одержало верх. Декрет был утвержден КНИП-ом (27 февраля 1947 года). После назначения новых членов (из которых большинство являлись сторонниками правительства), КНИП 5 марта дал Шариру полномочия на подписание Лингаджатского соглашения и ратифицировал его.

Сессия КНИП в Маланге была несомненно победой левых сил. Впервые в истории Индонезии коммунисты стали в законодательной сфере силой, с которой нужно было серьезно считаться. Вместо прежних двух мест (1% от общего числа мест) КПИ получила теперь в КНИП 35 мандатов (5,8% от общего числа мест). 3 представителя КПИ были избраны в состав Рабочего комитета. Усилила свои позиции Рабочая партия Индонезии. В КНИП число ее представителей увеличилось с 6 (3% от общего числа мест) до 35 (5,8% от общего числа мест). Успех левых сил выражался и в образовании больших рабочих и крестьянских фракций в новом КНИП.

Усиление левых сил в КНИП и рост влияния коммунистов в демократическом лагере Индонезии в свою очередь создали предпосылки для изоляции правых социалистов в Левом крыле, для политического и организационного отделения левых сил от правых социалистов. Открытого раскола, однако, еще не произошло, так как обе стороны были заинтересованы в продолжении сотрудничества. Правые социалисты нуждались в голосах левых сил, чтобы удержаться у власти. Коммунисты считали необходимым поддержку Шарира, пока он вел политику, соответствующую интересам независимости Индонезии.

После подписания Лингаджатского соглашения (25 марта 1947 года), Шарир пошел на некоторые уступки голландцам, которые в Индонезии вызывали резкую критику. 26 июня 1947 года Левое крыло приняло резолюцию, в которой заявлялось о несогласии с новыми уступками Шарира голландцам, ибо они "не обеспечивали единства между правительством и народом" /41, 222/. Шарир, потеряв поддержку левых сил, вынужден был 27 июня 1947 года уйти в отставку.

Новым премьер-министром стал Шарифуддин. Кроме него в состав кабинета вошли еще четыре коммуниста (Маруто Дарусман, Сетиаджит, Абдулмаджид, Викана). В правительственную коалицию были включены представители самых различных социальных и политических кругов. Вне правительства остались лишь правые социалисты, машумисты и тан-малаковцы /26, 23-24/.

Создание коалиционного правительства Шарифуддина (3 июля 1947 года) являлось большим шагом вперед к объединению всех антиимпериалистических национальных сил, к усилению Левого крыла, к росту влияния коммунистов на политической арене. Теперь очень многое зависело от правильности тактики и политической линии КПИ. Решительный отказ от дальнейших уступок и твердая позиция в отношении выполнения Лингаджатского соглашения гарантировали бы правительству поддержку всех антиимпериалистических сил, укрепили бы национальное единство. Однако политика кабинета Шарифуддина оказалась недостаточно решительной, и это привело к тяжелым последствиям.

В ночь с 20 на 21 июля голландские войска неожиданным ударом захватили республиканские учреждения в Джакарте. Раню утром 21 июля 1947 года они начали давно запланированные военные операции на Яве и Суматре /54, 17/.

В результате успешного наступления голландцев внутреннего обстановка в Республике осложнилась. Некоторые реакционные группировки перешли на сторону врага, вследствие чего голландцам удалось создать марионеточные штаты на Мадуре, Западной Яве, Суматре и т.д. Тяжелым положением решили воспользоваться правые мусульманские круги, группировавшиеся вокруг Машуми. Развивая сильную антиголландскую кампанию (14 августа 1947 года Картосувирьо объявил даже

"священную войну"), лидеры Машуми в то же самое время отарались объединить различные исламские течения и организации под своим руководством /38, 168-170/. Была усилена работа среди рабочих-мусульман, 13 ноября 1947 года представители Машуми вошли в состав кабинета, чтобы взорвать его изнутри.

В конце 1947 года наблюдалось обострение внутренних разногласий в НПИ /29, III/, а также в СП. Открытые противоречия между сторонниками Шарифуддина и правыми социалистами, проявившиеся уже весной 1947 года, все углублялись. К концу 1947 года назрели условия для окончательного раскола /16, 264/.

Таким образом, голландские планы раскола национального единства Индонезии увенчалось в 1947 году определенным успехом. Развивалась поляризация политических сил, усилились разногласия между левыми силами и либеральными группировками национальной буржуазии.

Источники и литература

1. Ленин В.И. Социалистическая партия и беспартийная революционность. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т. 12, стр. 133-141.
2. Ленин В.И. О карикатуре на марксизм и об "империалистическом экономизме". Полное собрание сочинений, изд. пятое, т. 30, стр. 77-130.
3. "К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС". Москва, 1970.
4. "Программа Коммунистической партии Советского Союза". Москва, 1968.
5. Айдит Д.Н. Избранные произведения. Статьи и речи. Москва, 1962.
6. Васильева В. События в Индонезии. "Мировое хозяйство и мировая политика", 1946, № 1/2.
7. Губер А.А. Введение. "Республика Индонезия 1945-1960". Москва, 1961.

8. Джуана Мох и Сулван. Государственный строй Индонезии. Москва, 1959.
9. Жаров В.А. Индонезия на пути упрочения независимости (1949-1956). Москва, 1964.
10. Забозлаева О.И. Формирование рабочего класса в Индонезии. "Краткие сообщения Института востоковедения". № XX. Москва, 1956.
11. Ионова А.И. Индонезийская буржуазия и рабочий класс (1945-1960 гг.). Москва, 1966.
12. "Классы и классовая борьба в развивающихся странах", I. Москва, 1967.
13. Кямилев Э.Х. Завоевание Индонезией независимости. Москва, 1972.
- 13а. "Национально-освободительное движение в Индонезии (1942-1965)". Москва, 1970.
14. Сотников Ю.А. Индонезия. "Аграрные отношения в странах Востока". Москва, 1958.
15. Сукарно. Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. Москва, 1956.
16. Aidit, D.N. Garis-garis pokok perjuangan ideologi didalam P.K.I. "Bintang Merah", 1951, No. 10.
17. Assaat. Hukum tata negara Republik Indonesia dalam masa peralihan. Jogjakarta, 1948.
18. "Basic information on Indonesia". Djakarta, 1953.
19. Brackman A.C. Indonesian communism. A history. New York, 1963.
20. "Dasar-dasar pokok marhaenisme." Djakarta, 1962.
21. Dsg. 11 Desember sependjang maea. "Bingkisan nasional" kenangan 10 tahun revolusi Indonesia. Djakarta, 1955.
22. Fischer L. The story of Indonesia. New York, 1958.
23. Hardjito. Risalah gerakan pemuda. Djakarta 1952.
24. Hardjono A.M. Dokumentasi perjuangan pemuda Indonesia 1915 - 1950. Medan, 1950.

25. "Illustrations of the revolution. 1945 - 1950. From a unitary state to a unitary state". Djakarta, 1954.
26. "Kabinet-kabinet Republik Indonesia". Djakarta, 1958.
27. Kahin G.McT. Indonesian politics and nationalism. "Asian nationalism and the West", ed. by W.L. Holland. New York, 1953.
28. Kahin G.McT. Nationalism and revolution in Indonesia. Ithaca, 1955.
29. "Kepartaian di Indonesia". Djakarta, 1951.
30. Kertapati S. Sekitar proklamasi 17 Agustus 1945. Djakarta, 1961.
31. Koesnodiprodjo. Himpunan undang², peraturan², penetapan² pemerintah Republik Indonesia, 1945. Djakarta, 1951.
32. "Lukisan revolusi rakyat Indonesia", 1945-1949. Jogjakarta, 1949.
33. Malik A. Riwayat dan perjuangannya sekitar proklamasi kemerdekaan Indonesia 17 Agustus 1945. Djakarta 1962.
34. Mintz J.S. Marxism in Indonesia. "Marxism in Southeast Asia", ed. by F.N. Trager. Stanford, 1959.
35. Mook H.J. van. Indonesië, Nederland en de Wereld. Amsterdam, 1949.
36. Mook H.J. van. The stakes of democracy in Southeast Asia. New York, 1950.
37. Muslimin A. Ichtisar perkembangan otonomi daerah, 1903 - 1958. Djakarta, 1960.
38. Nieuwenhuijze C.A.O. van. Aspects of islam in post-colonial Indonesia. The Hague, 1958.

39. "Peringatan sewindu hilangnya Tan Malaka bapak murba dan Republik Indonesia". Djakarta, 1957.
40. Permadipura K.O. Mengenang detik proklamasi kemerdekaan. "Bingkisan nasional" kenangan 10 tahun revolusi Indonesia. Djakarta, 1955.
41. "Republik Indonesia. Daerah Istimewa Jogjakarta". s.l., s.a.
42. "Republik Indonesia. Kotapradja Djakarta Raya". s.l., s.a.
43. "Republik Indonesia. Propinsi Djawa Barat". s.l., s.a.
44. "Republik Indonesia. Propinsi Sulawesi". s.l., s.a.
45. "Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Selatan". s.l., s.a.
46. "Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Tengah". s.l., s.a.
47. Salam S. Djenderal Soedirman pahlawan kemerdekaan. Djakarta, 1963.
48. Sjahrir S. Out of exile. New York, 1949.
49. Sjahrir S. Indonesian socialism. Rangoon, 1956.
50. Smit C. De liquidatie van een imperium. Nederland en Indonesië 1945 - 1962. Amsterdam, 1962.
51. Sukarno. The XIV anniversary of Heroes Day. November 10 th, 1959. Djakarta, 1959.
52. Sukarno. An autobiography, as told to Cindy Adams. Indianapolis, 1965.
53. Tedjasukmana I. The political character of the Indonesian trade union movement. Ithaca, 1959.
54. "The history of the armed forces of the Republic of Indonesia". Djakarta, 1960.

55. Tirtoprodjo S. Sedjarah revolusi nasional Indonesia. Tahapan revolusi bersendjata 1945 - 1950. Djakarta, 1963.
56. Trullinger O.O. Red banners over Asia. Oxford, 1950.
57. Wehl D. The birth of Indonesia. London, 1948.
58. Wertheim W.F. Indonesian society in transition. A study of social change. The Hague - Bandung, 1956.
59. Wolf C. The Indonesian story: the birth, growth and structure of the Republic of Indonesia. New York, 1948.
60. Yamin Moh. Sapta dharma (patriotisme Indonesia). Medan, 1950.

Resümee

1945. aasta sügisel kujunes Indoneesias revolutsiooniline situatsioon, mis viis Jaapani okupatsioonirežiimi kukutamisele ja Indoneesia Vabariigi väljakuulutamisele.

Indoneesia sõltumatusest olid eluliselt huvitatud kõik põhilised sotsiaalsed jõud: tööliklass, talupoegkond, rahvuslik kodanlus, väikekodanlus. Sel baasil ning väikekodanlike demokraatide juhtimisel formeerus Indoneesias antiimperialistlik rahvuslik ühisrinne. Tema ideoloogiliseks aluseks said Sukarno poolt formuleeritud "viis printsiipi": indoneesia natsionalism, internatsionalism ehk humanism, demokratism, sotsiaalne hüveolu ja "tsiviliseeritud" usk jumalasse.

Hollandi võimu ennistamise vastu suunatud rahvuslik ühisrinne püsis kuni 1948. aastani. Kuid juba 1946. aastal hakkasid mitmed tegurid nõrgestama selle ühisrinde efektiivsust: tihe da liidu puudumine tööliklassi ja talupoegkonna vahel, PKI vähesed kogemused ning sellest tulenevad taktikalised vead, võitluse teravnemine võimu pärast, Hollandi võimude lõhestav tegevus jne.

Tõsisemad sisepoliitilisi komplikatsioone tekitasid 1946. aastal väikekodanliku ekstremisti Tan Malaka poolehoidjate võimuambitsioonid. Alles pärast riigipöördekatse läbikukkumist (2. juulil 1946.a.) sai Sjahriri valitsus võimaluse kindlustada Indoneesia Vabariigi positsioone läbirääkimistel Hollandiga. Tuginedes pahempoolsete parteide (nn. Sajap Kiri) toetusele, tegi valitsus mitmeid järeleandmisi ning saavutas 1947. aasta kevadel Linggadjati lepingu allakirjutamise ja ratifitseerimise.

Mitte tunnustades kompromisside vajalikkust antud olukorras, lõid opositsioonilised parteid (Masjumi, PNI, KRIS jt.) 1946.a. lõpul poliitilise koalitsiooni valitsust toetavate pahempoolsete jõudude vastu. Opositsiooniline koalitsioon ei suutnud küll nurja ajada Indoneesia-Hollandi kokkuleppe sõlmimist 25. märtsil 1947.a., kuid ta kasutas ära järgnenud sündmusi (Sjahriri valitsuse asendumine Sjafiruddini valitsusega, lahkhelide süvenemine Linggadjati lepingu tõlgendamise küsimuses, Hollandi nn. esimene polit-

seiahtsioon, uute marionetlike riikide tekkimine Indonee-
sias jne.) rahvusliku ühisrinde nõrgestamiseks ja Sajap
Kiri parteide positsioonide nõrgestamiseks.

Zusammenfassung

Im Herbst 1945 bildete sich in Indonesien die revolutionäre Situation aus, die zum Sturz des japanischen Okkupationsregimes und zur Erklärung der Republik Indonesien führte.

Für die Unabhängigkeit Indonesiens hatten alle fundamentalen sozialen Kräfte ein lebenswichtiges Interesse: die Arbeiterklasse, das Bauerntum, die nationale Bourgeoisie, das Kleinbürgertum. Auf dieser Grundlage und unter der Führung der kleinbürgerlichen Demokraten formierte sich in Indonesien die antiimperialistische nationale Einheitsfront. Zu ihrer Grundlage wurden die von Sukarno formulierten "fünf Prinzipien": der indonesische Nationalismus, der Internationalismus oder Humanismus, der Demokratismus, das soziale Wohlbefinden und der "zivilisierte" Glauben an Gott.

Die gegen die Wiederherstellung der Macht der Holländer gerichtete nationale Einheitsfront behauptete sich bis 1948. Jedoch im 1946 begannen mehrere Faktoren die Wirkungskraft dieser Einheitsfront bereits zu schwächen: das Fehlen eines engen Verbandes zwischen der Arbeiterklasse und dem Bauerntum, die unzureichenden Erfahrungen nebst den sich daraus ergebenden taktischen Fehlern der PKI, die Verschärfung des Kampfes für die Macht, die spalterische Tätigkeit der holländischen Behörden u.s.w.

Ernste innenpolitische Komplikationen wurden im 1946 durch die Machtambitionen der Anhänger des kleinbürgerlichen Extremisten Tan Malaka hervorgerufen. Erst nach dem Fiasko des Staatsstreiches (am 2. Juli 1946) war die Regierung von Sjahrir imstande, die Positionen der Republik Indonesien in den Verhandlungen mit Holland zu sichern. Indem sie sich auf die linksstehenden Parteien (Sajap Kiri) stützte, machte die Regierung mehrere Zugeständnisse und erreichte im Frühling 1947 das Unterzeich-

nen und die Ratifikation des Vertrages von Linggadjati.

Die Notwendigkeit der Kompromisse unter gegebenen Verhältnissen nicht anerkennend, schlossen die oppositionellen Parteien (Masjumi, PNI, KRIS u.a.) am Ende des Jahres 1946 eine Koalition gegen die die Regierung unterstützenden linksstehenden Kräfte. Wohl vermag die oppositionelle Koalition die Schliessung des indonesisch-holländischen Vertrags am 25. März 1947 nicht zum Scheitern zu bringen, jedoch nützte sie die folgenden Begebenheiten (wie die Ersetzung der Regierung von Sjahrir durch diejenige von Sjari-fuddin, die Vertiefung von Meinungsverschiedenheiten in der Deutung des Vertrags von Linggadjati, die sogen. erste Polizeiaktion der Holländer, die Entstehung neuer Marionettenstaaten in Indonesien u.s.w.) zum Lockern der nationalen Einheitsfront und zur Unterwühlung der Positionen der Parteien von Sajap Kiri.

О. К Л А А С С Е Н

РАСКОЛ АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ ИНДОНЕЗИИ И БОРЬБА ЗА ЕГО ВОССТАНОВЛЕНИЕ (1948-1951)

В В Е Д Е Н И Е

В истории борьбы индонезийского народа за единство антиимпериалистических сил немало примечательных страниц.

Уже в 1912 году возник Саракат ислам - революционно-демократический союз, который "постепенно превращался в блок всех антиимпериалистических элементов, объединяющий различные прослойки и классы индонезийского общества в условиях еще недостаточного размежевания классовых сил" /6а, 187/. Между двумя мировыми войнами образовались различные федерации политических организаций: в 1918 году - Национальная концентрация, в 1927 году - Соглашение политических национальных союзов Индонезии, в 1939 году - политическое объединение Индонезии. Все они были ступеньками к возникновению широкого антиимпериалистического фронта в Индонезии /см. 6, 80-84/.

Важной вехой являлось создание в 1920 году Коммунистической партии Индонезии, ее неустанная борьба за консолидацию антиимпериалистических национальных сил против голландского империализма и японского милитаризма. Роль коммунистов особенно возрастала в годы второй мировой войны, когда они активно участвовали в организации сопротивления японским оккупантам.

Однако из-за многих объективных и субъективных факторов КПИ не смогла стать во главе антиимпериалистического движения. Гегемоном образовавшегося в 1945 году единого фронта антиимпериалистических национальных сил Индонезии и Августовской революции 1945-1948 годов стали мелкобуржуаз-

ные элементы — элементы, на неустойчивость, колебания и двуличность которых В.И. Ленин неоднократно указывал (см., например, 2, 341; 3, 40; 4, 199; 5, 133/.

Руководящая роль мелкобуржуазных элементов таила в себе известную угрозу для продолжения единства антиимпериалистических национальных сил Индонезии.

I.

Наступление реакции и раскол национального единства

1948 год стал для национального единства Индонезии годом тяжелых испытаний. Разногласия между разными социальными и политическими силами, *начавшиеся* еще в 1947 году, углублялись и привели в конечном счете к расколу антиимпериалистического единства.

Тяжелые экономические последствия "полицейской акции" 1947 года и дипломатический нажим голландцев и их империалистических союзников вынудили правительство Шарифуддина к принятию голландских "12 политических принципов" (от 2 января 1948 года) и предложенных Комиссией добрых услуг ООН "6 дополнительных принципов" (от 11 января 1948 года) /текст см. 39, 387-388/.

17 января 1948 года, на борту американского транспортного судна "Ренвиль", стоявшего в бухте Джакарты, были подписаны "12 политических принципов" и соглашение о перемирии. 19 января 1948 года последовала церемония подписания "6 дополнительных принципов".

Условия Ренвильских соглашений были чрезвычайно трудные для Республики Индонезии. Но в то же время эти соглашения дали индонезийцам столь необходимое время для передышки, "временное облегчение", как отметил Сукарно. Отклонение от соглашения повлекло бы за собой быструю катастрофу, так как республика "не смогла бы выдержать второе наступление" / 59, 250-251/.

Подписание Ренвильских соглашений, с одной стороны, спасло республику от окончательной оккупации, но с другой стороны, крайне усложнило внутреннее положение Индонезии. В едином национальном фронте разногласия стали быстро углубля-

ться. Консервативная и либеральная буржуазия вместе с присоединившимися к ним группировками отвергли прежнюю коалиционную политику и перешли в наступление против демократических сил страны. Поворот к расколу антиимпериалистического единства национальных сил был обусловлен многими факторами. Правые круги были обеспокоены ростом влияния коммунистов и других левых сил в политической жизни страны. Их тревожили успехи в области классовой консолидации рабочих и активизация рабочего движения. Они боялись возможности нового нападения голландцев и надеялись изменением политического курса предотвратить полную оккупацию страны. Свою роль сыграли как американский политический нажим, так и обещания финансовой помощи /см. 32, 208-209, 254/.

Раскол в едином национальном фронте проявился прежде всего в нападках правых элементов на правительство Шарифуддина. Уже 16 января 1948 года руководство Машуми сделало заявление, в котором потребовало отставки правительства и создания т.н. национального делового кабинета /49, 274-275/. С аналогичным заявлением 18 января 1948 года выступило руководство НПИ /49, 275/. Правительство Шарифуддина обвинялось в чрезмерной уступчивости, в уничтожении республики. Лидеры Машуми демагогически требовали продолжения борьбы.

С другой стороны, в декларации Исполнительного совета Левого крыла о политическом положении в стране, опубликованной 22 января 1948 года, утверждалось, что Ренвильские соглашения являются для оппозиции второстепенным вопросом, а свержение кабинета - главной проблемой. В декларации, подписанной Тан Лин Жи (СП), Луат Сирегар (КПИ) и Судисманом (Песиндо), обвиняли лидеров Машуми в раскалывании национального единства, в измене национальным интересам, в секретных переговорах с голландцами и американцами /49, 257-277/.

Отпор правительственной коалиции махинациям оппозиции был очень слабым и малоэффективным. Лидеры Левого крыла не смогли в решающий момент мобилизовать широкое общественное мнение для активной поддержки правительства. Положение кабинета Шарифуддина стало критическим, особенно в связи с отъездом Машуми и НПИ своих представителей из правительства. 23 января 1948 года, после бесплодных попыток реорганизовать правительство, Шарифуддин со своими коллегами подали в

отставку. Отставка была принята. Сукарно поручил формирование нового правительства вице-президенту Мохаммеду Хатта /56, 24.I. 1948/.

Падение правительства Шарифуддина означало начало раскола единого национального антиимпериалистического фронта. Анализируя причины фактического переворота, Н. Симония пишет, что "в результате малочисленности и раздробленности пролетариата, недостаточной сплоченности его с другими революционными силами, прямого перехода части мелкобуржуазной демократии на сторону буржуазии власть в стране в январе 1948 года оказалась в руках буржуазии" /16, 25/.

В ходе борьбы против Левого крыла осуществлялось сближение двух основных партий национальной буржуазии — Машуми и НПИ. Их лидеры заключили союз против коммунистов и других национальных левых сил. Правда, Хатта сделал политический жест и предложил партиям Левого крыла три второстепенных министерских портфеля, но при этом он твердо рассчитывал, что его предложение будет отклонено. И эти расчеты оправдались. 29 января 1948 года Хатта сформировал правительство без участия в нем представителей левых организаций. В новом правительстве Машуми и НПИ заняли доминирующее положение /29, 27-28/.

Сформирование правительства Хатты было серьезным ударом по Левому крылу, которое впервые попало в положение оппозиции. Сложившейся ситуацией воспользовались правые социалисты во главе с Шариром. Они отказались от своего прежнего союза с коммунистами, вышли из Социалистической партии и 13 февраля 1948 года (по другим данным 11 или 12 февраля /17, 181; 57, 37/) создали новую партию — Социалистическую партию Индонезии (СПИ). Из манифеста новой партии стало очевидным, что принцип широкого антиимпериалистического фронта был уже неприемлем для правых социалистов и что они намерены искать сотрудничества с правыми националистами /57, 40-43/.

Раскол единого национального фронта заставил левые революционные силы предпринять шаги для перегруппировки и консолидации своих рядов, найти более твердую организационную основу для координации действий левых организаций. 26 февраля 1948 года в Суракарте состоялся большой массовый ми-

тинг, организованный руководством Левого крыла. В митинге принимали участие Шарифуддин, Сетиаджит и другие видные лидеры левых организаций. На митинге было объявлено о реорганизации Левого крыла в Народно-демократический фронт (ФДР). Председателем новой организации был избран Шарифуддин. На руководящие должности ФДР были избраны и ряд других коммунистов: Тан Лин Жи, Сетиаджит, Айдит, Ньюто и др.

В Народно-демократический фронт вступили КПИ, Рабочая партия Индонезии, Социалистическая партия и молодежная организация Песиндо. Активную поддержку оказали объединение профсоюзов СОБСИ и самая большая крестьянская организация БТИ. Число членов ФДР достигало 87 000 /18, 72/.

Программа ФДР, принятая 26 февраля 1948 года и переработанная 5 марта 1948 года, должна была отразить интересы самых широких демократических кругов населения. Она требовала создания национального коалиционного правительства, ответственного перед парламентом, проведения радикальной аграрной реформы, национализации предприятий, принадлежащих иностранному капиталу, и улучшения положения трудящихся масс. В то же время некоторые статьи программы были довольно резко направлены против ислама и национальной буржуазии /32, 260; 19, 6; 13, 283/. Это противодействовало росту влияния ФДР среди крестьянских и мелкобуржуазных масс, ограничивало его социальную базу и препятствовало сплочению всех антиимпериалистических сил.

Программа ФДР требовала немедленного прекращения переговоров с голландцами и аннулирования Лингаджатского и Ренвилльских соглашений. Лидеры ФДР не понимали, что главной опасностью национальному антиимпериалистическому единству были уже не переговоры с Голландией, а попытки правых группировок дискредитировать революционные силы, и прежде всего коммунистов, затруднить их связи с массами, вызывать разногласия между ними, и таким образом укрепить свою власть в стране.

Первое время правые элементы действовали довольно сдержанно и отношения между правительством Хатта и ФДР не принимали острого характера. Но чем дальше, тем активнее правые начали наступать. 1 апреля 1948 года по инициативе лидеров Машуми и правых социалистов был создан Напио-

нальный фронт /63, 259-260/. В него входили Машуми, Социалистическая партия Индонезии, Национальная партия Индонезии, Католическая партия Республики Индонезии, Христианская партия Индонезии, партия Мусульманский союз Индонезии и Молодое поколение Республики Индонезии. Сначала присоединилась к Национальному фронту и СОБСИ, однако через несколько дней она порвала с ним /56, 7. IV. 1948/. Национальный фронт был создан с целью раскола демократических сил страны, изоляции коммунистов, объединения национальных организаций под руководством правых группировок и обеспечения национальной буржуазии гегемонии в индонезийской революции.

Эти планы не дали ожидаемого успеха. Вне Национального фронта остались многие политические партии и влиятельные массовые организации. Не удалось изолировать КПИ от других демократических сил страны. Наоборот, ее авторитет и влияние укрепились. Расширилась деятельность ФДР, работавшего под непосредственным руководством коммунистов. По некоторым данным к середине августа 1948 года в нем числилось уже 13 организаций /56, 16. VII. 1948/.

В наступлении правых сил на демократическое движение в стране важную роль играло движение Дар-уль-ислама.

Религиозное по форме, движение Дар-уль-ислама имело определенные социальные и политические корни. Его колыбелью была горная Западная Ява, где в течение последнего столетия происходило интенсивное обезземеливание крестьян. Западная Ява очень сильно страдала от войны и оккупации. Недовольство империализмом, колониализмом и остатками феодализма было благоприятной базой для распространения экстремистских идей, разжигаемых религиозным фанатизмом.

1 марта 1948 года лидер мусульманского экстремизма Картосувирьо издал декрет о создании Совета мусульман. Новая организация, во главе которой стоял имам, должна была по замыслам ее создателей объединить всех мусульман Западной Явы. Деятельность Машуми в этом районе объявлялась прекращенной. В тот же день была опубликована программа действий Совета мусульман. По существу это была программа движения Дар-уль-ислама. В программе подчеркивалась необходимость подготовки к созданию исламского государства как в области организационной и политической, так и в области

идеологической, а также была подчеркнута необходимость интенсификации пропаганды против соглашений с голландцами /45, 165-166, 170/. Через два месяца, 1 мая 1948 года на Западной Яве было провозглашено Исламское государство Индонезии /50, 214/.

Укрепление и организационное оформление движения Дар-уль ислама было серьезным ударом по единству национальных сил Индонезии, углубляя уже существующий раскол. Хотя сначала движение Дар-уль ислама было лояльно по отношению к республике, оно с самого начала содержало опасность раскола государства. Идея Картосувирьо о "тотальной революции мусульман" /45, 172/ была по своему характеру реакционной и шла вразрез с демократическими традициями и перспективами развития индонезийского общества.

Движение Дар-уль ислама не нашло поддержки в широких национальных кругах Индонезии. Большинство политических организаций относилось к нему недоверчиво или даже враждебно. Однако нашлись и такие политические силы, которые более или менее откровенно выражали свою симпатию к движению Дар-уль ислама. Прежде всего сюда входили крайне правые элементы из партии Машуми и других исламских организаций. Движению Дар-уль ислама симпатизировали также некоторые сепаратистские элементы (главным образом на Западной Яве, Северной Суматре и Южном Сулавеси).

Возникновение раскола в национальном движении и углубление поляризации политических сил вызвало тревогу мелкобуржуазных кругов, которые видели в создавшемся положении угрозу своей гегемонии в национально-демократической революции. На этой почве появились идеи о примирении левых и правых сил, о восстановлении единого антиимпериалистического фронта, о воссоединении всех национальных сил на основе единой программы действий. Большую роль в реализации этих идей играл президент Сукарно, по инициативе которого 20 мая 1948 года был торжественно отмечен "день национального пробуждения" /см. 22, 23/. В этот день было опубликовано совместное коммюнике 20 политических партий и организаций /39, 363/, в котором главное внимание было обращено на призыв к упрочению национального единства /текст см. 22, 32-35/. На основе совместного коммюнике и в тесном сотрудни-

честве разных политических сил к 14 июня 1948 года была выработана Национальная программа /текст см. 48/, которая должна была стать основой для координации деятельности партий и организаций. Концепция национального единства была основой и главным содержанием Национальной программы.

Подписывая Национальную программу, партии ФДР стремились к ликвидации существовавших разногласий между различными антиимпериалистическими силами Индонезии. Но для правых сил подписание Национальной программы было лишь политическим маневром, призванным замаскировать их все углубляющуюся раскольническую деятельность. Признание программы было для них демагогическим шагом по направлению к укреплению своих позиций, к обеспечению расширения своего влияния, к нанесению вреда сотрудничеству левых сил. И это им удалось. Официальное признание программы правительством Хатты (27 июля 1948 года) /56, 28. УП. 1948/ практически снимало с повестки дня вопрос о реорганизации кабинета. Правым элементам национальной буржуазии удалось сорвать попытку восстановления единства национальных сил на основе общей программы.

Раскольническую деятельность развивали также сторонники Тан Малаки. 6 июня 1948 года они создали Народное революционное движение (НРД), объединяющее семь политических организаций. Руководителями НРД стали лидер Народной партии Маруто Нитимихарджо и вождь Фронта буйволов Муварди. Политическая платформа НРД поддерживала правительство Хатты. Программа НРД носила националистический характер. В области внешней политики НРД заняло позицию враждебную Советскому Союзу /42, 216/.

В лице НРД правые националисты получили союзника в борьбе против демократических сил, в частности коммунистов. Социальная и политическая демагогия лидеров НРД, их яростный национализм и антикоммунизм, а также вооруженные банды НРД (с разоружением которых правительство медлило) пригодились правым силам для борьбы с коммунистами.

Таким образом, своим политическим наступлением в первой половине 1948 года правое крыло национальной буржуазии добилось определенных результатов. В их руках было сосредоточены ключевые позиции государственного аппарата. Единый

антиимпериалистический национальный фронт был расколот. Основные политические партии национальной буржуазии поддерживали политику правительства. В рядах левых сил было заметно некоторое замешательство, неуверенность. В то же время активизировали свою деятельность штурмовые отряды наиболее реакционных, антикоммунистических сил. Все это создало благоприятные условия для перехода правых сил к более решительным действиям, к открытому наступлению на революционные силы с помощью клеветы, провокаций и применения оружия.

2.

Мадиунские события и их последствия

Правым элементам нужна была расправа над демократическими силами по многим соображениям. Прочные позиции левых, и особенно коммунистов, в профсоюзах, крестьянских, молодежных и других организациях мешали расширению влияния национальной буржуазии среди трудящихся масс. Революционное учение марксизма-ленинизма тормозило путь идеям буржуазного национализма. Мелкобуржуазные круги колебались. Им не хотелось порывать с наиболее последовательными революционными силами рабочих и крестьян, с которыми они были связаны узами общих страданий, совместной борьбы и совпадающих стремлений. Мелкобуржуазные революционеры не хотели уступать национальной буржуазии свою роль гегемона в антиимпериалистическом движении. Правым группировкам понадобилась не только умелая демагогия, но и демонстрация силы.

К расправе над демократическими силами толкнули и внешнеполитические соображения. На фоне всеобщего наступления международного империализма на силы мира, демократии и социализма правые группировки Индонезии надеялись своей решительностью заслужить доброжелательность и понимание империалистических государств, особенно США. Разгром коммунистов должен был стать ключом, открывающим доступ в капиталистический мир /см. 7/.

В июне 1948 года правительство Хатты приступило к чистке армии от нелояльных в отношении правительства элемен-

тов. Такой курс был в грубом противоречии как с задачей укрепления обороноспособности страны, так и с требованием восстановления национального единства. Этот курс должен был привести и привел к обострению внутреннего положения страны и к углублению раскола между демократическими силами и правым крылом буржуазии (либеральным и консервативным).

В начале июня 1948 года был обнародован план демобилизации 40 000 человек /56, 8. УІ. 1948/. В первую очередь правительство решило демобилизовать ІУ дивизию ("Сенопати"), среди личного состава которой ФДР имел сравнительно большое влияние. Такой шаг по существу был провокационным актом в отношении демократических сил. Начало массовой демобилизации сопровождалось усилением антикоммунистической пропаганды, увольнением государственных служащих, придерживавшихся левых взглядов, организацией отдельных локальных вооруженных столкновений, инициаторами которых часто являлись экстремистские элементы, объединявшиеся вокруг НРД, и т.д. /см. 8, І7І-І73/.

Такая сложная обстановка требовала от КПИ и других демократических организаций максимума хладнокровия, стойкости, непоколебимости, терпеливости и осмотрительности. Нельзя было поддаваться провокациям. В то же время ситуация требовала укрепления связей с массами, консолидации демократических сил, разоблачения антинародной политики правительства Хатты.

Индонезийские коммунисты уделяли большое внимание преодолению организационной слабости. 3 августа 1948 года вернулся в Индонезию видный деятель КПИ Муссо, находившийся с 1936 года в эмиграции. В своем интервью Муссо подчеркнул, что он будет бороться за укрепление сотрудничества различных политических сил на основе единого национального фронта, куда вошли бы все прогрессивные антиимпериалистические элементы страны /49, 278/.

Муссо был решительным борцом за единую сильную коммунистическую партию. Он требовал немедленной ликвидации распыленности сил КПИ. По его инициативе партии ФДР основательно проанализировали сложившееся положение в Индонезии и наметили меры для усиления антиимпериалистической борьбы индонезийского народа. На заседаниях Политбюро ЦК КПИ ІЗ-

14 августа 1948 года Муссо выступил с обширным докладом, в рамках которого он подробно охарактеризовал ситуацию, прежнюю деятельность КПИ и задачи, стоявшие перед индонезийскими коммунистами. После обсуждения доклада Муссо Политбюро ЦК КПИ приняло резолюцию "Новый путь для Республики Индонезии" /текст см. 23/.

Особая часть в резолюции была посвящена вопросу о национальном фронте. В этой части отмечалось, что до сих пор индонезийские коммунисты слишком мало уделяли внимания проблеме национального фронта как "антиимпериалистического оружия национальной революции". Подчеркивалось, что коммунисты должны захватить инициативу в свои руки и создать на основе сотрудничества с другими партиями сильный национальный фронт, который охватил бы все прогрессивные национальные силы и наказом действия которого была бы "Национальная программа". В резолюции было подчеркнуто, что "без национального фронта победы не будет" /23, 9/.

По мнению Политбюро ЦК КПИ создание национального фронта должно было основываться на следующих принципах: 1) руководящая роль коммунистов, 2) метод убеждения, 3) инициатива масс, 4) индивидуальное членство, и 5) избрание комитетов на демократической основе.

Выдвинутая в резолюции идея о национальном фронте являлась важной частью боевой программы индонезийских коммунистов. От эффективности осуществления этой идеи зависела не только судьба коммунистического движения в Индонезии, но и судьба революции и всего будущего Индонезии. На данном этапе национально-освободительного движения в Индонезии необходимо было объединить все антиимпериалистические силы страны, притом не настаивая на безусловной гегемонии пролетариата, для чего еще не было условий. Индонезийский рабочий класс еще не был достаточно подготовлен руководить революцией. Он был организационно распылен, политически недостаточно опытен. Его связи с международным рабочим движением были еще очень слабы. На его идеологию воздействовали различные мелкобуржуазные, религиозные и националистические теории. Его авангард — Коммунистическая партия Индонезии — был еще в стадии организационного, политического и идеологического созревания. В то же время основные слои мелкой и национальной буржуазии далеко еще не утратили своей революционности, своей способности антиимпериалистической борьбы.

В этих условиях было ошибкой игнорировать возможность гегемонии различных буржуазных элементов в национальном фронте, безоговорочно предположить неделимое руководство коммунистов. Такое требование, выдвинутое в резолюции, внесло только путаницу и недоразумение в ряды борцов за национальное освобождение, необоснованно ограничило состав и поле деятельности национального фронта, сделало сомнительными его перспективы.

В резолюции правильно было отмечено, что настоящий этап индонезийской революции является буржуазно-демократическим. Практические указания и предложения, однако, не всегда соответствовали этому исходному принципу. Требование создания правительства национального фронта являлось практически (на фоне руководства коммунистов в этом фронте) требованием передачи власти от национальной буржуазии к левым элементам, группировавшимся вокруг ФДР. Нереальность этого требования при данном соотношении социальных и политических сил была очевидной. Руководящие правые группировки приняли это как открытый вызов. Перспективы восстановления антиимпериалистического национального единства ухудшились.

Принятие резолюции "Новый путь для Республики Индонезии" было важным актом в жизни КПИ. Оно заложило основу последующей деятельности индонезийских коммунистов.

24 августа 1948 года Политбюро ЦК КПИ сделал заявление, призывая создать единую партию рабочего класса, объединить все прогрессивные силы страны в национальном фронте и сформировать новое правительство на широкой коалиционной основе /49, 278-279/. 27 августа 1948 года Рабочая партия Индонезии объявила, что она принимает предложение КПИ об объединении партий рабочего класса. 30 августа 1948 года аналогичное заявление опубликовала Социалистическая партия /18, 83/.

Вскоре после чрезвычайной конференции КПИ (26-27 августа 1948 года), на которой был одобрен "Новый путь для Республики Индонезии", слияние партий осуществилось. 1 сентября 1948 года был опубликован список нового Политбюро ЦК КПИ, куда вошли лидеры легальной и нелегальной КПИ, Социалистической партии, Рабочей партии Индонезии и Песиндо /32,

276/. В новое Политбюро, состоявшее из 16 человек, входили Муссо (генеральный секретарь), Маруто Дарусман, Тан Лин Жи, Нгадиман (эти четыре составляли ядро, осуществлявшее практическое руководство /40, 293/), Чокронегоро, Айдит, Сутрисно, Викана, Сурипто, Шарифуддин, Лукман, Алиман, Сарджоно, Судисман, Ньото и Рускак.

Объединение партий вызвало в правительственных кругах острую реакцию. Выступая 2 сентября 1948 года на заседании Рабочего комитета КНИП с речью /текст см. 27, 5-38/, Хатта очень резко критиковал левые силы, заявляя, что он "не поддается коммунистическому давлению по вопросу проведения политики правительства". Он обвинял демократические силы в том, что они ставят под сомнение основы управления государством и пытаются сорвать осуществление Ренвильских соглашений. Хатта категорически отверг идею союза всех антиимпериалистических сил мира и установления отношений с Советским Союзом. Решительно отрицательную точку зрения он выразил в отношении реорганизации правительства.

Хатте удалось добиться для своей политики поддержки со стороны Машуми и НПП. Лидеры этих партий отказались от переговоров с КПП /56, 14. IX 1948/, подтверждая этим стремление к дальнейшему наступлению на демократические силы. Как отмечает Н. Симония, "политическая власть буржуазии не могла быть стабильной в условиях сохранения в стране самостоятельных массовых организаций трудящихся, опиравшихся на значительные слои в армии. Буржуазия могла упрочить свое положение, лишь расправившись с организованным пролетариатом и подчинив своему влиянию мелкую буржуазию. Для этого ей необходимо было, так сказать, выманить пролетариат на улицу" /16, 25/.

Своей недостаточно продуманной тактикой единого фронта, переоценкой своих возможностей и недооценкой роли национальной буржуазии КПП объективно способствовала усилению внутриполитического напряжения в стране. Курс на форсированное создание массовой пролетарской партии и претензии на руководящую роль в национальном фронте насторожили правые элементы и побудили их к ускорению подготовки фронтального наступления.

В начале сентября начались провокации в Суракарте, в Блитаре и в других городах (похищение членов КПИ, налеты на помещения левых организаций, вооруженные столкновения и т.д.) /подробнее см. 6, 202-207; 30, 264/. Самый опасный инцидент возник в Маджуре.

18 сентября 1948 года в Маджуре произошло столкновение между дислоцированными здесь войсками. Для предотвращения расширения конфликта и восстановления в городе порядка, демократические организации Маджура обратились к заместителю бургомистра Супарди с требованием применить необходимые меры к обеспечению спокойствия. Супарди был согласен и взял на себя всю полноту власти в городе. Фактически, однако, власть перешла в руки местных лидеров левых организаций во главе с руководителем Песиндо Сумарсоно. К ним присоединились дислоцированные в Маджуре части регулярной армии под руководством полковника Джокосулоно и подполковников Дахлана и Сумантри. Поскольку новые власти не подчинялись центральному правительству, в Маджуре фактически совершился государственный переворот /см. 6, 208-216; 51, 53-90; 32, 283-303/.

Деятельность местных военных и общественных лидеров была обусловлена неправильной оценкой существующей обстановки в республике и непониманием основных задач данного этапа. Руководители левых сил в стране, воодушевленные успехами антиимпериалистического движения во всем мире, теряли чувство реальности по отношению к своим собственным возможностям. Они недооценивали провокационного характера последних событий. Им казалось, что наступила пора для немедленного перехода к решению задач социалистической революции. Но они ошибались.

Индонезийская революция была национально-демократической. Ей предстояло решить ряд важных вопросов буржуазно-демократического характера: завоевание и укрепление национальной независимости, ликвидация феодальных пережитков, преодоление экономической отсталости и т.д. Перескочить этот этап было невозможно. В Индонезии не было ни объективных, ни субъективных предпосылок для перехода к осуществлению социалистической революции. Пролетариат был слаб, недостаточно организован. Отсутствовал прочный союз с крестьянством. В основном крестьянские и мелкобуржуазные массы шли за нацио-

нальной буржуазией. Военная власть была в руках правительства. Социалистические идеи были мало распространены, господствовал буржуазный национализм. Коммунистическая партия Индонезии была в стадии реорганизации. Ее связи с трудящимися массами были слабы. Недостаточно были контакты с международным рабочим и коммунистическим движением.

Руководители захвата власти в Маджуре забыли, что в колониальных и полуколониальных странах переход к диктатуре пролетариата возможен "по правилу лишь через ряд подготовительных ступеней, лишь в результате целого периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую" /12, 30/.

Когда в Маджуре вспыхнуло восстание (18 сентября 1948 года), Муссо и Шарифулдин находились в Пурвадаи, около 100 километров к северо-западу от Маджура. Большинство других лидеров КПИ находились в Джокьякарте /36, 95/. Переворот в Маджуре был для них неожиданностью. Муссо и Шарифулдин немедленно направились в Маджур, чтобы ознакомиться с положением дел на месте. В ночь на 19 сентября они встретились с лидером Песиндо Сумарсоно. Выяснилось, что пути к отступлению уже нет. Тогда Муссо и Шарифулдин решили поддержать восставших. Это решение было ошибкой. Они забыли указание Ф. Энгельса, что "если мы обязаны поддерживать всякое действительно народное движение, то мы обязаны также не приносить понапрасну в жертву ядро нашей пролетарской партии, только что успевшее образоваться, и не допускать, чтобы пролетариат истреблялся в бесплодных местных мятежах" /1, 474/. Присоединяясь к восставшим, руководители КПИ поставили на карту судьбу и своей партии и всей революции.

Правительство немедленно воспользовалось удобным случаем. Вечером 19 сентября 1948 года президент Сукарно выступил по радио с речью /текст см. 49, 284-286/. Он обвинил коммунистов в захвате власти, формировании "советского правительства" и намерениях свержения правительства Республики Индонезии. На следующий день, 20 сентября 1948 года перед Рабочим комитетом КНИП выступил премьер-министр Хатта. В своей речи /см. текст 27, 87-92/ Хатта очень резко нападал на коммунистов. Утверждая, что Индонезия стоит "перед большой опасностью", Хатта требовал передачи всей полноты власти президенту, т.е. фактически правительству.

Рабочий комитет удовлетворил требование Хатты. Правительство приступило к наступлению. В Джокьякарте были разгромлены штаб-квартиры КПИ, Песиндо и СОБСИ. Проводились массовые аресты. В район Маджуна были направлены сильные военные части под общим руководством полковника Сунгконо. Штурм главного центра восставших был поручен отборным подразделениям I дивизии ("Силиванги") во главе с полковником Насутином.

Хотя маджуновское восстание было поддержано локальными восстаниями в ряде других городов (Боджонегоро, Джомбанг, Кедири, Воносари и т.д.), силы были неравны. Против 10-тысячной армии, атаковавшей Маджун, восставшие могли выставить лишь 3000-4000 человек. Тем не менее ожесточенные бои за Маджун продолжались до конца сентября. В горах отряды восставших продолжали оказывать сопротивление до конца октября 1948 года.

Маджунские события были настоящей национальной трагедией для Индонезии. В боях погибло несколько тысяч человек. Число арестованных достигало 36 000 /37, 202/. Восстание в Маджуне толкнуло в лагерь правых антикоммунистических сил не только национальную буржуазию, власть которой была в опасности, но и различные слои мелкой буржуазии, мелкобуржуазную интеллигенцию, основную часть офицерства, некоторые группировки крестьянства. Фактически в Индонезии сложился антикоммунистический фронт под руководством правого крыла национальной буржуазии. Национальное единство, образовавшееся в 1945 году, распалось.

В Индонезии наступили тяжелые времена.

3.

Возникновение новых перспектив восстановления антиимпериалистического единства

Восстание в Маджуне было использовано правительством Хатты для подрыва влияния коммунистов в народных массах. Антикоммунистическая пропаганда была основным средством дезориентации народа.

Особое место в планах реакции имела организация НРД, созданная приверженцами Тан Малаки в начале июня 1948 года. Правые круги намеревались использовать эту мелкобуржуазную националистическую организацию, жонглировавшую ультралевыми лозунгами, для подрыва коммунистического движения в Индонезии, для распространения идей национализма среди народных масс. Их надежда была оправдана. Члены НРД внедрялись в ослабевшие профсоюзы, крестьянские и молодежные организации, пытаясь захватить руководство в свои руки. Они развивали по существу националистическую пропаганду под завесой "национального коммунизма". Объектом своего особого внимания они выбрали индонезийский рабочий класс - самую революционную и организованную массовую социальную силу.

В начале ноября 1948 года НРД было реорганизовано. Вместо союза слабо между собой связанных партий 7 ноября 1948 года возникла единая партия Мурба /32, 313/. Председателем партии стал Сукарни. В своей программе Мурба объявила, что ее основой являются антифашизм, антиимпериализм и антикапитализм, что она базируется на деятельности пролетариата, и что организационным принципом ее является демократический централизм /34, 319-325/.

Мурба с самого начала была мелкобуржуазной партией, хотя ее программа и пропаганда были направлены на привлечение пролетарских и полупролетарских масс. Ее влияние охватывало главным образом мелкобуржуазную интеллигенцию, учащуюся молодежь, радикальное крыло буржуазии, деклассированные элементы /см. 60, 164, 35, 147/.

После мадиунских событий в некоторых кругах вновь была поднята проблема национального единства. Джакартская газета "Новости Индонезии" писала 2 сентября 1948 года: "Можно сказать, что с падением Маджуна ФДР-КПИ Мусо-Амира скончалась. Поэтому перед республикой, прежде всего перед руководством национального движения возникла новая задача: заложить основу для восстановления единства с целью продолжения нашей национальной борьбы" /51, 77/. По мнению прессы, на политической арене Индонезии после Маджуна фигурировали три основные силы, с которыми следовало считаться: 1) правые социалисты Шарира, активно участвовавшие в подавлении Маджунского восстания, 2) радикальные националисты,

объединившиеся вокруг партии Мурба, и 3) правящая коалиция Машуми-НПИ. Считалось, что сотрудничество между этими группировками вполне возможно /51, 78/.

Но это было не так. Правые лидеры Машуми, в руках которых была сосредоточена реальная власть, не хотели делиться этой властью ни с кем. До формирования правительства Хатты, Машуми - самая большая по количеству членов партия /см. 34, 14/ - была почти постоянно руководящей оппозиционной силой, главной целью которой было овладение властью. Теперь эта власть оказалась в ее руках, и лидеры Машуми старались ее удержать и укрепить.

Голландские власти внимательно следили за событиями в Республике. Раскол антиимпериалистического национального единства и внутривнутриполитические осложнения в Индонезии побудили их к новым агрессивным акциям. Приняв за предлог неудовлетворительность переговоров, правительство Нидерландов поздним вечером 18 декабря 1948 года односторонне аннулировало Ренвилльские соглашения. Рано утром 19 декабря 1948 года началась т.н. вторая полицейская акция /46, 20. XII. 1948/.

Голландцам удалось в Джокьякарте арестовать лидеров республики и за две недели с относительно небольшими потерями оккупировать важнейшие центры. Однако фактически "вторая полицейская акция оказалась для Голландии пирровой победой" /58, 150/. На всей оккупированной территории начало развиваться массовое партизанское движение /59, 260/. Параллельно с партизанской войной индонезийцы прибегали к таким средствам борьбы, как саботаж, обструкция и несотрудничество с голландцами. Последнее приобретало поистине общенациональные размеры. Так, например, из полумиллионного населения Джокьякарты пошло на сотрудничество с оккупационными властями лишь 6 000 человек /31, 47/.

Вторая агрессия против республики вызвала поворот в отношениях "внешних владений" с Голландией. Резко укрепились антиголландские силы. Сильные восстания вспыхнули на юге Калимантана, на острове Бали, на Южном Сулавеси и во многих других местах. Даже многие лидеры проголландских группировок стали пересматривать свои точки зрения в некоторых вопросах, касающихся межиндонезийских отношений и отношений с Королевством Нидерландов. В знак протеста ушли в отставку правительства Восточной Индонезии, Пасундана и Западного Борнео.

Всенародное сопротивление врагу создавало в 1949 году объективно благоприятные условия для новой консолидации национальных сил. Правда, в трагические декабрьские дни 1948 года погибли многие видные руководители КПИ: 19 декабря 1948 года близ Суракарты в селе Каранганъяр, по приказу местных военных властей были расстреляны Шарифуддин, Сурипно, Сарджоно, Маруто Дарусман, подполковник Джокосуйоно и еще 6 коммунистов; в Магеланге был казнен 41 коммунист. Тысячи коммунистов и других патриотов были арестованы голландцами и их марионетками. Но демократы, сумевшие сохранить свою жизнь и свободу, активно включились в борьбу против голландских оккупантов. В некоторых местах коммунисты организовали вооруженные партизанские отряды. Листовка коммунистов, распространенная в январе 1949 года в Джокьякарте, призывала к прекращению внутренних раздоров и к восстановлению единого антиимпериалистического фронта борьбы. Аналогичный призыв содержался и в прокламации КПИ, распространенной в начале апреля /18, 109, 114-117/.

Идея восстановления национального единства была очень популярна в демократических кругах, что вызывало определенную тревогу у голландских властей и стремление предпринять контрмеры. Особенно активно они занимались распространением всяких слухов, с целью посеять недоверие, породить сомнения, разжечь неприязнь и раздоры между различными политическими партиями и группировками /43, 154-155/. Но их усилия давали относительно мало эффекта.

В то же время правые элементы не отказывались от своих нападок на коммунистов. Упорно раздувался миф о том, что индонезийские коммунисты — это голландские агенты. Антикоммунистическая пропаганда распространялась всюду — и на Яве, и во "внешних владениях" /см. 33, 93/. Это, конечно, влияло отрицательно на консолидацию национальных сил. Нахождение полноты власти в руках национальной буржуазии, слабость коммунистических организаций после массовых репрессий 1948 года, неуверенность и колебания в демократических кругах, переход мелкобуржуазных масс на сторону и под руководство национальной буржуазии, использование интенсивной антикоммунистической пропаганды, часто проводимой под флагом защиты ислама, фактическое руководство национальной

буржуазии антикоммунистическим фронтом — все это содействовало тому, что руководящая роль в национально-освободительном движении перешла от мелкобуржуазных националистов к либеральному крылу национальной буржуазии, к тем элементам, интересы которых наиболее ясно выражали правые группировки Машуми и СПИ.

Арест Сукарно, Хатты и других руководителей государства голландцами и переход правительственной власти к машумисту Шафруддину Правиранегара, известному своими антикоммунистическими взглядами, укрепили позицию Машуми. Ее лидеры начали играть все возрастающую роль внутри страны. Пользуясь религиозными чувствами широких масс, руководители Машуми всячески пытались подорвать авторитет левых сил и укрепить свое влияние на политическую жизнь Индонезии. В известной мере их стремлениям помогла гибель Тан Малаки весной 1949 года.

В интересах укрепления своих позиций машумисты поставились использовать ненадежное положение оккупантов, которое становилось с каждым днем все хуже. 26 февраля 1949 года голландский представитель Бейл изложил свой план "решения проблемы", который предусматривал переговоры в условиях, когда лидеры республики находились в заключении. Этот план провалился. Он был отвергнут правительством республики, которое категорически отказалось от переговоров до освобождения Сукарно, Хатты и других руководителей республики. В начале марта 1949 года план Бейла был отвергнут также лидерами федералистов /I4, I47-I49/. Совместное выступление республиканцев и федералистов против плана Бейла фактически означало возникновение всеиндонезийского единого фронта борьбы за политическую независимость страны.

Голландцы вынуждены были отступить. 7 мая 1949 года было опубликовано соглашение Рум-ван Ройена /текст см. 39, 390-391/, согласно которому 30 июня 1949 года голландские войска эвакуировались из Джокьякарты, а 6 июля 1949 года руководители республики вернулись в столицу. В своей первой речи после освобождения Сукарно заявил, что необходимо продолжать работу для обеспечения и укрепления национально-го единства /44, 7. УП. 1949/.

Сукарно был прав. Без дальнейшей консолидации национальных сил, без восстановления единства антиимпериалистических сил и расширения этого единства в масштабе всего архипелага невозможно было надеяться на положительный исход борьбы за политическую независимость. Прежде всего нужно было найти общий курс с федералистами, в рядах которых вследствие второй голландской агрессии произошли значительные изменения.

До декабря 1948 года голландцы имели довольно сильное влияние среди федералистов, особенно во "внешних владениях". "Полицейская акция" 1948 года открыла глаза многим из тех индонезийцев, которые до сих пор еще верили в добропорядочность голландских правящих кругов. Они поняли, что настоящей независимости можно добиться лишь в случае сотрудничества с республиканцами.

Свою роль в сближении федералистов с унитаристами играла примирительная политика Хатты. Уже в конце 1948 года представитель Республики Индонезии Палар заявил в Совете Безопасности ООН, что федерализм является "концепцией, полностью признанной республикой", и что Хатта и ряд других лидеров "всегда были верными защитниками идеала федерализма /62, 328-329/. В 1949 году эта политическая линия продолжалась.

Немаловажную роль в изменении политического курса лидеров созданной в 1948 году голландцами Федеральной консультативной ассамблеи (БФО) играло усиление активности республиканских группировок в различных районах "внешних владений". В результате второй голландской агрессии в широких слоях населения резко возросли антиголландские настроения. Лидеры федералистов не могли с этим не считаться.

Все это создало благоприятную атмосферу для осуществления практических шагов в направлении консолидации сил республиканцев и федералистов. Сложились условия для конструктивных переговоров о будущем Индонезии.

С 19-22 июля 1949 года в Джокьякарте состоялась I меж-индонезийская конференция, в которой принимали участие делегации Республики Индонезии и БФО. Конференция проходила успешно. Стороны договорились о ряде важных принципиальных вопросов, касающихся государственного устройства будущей Индонезии/текст соглашений см. 24, 206-207/. В том числе договоренность была достигнута в следующих пунктах:

1) будущие Соединенные Штаты Индонезии (СШИ) основываются на принципах демократии и федерализма;

2) в принципе структура СШИ базируется на Ренвильских соглашениях;

3) высшими органами СШИ являются: двухпалатный парламент, президент и ответственный перед ним кабинет министров, верховный суд;

4) штаты сохраняют внутреннюю автономию;

5) все спорные вопросы решаются между штатами и федеральным правительством, без вмешательства голландских властей.

Через 10 дней, 31 июля 1949 года в Джакарте собралась II межиндонезийская конференция. На этой конференции были приняты подробные соглашения о государственном устройстве, об экономических и финансовых вопросах, о проблемах безопасности и культуры /текст соглашений см. 24, 208-214/. В соглашениях было подчеркнуто единство индонезийского народа.

Анализ документов I и II межиндонезийских конференций показывает, что в ходе этих переговоров фактически была достигнута единая платформа республиканцев и федералистов против неоколониальных планов голландского империализма. Образование такого, хотя и неполного единства взглядов стало возможным благодаря взаимным уступкам сторон.

Соглашаясь с федеративным устройством Индонезии в соответствии с Ренвильскими соглашениями, Республика де юре признала автономию штатов, созданных голландцами после подписания Лингаджатского соглашения. Республика согласилась с участием лидеров БФО в управлении будущим индонезийским государством. Она не возражала также против некоторого ограничения полномочий центрального правительства в пользу местных властей.

Взамен этих уступок делегация Республики Индонезии достигла ряда принципиальных уступок со стороны федералистов и стоящих за ними голландцев. Лидеры БФО согласились с централизацией основных рычагов экономики (финансов, внешней торговли и т.д.), а также вооруженных сил. Войсковые соединения штатов подлежали ликвидации, голландские войска - эвакуации. Единственным официальным языком был признан индонезийский язык.

Основным достижением межиндонезийских конференций был отрыв федералистов от голландцев и их сближение с республиканцами. Это было важным сдвигом в области соотношения сил между голландским империализмом и индонезийскими националистами. В то же время это означало возникновение нового качества в деле создания прочного антиимпериалистического единства национальных сил Индонезии.

Параллельно со сближением федералистов и республиканцев рост национальной солидарности был замечен в усилении профсоюзного и молодежного движения (создание в июле 1949 года Ассоциации профсоюзов Индонезии, всеиндонезийская конференция молодежи в августе 1949 года и т.д.).

Начиная с третьей декады августа 1949 года внимание общественности Индонезии было сконцентрировано на Гаагской конференции круглого стола, которая продолжалась с 23 августа до 2 ноября 1949 года /подробнее см. IO, II-17/.

Голландское правительство надеялось на послушную поддержку делегации БФО, но его надежды не сбылись. Уже миновали времена, когда голландцы могли диктовать свою волю федералистам. Теперь делегация БФО выступала как правило заодно с делегацией Республики Индонезии во всех основных вопросах. Это было большим шагом вперед к созданию всеиндонезийского антиимпериалистического единства, в котором принимали бы участие все прогрессивные силы всех районов и всех этнических групп Индонезии.

Соглашения Гаагской конференции /текст см. 24, 69-181/ были для Индонезии очень тяжелыми. Но в то же время они все-таки гарантировали Индонезии перспективы упрочения завоеваний политической независимости. Реализация этих перспектив зависела от многих объективных и субъективных факторов, среди которых немаловажную роль играл фактический ход дальнейшей консолидации антиимпериалистических сил Индонезии.

Укрепление антиимпериалистического единства
в ходе борьбы за восстановление унитарного государства

Официальное признание независимости США Королевством Нидерландов 27 декабря 1949 года, а затем и другими государствами, несомненно было важным достижением индонезийского народа. Хотя Индонезия лишь юридически считалась полноправным субъектом международных отношений, в условиях интенсивного укрепления всемирной социалистической системы и ослабления позиций империализма сложились реальные возможности для упрочения формальной самостоятельности, для постепенного превращения ее в подлинную политическую независимость.

В реализации этих объективных возможностей немаловажную роль играли внутренние факторы Индонезии, в первую очередь — дальнейшие успехи консолидации национальных сил. Для завоевания полной независимости необходимо было достигнуть прочного антиимпериалистического единства патриотических сил всей Индонезии. Задачи состояла в укреплении той тенденции сближения, которая началась вследствие второй голландской агрессии, и которая служила надежной основой для создания всеиндонезийского национального фронта различных социальных и политических сил.

Экономические и политические последствия Гаагских соглашений (восстановление позиций иностранного капитала, формальность суверенитета, сохранение голландских войск на территории Индонезии и т.д.) не удовлетворяли основные социальные силы Индонезии. Все они были заинтересованы в продолжении борьбы за упрочение независимости, за ликвидацию голландского господства.

В этой борьбе в 1950 году на первый план продвинулся вопрос о форме государственного устройства Индонезии. Различные национальные силы были недовольны федеративной системой страны, принятой "под сильным нажимом голландцев" /64, 83/. Недовольство широких кругов индонезийской общественности было вызвано нескOLONиальным характером создания федерации.

В большинстве штатов и других автономных единиц БФО по-прежнему у власти находились проголландские группировки, не имевшие ни политического авторитета, ни широкого социального базиса. При осуществлении своей власти они опирались на поддержку местной аристократии, бывших колониальных чиновников и солдат Королевской армии Нидерландской Индии (КНИД). Представительные органы штатов были образованы недемократическим путем и не выражали реального соотношения сил. Народные массы фактически были лишены элементарных гражданских прав. Под защитой правящих кругов свирепствовали различные террористические банды. В штатах БФО господствовали беззаконие, произвол, продажность. Все это подчеркивало фиктивность независимости штатов, возникших по воле голландцев. Интересы подлинной региональной автономии требовали укрепления центральной власти, отстранения от власти голландских ставленников, которые препятствовали достижению полной независимости страны.

С каждым днем все яснее становилось, что федерация, навязанная голландцами и их марионетками, является выгодной лишь колонизаторам. Но ликвидация федерации была очень серьезной и сложной проблемой. Индонезийско-голландские соглашения не оставляли никакой легальной возможности для положительного решения этой проблемы. Единственной официальной основой была Декларация независимости 17 августа 1945 года, провозглашенная от имени всего индонезийского народа. Для большинства индонезийцев этого было достаточно. Но руководителям США и республики пришлось принимать во внимание целый ряд факторов: международную обстановку, присутствие голландских войск, возможности марионеточных правительств штатов, деятельность террористических банд и т.д. Поэтому первое время центральное правительство не могло открыто поддерживать движение за восстановление унитарного государства. Это движение возникло стихийно и выразило спонтанный протест индонезийского народа против Гаагских соглашений.

В этом стихийно возникшем движении немаловажную роль играла идея об историческом единстве всех народностей и этнических групп Индонезии. Эта идея была выражением стремления к совместным выступлениям во имя независимости и

процветания, выражением общей борьбы против колонизаторов во времена голландского господства.

Итак в 1950 году в Индонезии существовали благоприятные предпосылки для новой консолидации национальных антиимпериалистических сил: всеобщее недовольство социально-экономическим положением страны; разоблачение неокOLONИАЛЬНОГО характера федеративной структуры, навязанной голландцами; ослабление политических позиций федералистов — сторонников голландской опеки; оживление многовековых традиций совместной борьбы за свободу. Борьба за восстановление унитарного государства и движение за укрепление единства антиимпериалистических сил по существу были между собой тесно связаны.

Борьба за ликвидацию федеральной системы проходила не под лозунгом передачи власти федеральному правительству (хотя этот лозунг был также поднят), а под девизом воссоединения с Республикой Индонезией. Это имело принципиальное значение. В этом выразилась не только популярность, притягательная сила республики, провозглашенной от имени всего индонезийского народа, но и открытая ненависть к неокOLONИАЛЬНЫМ США. Передача власти центральному правительству означала бы ликвидацию республики, превращение ее в провинцию США. Присоединение к республике, наоборот, представляло бы собой ликвидацию США, замену их Республикой Индонезией. Юридически вопрос заключался в следующем: признать основой независимости либо Декларацию 17 августа 1945 года, либо неравноправные голландско-индонезийские соглашения 1947-1949 годов.

Первые спонтанные антифедеральные заявления и резолюции, непосредственно связанные с созданием индонезийской федерации, появились уже в августе 1949 года /см. 26, 84-85; 53, 232/. В конце 1949 года размах унитарного движения расширился. На Восточной Яве ряд местных партийных, профсоюзных, молодежных и др. организаций потребовал воссоединения штата с Республикой Индонезией /51, II8-II9/.

Под нажимом демократических организаций 21 декабря 1949 года парламент Восточной Явы принял решение о ликвидации штата /51, 121/. Весь процесс совершился здесь без особого сопротивления со стороны федералистов. На Восточной

Яве были сильные революционные традиции и антиголландские настроения. Аристократические круги имели на Восточной Яве относительно мало влияния. В политической жизни преобладали группировки мелкой и национальной буржуазии. Свое влияние оказали прореспубликански настроенные трудящиеся массы городов и сельских районов.

На Мадуре движение за унитарное государство проходило в более сложных условиях. Демократическим силам пришлось сломить сопротивление аристократических кругов, укрепившихся в правительственных органах штата. Лишь 9 февраля 1950 года глава штата передал свой мандат уполномоченному США /51, 102-109/.

В марте 1950 года Сукарно издал декреты о включении Мадур, Восточной Явы и Центральной Явы в Республику Индонезию /47, 58-66; 58, 202/.

Наиболее трудное положение сложилось в начале 1950 года на Западной Яве, где находился штат Пасундан.

Западная Ява имела большой экономический потенциал и стратегическое значение, и это привлекало постоянное внимание голландцев. Она была первым районом, куда голландцы проникли после провозглашения независимости Индонезии. Полный захват Западной Явы был одной из главных целей первой голландской агрессии. Здесь весной 1947 года голландцы инспирировали возникновение первого очага сепаратистского движения /см. 20, 190/. Западная Ява была районом, где формировалось и начало действовать движение Дар-уль ислама, скоро превратившееся в одну из основных антиреспубликанских сил. Здесь в марте 1949 года Вестерлинг, тогда уже демобилизованный из голландской армии, создал свои первые подрывные отряды /10, 43/. В январе 1950 года Вестерлинг поднял мятеж, захватил Бандунг и некоторые находящиеся поблизости населенные пункты. Однако мятежники, за которыми стояли федералисты во главе с султаном Понтианак Хамидом II, не нашли поддержки среди местного населения. Мятеж на Западной Яве провалился и 11 марта 1950 года штат Пасундан был ликвидирован. Силы унитаризма одержали очередную победу.

Весной 1950 года борьба за унитарное государство завершилась победой унитаристов также на Суматре и Калимантане. Наиболее упорным было сопротивление федералистов в шта-

те Восточная Индонезия. Однако после подавления мятежа капитана Азиса /см. 52, 249-300/, новый кабинет заявил, что его программой является объединение с республикой (9 мая 1950 г.).

Несколько дней раньше, 3-5 мая 1950 года в Джакарте встретились премьер-министр США Хатта, глава штата Восточная Суматра Мансур и глава штата Восточная Индонезия Сукавати. Они договорились о восстановлении унитарной Индонезии /55, 339/. Подписание соответствующего соглашения было вынужденным шагом для правительств Восточной Суматры и Восточной Индонезии. Все остальные штаты и специальные территории были уже ликвидированы /15, 6/. Восточная Индонезия фактически распалась: отдельные ее части отделились от штата и присоединились к Республике Индонезии/9, 366/. Остановить этот процесс было уже невозможно. Что касается Восточной Суматры, то федералисты этого штата оказались в полной изоляции.

Последним опорным пунктом проголландских федералистов были Южно-Молуккские острова, где 25 апреля 1950 года была провозглашена республика /см. 21, 80, III/. Мятеж сепаратистов был подавлен в основном к концу 1950 года. Этот мятеж был последней попыткой голландцев помешать военной силой восстановлению унитарного государства в Индонезии, сохранить в стране свое политическое господство. Общепризнанное антиимпериалистическое движение провалило планы колонизаторов и заставило их отступить.

В процессе возникновения, расширения и усиления унитаристского движения в Индонезии происходила новая консолидация национальных сил. Если в начале движения в защиту идеи унитаризма поднялись лишь одинокие, между собой не согласованные голоса местных отделений партий и различных массовых организаций, то вскоре это движение превратилось в борьбу национального масштаба, в которую включились все основные социальные и политические силы страны.

Наиболее активную роль играла Национальная партия Индонезии, в которой в 1949-1950 гг. заметно усилилось радикальное левое крыло. С 1-5 мая 1950 года в Джокьякарте состоялся очередной, IV конгресс НПИ, где левые элементы, представляющие влиятельные круги национальной и мелкой бур-

жуазии, одержали победу над правыми группировками. Лидер радикальных националистов Сидик был избран председателем партии. В программу была включена статья о необходимости создания "антикапиталистического блока" /34, II7-II8/. На конгрессе была принята т.н. концепция Сусанто, в которой был изложен подробный план восстановления унитарного государства в централизованном порядке /подробнее см. 9, 363/.

Партия Машуми тоже стояла на позициях унитаризма. Но ее лидеры придерживались более осторожного курса, чем лидеры НПИ. IV конгресс Машуми, состоявшийся в декабре 1949 года в Джокьякарте, требовал проведения плебисцитов в вопросе восстановления унитарного государства /34, 25/. Но в дальнейшем Машуми не настаивала на осуществлении своего программного требования. Многие местные отделения Машуми, принимая во внимание интенсивное расширение антифедерального движения, соединились с другими прореспубликанскими организациями в единый антиимпериалистический фронт борьбы за унитарное государство /см. 54, 343/.

Большинство более мелких партий присоединилось к движению за восстановление единой Индонезии. За унитарное государство выступали Народная партия женщин, Партия независимой Республики Индонезии, Движение исламского воспитания, Партия великой Индонезии, Союз простого народа Индонезии, Партия Мурба и др. /см. 34, 76, 152, 204, 218, 263, 324, 362/. Многие местные национальные организации, выражая свою симпатию к унитаристскому движению, объединились с НПИ (Национальные союзы Южного Калимантана, Сумбавы и Бангки, Национальное объединение Восточного Калимантана и др.).

Коммунистическая партия Индонезии пока еще не сумала оправиться от ударов, полученных в 1948 году. В 1949 году руководство партии, куда входили Алимин, Тан Лин Жи, Нгадиман и др., решило восстановить деятельность "на трех уровнях", существовавшую до осени 1948 года. Коммунисты опять рассеяли свои силы между нелегальной КПИ, легальной КПИ, Социалистической партией и Рабочей партией Индонезии / см. 28, 22/. Легально действующие коммунисты стремились к сотрудничеству с левыми националистами из НПИ. Это сотрудничество осталось, однако, эпизодическим. В общенациональном движении за унитарное государство КПИ не участвовала. Некоторые

руководящие индонезийские коммунисты неправильно оценивали борьбу за единую Индонезию. Они даже видели в этом движении маневр империалистов и их приспешников /см. II, 5.I.1951/. Такая ошибочная точка зрения мешала коммунистам восстанавливать связи с трудящимися массами и их организациями.

19 мая 1950 года правительства США и Республики Индонезии подписали соглашение о выработке проекта новой конституции единой Индонезии /текст см. 4I, 20.V.1950/. 15 августа 1950 года парламент США одобрил проект новой конституции /текст см. 6I/. 17 августа 1950 года унитарная Республика Индонезия официально была восстановлена.

Этим актом был завершен важный этап не только в национально-демократической революции Индонезии, но также в истории борьбы за национальное антиимпериалистическое единство. Движение за унитарное государство в 1949-1950 гг. создало благоприятные предпосылки для восстановления единства демократических национальных сил. В ходе борьбы с федералистами, поддержанными международным империализмом, оживились революционные традиции, окрепли боевые связи между различными социальными и политическими силами страны, расширилось и организационно укрепились рабочее движение, постепенно собралась с силами Коммунистическая партия Индонезии. С другой стороны, восстановление унитарного государства вело к принципиальным изменениям во взаимоотношениях разных группировок национальной буржуазии. На первый план выступил вопрос о путях дальнейшего развития индонезийского общества.

Источники и литература

1. Энгельс Ф. Письмо Ф. Турати от 26 января 1894 года. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. Ленинград, 1953.
2. Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т. 12, стр. 271-352.
3. Ленин В.И. О конституционных иллюзиях. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т. 34, стр. 33-47.

4. Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т. 34, стр. 151-199.
5. Ленин В.И. УШ съезд РКП(б) 18-23 марта 1919 г. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т. 38, стр. 125-215.
6. Айдит Д.Н. Избранные произведения. Статьи и речи. Москва, 1962.
- 6а. Беленский А.Б. Национальное пробуждение Индонезии. Москва, 1965.
7. Гроот П. де О национально-освободительном движении в Индонезии. "За прочный мир, за народную демократию!", 15.П.1949.
8. Губер А.А. Индонезийский народ в борьбе за независимость. "Кризис колониальной системы. Национально-освободительная борьба народов Восточной Азии". Москва-Ленинград, 1949.
9. Жаров В.А. Образование унитарного государства в Индонезии. "Вопросы новой и новейшей истории". Москва, 1958.
10. Жаров В.А. Индонезия на пути упрочения независимости (1949-1956). Москва, 1964.
11. "За прочный мир, за народную демократию!", 1949-1951.
12. "Коммунистический Интернационал в документах. Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ 1919-1932", Москва, 1933.
13. Кямилиев Э.Х. Борьба индонезийского народа за национальную независимость (1945-1949 гг.). Москва, 1968 /рукопись диссертации/.
14. "Национально-освободительное движение в Индонезии (1942-1965)". Москва, 1970.
15. "Объединенные нации. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Шестой год. Особое дополнение № I". Документ S/2087. xxx Нью-Йорк, 1951.
16. Симония Н. Путь индонезийской революции. "Азия и Африка сегодня", 1967, № 6.

17. Alers H.J.H. Om een rode of groene merdeka. 10 jaren binnenlandse politiek Indonesië. 1943-1953. Leiden, 1956.
18. Brackman A.C. Indonesian communism. A history. New York, 1963.
19. Cheng Hsueh-chia. Whither Indonesia? PKI and OOP. Taipei, 1960.
20. Ciechanowska M. Indonezja w walce o niepodległość (1945-1949). Warszawa, 1962.
21. Decker G. Republik Maluku Selatan. Göttingen, 1957.
22. Dewantara K.H. Dari kebangunan nasional sampai proklamasi kemerdekaan. Djakarta, 1952.
23. "Djalan baru untuk Republik Indonesia". "Suplemen I dari buku dan lampiran fakta dan dokumen² untuk menjusun buku "Indonesia memasuki gelanggang internasional". Periode III: Dari proklamasi kemerdekaan 17-8-1945 sampai pengakuan kedaulatan, akhir Desember 1949". XI. Djakarta, s.a.
24. "Dokumen-dokumen konperensi medja bundar. Sebelum, sesudah dan pembubarannja". Disusun, dijelaskan, dikomentir oleh: Notosoetardjo. Djakarta, 1956.
25. Fuar J.A. Peristiwa Republik Maluku Selatan. Djakarta, 1956.
26. Hardjono A.M. Dokumentasi perdjuaan pemuda Indonesia 1915-1950. Medan, 1950.
27. Hatta M. Mendajung antara dua karang. Djakarta, 1951.
28. Hindley D. The Communist Party of Indonesia 1951-1963. Berkeley - Los Angeles, 1964.
29. "Kabinet-kabinet Republik Indonesia". Djakarta, 1958.
30. Kahin G. McT. The crisis and its aftermath. "Far Eastern Survey", 1948, No. 22.
31. Kahin G. McT. Resistance in Indonesia. "Far Eastern Survey", 1949, No. 4.
32. Kahin G. McT. Nationalism and revolution in Indonesia. Ithaca, 1955.
33. Kennedy R. Field notes on Indonesia: South Celebes, 1949-1950. New Haven, 1953.

34. "Kepartaian di Indonesia". Djakarta, 1951.
35. Kerstiens T. The new elite in Asia and Africa. A comparative study of Indonesia and Ghana. New York, 1966.
36. "Keterangan OC PKI tentang peristiwa Madiun". "Bintang Merah", 1951, No. 4.
37. "Lahirnja PKI dan perkembangannja". "Bintang Merah", 1950, No. 7.
38. Leimena J. Soal Ambon. s.l., s.a.
39. "Lukisan revolusi rakjat Indonesia, 1945-1949". Jog-jakarta, 1949.
40. Lukman M.H. Perdjungan mengembalikan kedudukan dan tradisi partai. "Bintang Merah", 1953, No. 6.
41. "Merdeka" (Djakarta), 1950.
42. Mintz J.S. Marxism in Indonesia. "Marxism in South-east Asia", ed. by F.N. Trager. Stanford, 1959.
43. Nasution A.H. Fundamentals of guerilla warfare. New York, 1965.
44. "New York Times" (New York), 1949.
45. Nieuwenhuijze C.A.O. van. Aspects of islam in post-colonial Indonesia. The Hague, 1958.
46. "Nieuwe Rotterdamse Courant" (Rotterdam), 1948.
47. "Perundang-undangan nasional. Kumpulan undang-undang, undang-undang darurat, peraturan-peraturan pemerintah dan pendjelasan. Tahun 1950". Disusun dan dikerdjakan oleh: H. Soerjana-tamihardja dan B. Nasution. Djakarta-Bandung-Semarang-Surabaja, 1952.
48. "Program nasional". "Suplemen I dari buku dan lampiran fakta dan dokumen² untuk menjusun buku "Indonesia memasuki gelanggang internasional". Periode III: Dari proklamasi kemerdekaan 17-8-1945 sampai pengakuan ke-aulatan, achir Desember 1949". XI. Djakarta, s.a.
49. "Republik Indonesia. Daerah istimewa Jogjakarta". s.l., s.a.
50. "Republik Indonesia. Propinsi Djawa Barat". s.l., s.a.

51. "Republik Indonesia. Propinsi Djawa Timur". s.l., s.a.
52. "Republik Indonesia. Propinsi Sulawesi". s.l., s.a.
53. "Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Tengah", s.l.,
s.a.
54. "Republik Indonesia. Propinsi Sumatera Utara", s.l.,
s.a.
55. Schiller A.A. The formation of federal Indonesia 1945-
1949. The Hague-Bandung, 1955.
56. "Sin Po" (Djakarta), 1948, 1950.
57. Sjahrir S. Indonesian socialism. Rangoon, 1956.
58. Smit C. De liquidatie van een imperium. Nederland en
Indonesië 1945-1962. Amsterdam, 1962.
59. Sukarno. An autobiography, as told to Cindy Adams. In-
dianapolis, 1965.
60. Sundstrom H.W. Indonesia: its people and politics. To-
kyo, 1957.
61. Supomo R. Undang-undang dasar sementara Republik Indo-
nesia. Dengan sekedar tjatatan dan kete-
rangan dibawah tiap-tiap pasal. Djakarta,
1954.
62. Taylor A.M. Indonesian independence and the United Na-
tions, Ithaca, 1960.
63. Thompson V. and Adloff R. The communist revolt in
Java. The background. "Far Eastern Sur-
vey", 1948, No. 22.
64. Wertheim W.F. Indonesian society in transition. A study
of social change. The Hague-Bandung,
1956.

Resümee

Indoneesia rahvuslik ühisrinne lagunes 1948. aastal. Kasutades Ära Renville'i kokkulepete sõlmimise, sundisid Masjumi ja PNI liidrid Sjerifuddini progressiivse valitsemise ametist lahkuma ning alustasid süsteemikindlalt pealetungi Sajap Kiri parteidele.

Parempoolsete ringkondade üha tugevnev surve sundis Sajap Kiri parteisid konsolideerima oma ridu. 1948. aasta veebruari lõpul loodi Front Demokrasi Rakjat, augustis aga toimus FBI ja PS ühinemine PKI-ga ühtseks tööliisklassi parteiks. Pahempoolsete jõudude koondumine ja tugevnemine tekitas rahutust Hatta valitsuses ja seda toetavates ringkondades. Sisepoliitiline pinge maal kasvas.

Valitseva olukorra ja jõuvahekordade ebaõige hindamine viis Madiuni ülestõusuni. Selle tagajärjeks oli pahempoolsete jõudude tunduv nõrgenemine ja rahvusliku ühisrinde lõplik kokkuvarisemine. Situatsiooni ruttasid kasutama hollandlased, ent nende nn. teine politseiaktsioon osutus poliitiliseks fiaskoks. Ta põhjustas imperialismivastase liikumise tugevnemist maal ja viis põhimõttelise tähtsusega kokkulepeteni vabariiklaste ja föderalistide vahel.

1949. aasta sügisel sõlmitud Haagi kokkulepped andsid Indoneesiale vaid formaalse sõltumatuse. Selle formaalsuse üheks komponendiks oli hollandlaste poolt loodud föderalistlik süsteem, mis ei vastanud Indoneesia rahvuslikele huvidele. Juba 1949. aasta lõpul stiihiliselt alanud unitaristlik liikumine saavutas 1950. aastal suure ulatuse. Faktiliselt kujunes see laialdase ühisrinde liikumiseks separatistide väikesearvuliste rühmituste vastu, peamiselt Ida-Indoneesias. Võitlus lõppes unitaarriigi taastamisega Indoneesias 1950. aasta sügisel.

Võitlus Hollandi nn. teise politseiaktsiooni vastu ning liikumine unitaarriigi taastamise eest tõid endaga kaasa rahvuslike jõudude uue konsolideerumise. Föderalistlike ja separatistlike tendentside lüüasaamine nõrgestas Hollandi positsioone Indoneesias ja lõi soodsad eeldused võitluseks täieliku poliitilise sõltumatuse eest.

Zusammenfassung

Im Jahre 1948 brach die nationale Einheitsfront Indonesiens zusammen. Die Führer von Masjumi und PNI machten sich die Abkommen im Renville zunutze, zwangen die progressive Regierung von Sjarifuddin zur Abdankung, und begannen eine systematische Offensive gegen die Parteien Sajap Kiri.

Der beständig zunehmende Druck seitens der rechtsgerichteten Kreise zwang die Parteien von Sajap Kiri zur Konsolidierung ihrer Reihen. Am ende Februar 1948 wurde die Front Demokrasi Rakjat ins Leben gerufen, im August aber erfolgte die Vereinigung von PBI und PS mit FKI zu einer Einheitspartei der Arbeiterklasse.

Die andauernde Konzentrierung und Verstärkung der linksgesinnten Kräftegruppen verursachte Aufregung in der Regierung von Hatta und in den sie unterstützenden Gesellschaftskreisen. Die innenpolitische Spannung im Lande wuchs.

Die unzureichende Schätzung der herrechenden Lage und der Kräfteverhältnisse führte zum Aufstand von Madiun. Dessen Ergebnis war eine beträchtliche Schwächung der linksgesinnten Kräfte, sowie der endgültige Zusammenbruch der nationalen Einheitsfront.

Die Holländer beeilten sich, die Lage auszunutzen; jedoch entpuppte sich ihre sogenannte zweite Polizeiaktion als politisches Fiasko. Dies bewirkte eine weitere Verstärkung der antiimperialistischen Kräfte im Lande und führte zu prinzipiellen Verständigungen zwischen den Republikanern und Föderalisten.

Die im Herbst 1949 getroffenen Haager Abkommen gaben Indonesian bloss eine formelle Unabhängigkeit. Als eine Komponente jener Formalität erwies sich das von den Holländern geschaffene Bundessystem, das den nationalen Interessen Indonesiens nicht entsprach. Die bereits am Ende des Jahres 1949 spontan eingesetzte unitarische Bewegung erreichte im 1950 grosse Tragweite. Faktisch gestaltete sie sich zu einer weitläufigen Bewegung der Einheitsfront gegen die nicht zahlreichen Gruppierungen von Separatisten; und dieses in erster Linie in Ost-Indonesien. Der Kampf endigte mit der Wiederherstellung des unitarischen Staates in Indonesien im Herbst 1950.

Der Kampf gegen die sogen. zweite Polizeiaktion der Holländer, und die Bewegung zur Wiederherstellung des unitarischen Staates brachten eine neue Konsolidierung der nationalen Kräfte mit sich. Die Niederlage der föderalistischen und separatistischen Tendenzen schwächte die Positionen der Holländer in Indonesien und schuf günstige Voraussetzungen zum Kampf für eine völlige politische Unabhängigkeit.

О. К Л А С С Е Н

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ИНДОНЕЗИИ ЗА АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СИЛ В 1951-1956 ГГ.

В В Е Д Е Н И Е

Коммунистическая партия Индонезии, возникшая в 1920 году, была наиболее последовательным и упорным борцом за уничтожение колониального режима в Индонезии, за национальную независимость индонезийского народа.

Путь ее борьбы был нелегким. Долгие годы (1926 - 1945) пришлось находиться в подполье. Преследование голландских властей, а затем японских оккупантов причинило партии много вреда. Погибли тысячи коммунистов. Многие лидеры КПИ вынуждены были эмигрировать. Затруднена была деятельность партии в массах. Почти полностью прекращались связи с международным рабочим движением.

Несмотря на все трудности, индонезийские коммунисты всегда были в авангарде борьбы против голландских и японских колонизаторов. В этой неустанной борьбе КПИ укрепились организационно, политически и идеологически. Выросли и закалялись новые кадры, расширялся опыт политической деятельности, углублялись теоретические знания.

Тем не менее, в Августовскую революцию 1945 года КПИ вступила "... без должной подготовки. Это произошло потому, что партия не имела теоретических знаний о характере революции в Индонезии, не накопила опыта работы по созданию национального фронта и строительству партии и ... не имела опыта вооруженной борьбы" /7, 719/.

В первые годы существования Республики Индонезии (1945-1950) КПИ накопила огромный опыт практической работы по реализации ленинской идеи о совместной борьбе всех антиимпериалистических национальных сил против колонизаторов. Д.Н.Айдит писал: "Опыт данного периода позволял сделать важный вывод относительно двойственного характера национальной буржуазии,

вывод о том, что в определенных условиях эта буржуазия может принимать участие в революции и твердо стоять на ее стороне, но в других условиях может проявить колебание и пойти на предательство. Сотрудничая с национальной буржуазией, партия не должна отказываться от самостоятельности и не должна упускать из вида своего наиболее многочисленного союзника — крестьянство" /7, 720/.

Все эти важные проблемы — союз рабочего класса с крестьянством, организационное укрепление партии, формы и методы сотрудничества с национальной буржуазией — были тщательно разработаны партией и претворялись в жизнь, начиная с 1951 года. Тактика единого антиимпериалистического фронта КПИ базировалась на основных положениях марксизма-ленинизма и на понимании реальной действительности Индонезии. Она правильно сформулировала и провела в жизнь конкретные шаги создания и укрепления единства демократических национальных сил.

I.

Образование Межпартийного координационного комитета

Завершение борьбы за восстановление унитарного государства привело с собой важные изменения в соотношениях различных национальных сил. В Индонезии "... каждый общественный слой, каждая группа, каждое течение начали бороться ... прежде всего за свои собственные интересы" /9, 73/. Началась острая борьба между отдельными группировками национальной буржуазии, в основном между двумя крупнейшими партиями буржуазии: Машуми и НПИ.

Вокруг Машуми объединились крупная городская торгово-промышленная буржуазия, крупные помещики и наиболее реакционные круги исламского духовенства, интеллигенции и служащих государственного аппарата. Программа Машуми, принятая в 1952 году /текст см. 22, 460-465/, открыто приветствовала проникновение иностранного капитала в Индонезию. Она подчеркивала, что "иностранному капиталу должны быть открыты возможности для создания новых предприятий на основе "взаимной выгоды", т.е. на условиях, выгодных и для Индонезии и для иностранных предпринимателей".

Мелкие правые партии (Католическая партия Республики Индонезии, Христианская партия Индонезии, Партия Великой Индонезии, Союз великой Индонезии и др.) объединяли различные группировки национальной буржуазии и помещиков разных районов страны с различными убеждениями и взглядами. Программы этих партий или совсем умалчивали о судьбе иностранного капитала или предпочитали упоминать осторожно о "приоритете" национального капитала и о необходимости "ограничения" деятельности иностранного капитала /22, 72, 234, 403-405, 482-484/.

Вокруг НПИ группировались средние слои городской буржуазии, обширные слои обуржуазившейся бюрократии и часть мелкобуржуазной демократии. НПИ возлагала свои надежды на государственную поддержку и регулирование деятельности иностранного капитала /10, 25/. Ее программа 1952 года /текст см. 22, 50-56/ настаивала на вытеснении иностранных фирм из сферы внешней торговли, так как эта сфера была не только наиболее прибыльной, но и в значительной мере воздействующей на развитие других областей национальной экономики.

Некоторые радикальные группировки национальной и мелкой буржуазии шли еще дальше в своих требованиях. Народная партия Индонезии, возникшая в 1950 году, в своей программе подчеркивала, что иностранный капитал должен быть подчинен руководству государства и народа Индонезии и что в будущем не допускается интенсивное вторжение иностранного капитала /22, 293/. Программа Республиканской партии требовала национализации предприятий, принадлежащих иностранному капиталу и имеющих важное значение для народного хозяйства Индонезии /22, 329/. Самую непримиримую точку зрения выражали экстремистские мелкобуржуазные круги, поддерживающие партию Мурба. В программе этой партии /см. 22, 546-554/ сказано, что "вторжение иностранного капитала недопустимо" и что неприятельские плантации, фабрики, рудники и т.д. подлежат конфискации.

В принципе, такие требования были правильны: независимое развитие Индонезии было немислимо без уничтожения господства иностранного капитала. В начале 50-х годов, однако, не созрели еще условия для решительных мер против иноземных монополистов. Главное - не было прочного единого антиимпериалистического фронта. Без такого единства решительное наступле-

ние на позиции иностранного капитала не могло увенчаться успехом.

В первые годы после восстановления унитарного государства консолидация демократических национальных сил проходила по линии борьбы за воссоединение Западного Ириана и расторжение голландско-индонезийского союза.

В 1949 году на конференции в Гааге вопрос о Западном Ириане остался нерешенным. Не дали результатов и конференции 1950 года /см. 15, 189-198/. Стало очевидным, что голландское правительство стремилось к увековечению своего господства над Западным Ирианом. Аполוגеты голландского империализма выработали целую систему исторических, этнических, юридических и пр. аргументов в защиту позиций колонизаторов /см. 44, 214-217; 28, 23-35/.

В начале 1951 года в парламенте Индонезии обсуждался вопрос о Западном Ириане в связи с голландской тактикой затягивания. 66 голосами против 63 была одобрена совместная резолюция ПСИИ и НПИ ("резолюция Куснана"), которая предлагала поддержать требование включения Западного Ириана в состав Республики Индонезии немедленным расторжением индонезийско-голландского союза и обсуждением вопроса об аннулировании всех соглашений "круглого стола". За резолюцию голосовали делегаты от НПИ, ПСИИ, КПИ и ряда мелких группировок. Делегаты от правых партий голосовали против или воздержались от голосования /18, 79/.

Обсуждение в парламенте вопроса о Западном Ириане нашло живой отклик во всех уголках Индонезии. Народ поддержал требование о немедленном присоединении Западного Ириана к Индонезии. По всей стране прокатилась волна митингов и демонстраций, на которых принимались резолюции, остро направленные против Гаагских соглашений. В Сурабае, например, 49 партий и других политических организаций организовали в январе 1951 года 40 000-ную демонстрацию для поддержки политики расторжения соглашений "круглого стола" /42, 56/.

Таким образом, "под лозунгом борьбы за возвращение Западного Ириана началось складывание единого национального антиимпериалистического фронта" /9, 84/. В стороне остались лишь крайне правые элементы, которые свою политику основывали на сохранении тесных связей с Голландией.

В ходе борьбы за аннулирование Гаагских соглашений вновь начало расти и укрепляться влияние Коммунистической партии Индонезии и демократических массовых организаций, сильно пострадавших в результате репрессий 1948 года.

В 1949-1950 годах КПИ находилась в полулегальном положении. Ее кадры были рассеяны. Центральный аппарат партии (во главе которого в 1949 году стоял Нгадиман, а в 1950 году - Джаэтул) не был в силах восстановить организационное единство КПИ и ее влияние в массах. В 1949 году было решено продолжать работу на трех уровнях: 1) нелегальная КПИ, которая должна была согласовать деятельность всех коммунистических организаций и выработать стратегию и тактику партии в новых условиях; 2) легальная КПИ, основной задачей которой было обеспечение связей между подпольной КПИ и легально работающими организациями; и 3) партии, действовавшие под непосредственным руководством коммунистов (Социалистическая партия, Рабочая партия Индонезии) /см. 20, 22/. Работа на трех уровнях в известной мере была обусловлена ненадежной политической ситуацией 1949-1950 годов. Не было гарантии против новых репрессий правительства, в котором в 1949-1950 годах укреплялись позиции правых элементов.

Во второй половине 1950 года в КПИ развернулась борьба за правильную политическую линию. Это было трудное время для партии. Четкое организационное и политическое руководство отсутствовало /см. 32, 4/. Число членов партии достигало всего лишь нескольких тысяч. Фракция КПИ в парламенте была малочисленной (13 человек) и идеологически слабой. В партии не было единогласия по многим принципиальным вопросам, в том числе по вопросу о создании единого национального фронта /см. 27, 45-46/.

Внутрипартийные трудности были постепенно преодолены. Был восстановлен ленинский принцип единой партии рабочего класса. 19 октября 1950 года была распущена Рабочая партия Индонезии, 14 января 1951 года - Социалистическая партия. Члены-коммунисты этих партий объединились с КПИ соответственно решению ЦК КПИ /текст см. 23, 294-295/. 19 ноября 1950 года КПИ организовала грандиозный митинг в память жертв мадиунских событий 1948 года. Присутствующих было около 10 000. Тираж журнала ЦК КПИ "Красная звезда" увеличился с 3000 экземпляров в

августе до 10 000 экземпляров в конце 1950 года /20, 24/. Все это свидетельствовало о росте популярности и влиянии КПИ.

Параллельно с внутривнутрипартийной консолидацией начались поиски новых форм и методов сотрудничества с другими политическими силами для восстановления антиимпериалистического единства. Некоторые руководящие деятели КПИ (Айдит, Лукман, Ньото и др.) пришли к выводу о необходимости создания прочного союза между рабочим классом и крестьянством путем усиления работы КПИ в рабочих и крестьянских массах, укрепления рабочих и крестьянских организаций, расширения влияния коммунистов в этих организациях, активной поддержки со стороны КПИ борьбы крестьян за землю и борьбы рабочих за улучшение условий жизни, организации совместных выступлений рабочих и крестьян против иностранных монополий. Они также убедились в необходимости сближения с антиимпериалистически настроенными группировками мелкой и национальной буржуазии.

Постепенно КПИ все больше включалась в политическую жизнь Республики Индонезии, вела интенсивную борьбу в массовых организациях. В ноябре 1950 года Песиндо был реорганизован в Народную молодежь, которая стала верным помощником КПИ в организации и объединении индонезийской молодежи. Возросло влияние коммунистов в Крестьянском фронте Индонезии (БТИ). Снова встала на ноги разгромленная в 1948 году центральная всеиндонезийская организация рабочих (СОБСИ).

В условиях оживления рабочего и крестьянского движений и подъема общенационального антиимпериалистического движения перед индонезийскими коммунистами встала задача практического претворения в жизнь политики единого фронта, исходя из конкретной исторической обстановки индонезийской действительности. Надо было выработать правильную тактику единого национального фронта, ибо "выработка верных тактических решений имеет гигантское значение для партии, которая хочет в духе выдержанных принципов марксизма руководить пролетариатом, а не только тащиться в хвосте событий" /3, 6/.

Прочное единство могло быть достигнуто лишь при следующих условиях: 1) сотрудничество всех основных антиимпериалистических социальных сил страны; 2) прочный союз рабочих и трудового крестьянства; 3) активное участие коммунистов в едином фронте; 4) существование общей политической програм-

мы, выражающей стремление к полной независимости страны, к национальному процветанию; 5) связь с международным революционным движением. Для достижения национального антиимпериалистического единства было необходимо решительно бороться за монолитность и идейную чистоту КПИ, очищаться от оппортунистических, догматических, сектантских и авантюристических элементов; найти путь к преодолению антикоммунистических предрассудков в сознании буржуазных и крестьянских слоев, возникших в связи с мадиунскими событиями под воздействием интенсивной антикоммунистической пропаганды правых сил; найти правильные методы и формы для сближения с другими демократическими национальными силами и безжалостно разоблачать демагогию и деятельность проимпериалистических, антинародных социальных и политических сил.

В 1950 году - начале 1951 года у индонезийских коммунистов еще не было четко выработанного плана действий по образованию единого фронта демократических национальных сил. Главное внимание было обращено на внутрипартийные проблемы: 7 января 1951 года на пленуме ЦК КПИ было избрано новое Политбюро в составе: Айдит, Лукман, Ньото, Судисман и Алимин; лидером фракции КПИ в парламенте был избран Сакирман; некоторые бывшие руководители партии, допустившие политические ошибки (Тан Лин Джи, Нгадиман, Викана), были отстранены от руководящих постов /см. 20, 25-26/. В 1950-1951 годах антиимпериалистическое единство в целом складывалось стихийно, как и в 1945-1947 годах. Сближение КПИ с другими демократическими партиями способствовало углублению раскола между правым и левым флангом национальной буржуазии и усилению антимашумистских настроений среди широких буржуазных и мелкобуржуазных кругов.

В марте 1951 года правительство машумиста Натсыра вынуждено было подать в отставку /см. 17, 168/. Правительственный кризис, последовавший за отставкой кабинета Натсыра, привел к обострению политического положения страны. Правые силы не намеревались уступать своих позиций. Левые национальные силы настаивали на формировании коалиционного правительства, которое было бы в состоянии проводить подлинно национальную политику /см. 36, 165/.

В такой обстановке 24 марта 1951 года по инициативе пар-

тии Мусульманский союз Индонезии (ПСИИ) было созвано совещание представителей различных национальных партий, чтобы выработать общую программу для преодоления препятствий, стоящих перед национальным развитием Индонезии. Совещание, однако, было организовано слишком поспешно и поэтому не дало конкретных результатов /9, 88-89/. Все же это совещание не пропало даром. Оно было первым шагом на пути создания политической коалиции демократических национальных сил. На этом совещании выявились некоторые общие точки зрения, что в дальнейшем сделало возможным найти подходящую основу для развития контактов и сотрудничества между всеми антиимпериалистическими силами Индонезии.

Через несколько дней, 27 марта 1951 года состоялось второе совещание партий. На этот раз инициаторами явились четыре партии: ПСИИ, КПИ, Мурба и Рабочая партия. Кроме этих партий на совещании были представлены Национальная народная партия (ПРН), НПИ, Народная партия Индонезии (ПРИ), Союз простого народа Индонезии (Пермай), Партия Великой Индонезии (Париндра), Крестьянская партия Индонезии, Партия Индо-Национал, Движение исламского воспитания. В качестве наблюдателей присутствовали делегаты от Христианской партии Индонезии, Католической партии Республики Индонезии и Демократической партии китайцев Индонезии /24, 162/.

Из влиятельных партий остались в стороне лишь Машуми, СПИ и Союз Великой Индонезии (ШИР). Все трое представляли интересы правого крыла национальной буржуазии.

31 марта 1951 года представители 11 партий подписали Хартию о создании Межпартийного координационного комитета (МКК) /текст см. 35, 168/. НПИ отказалась подписать Хартию по тактическим соображениям, так как некоторые влиятельные группировки в партии еще надеялись на восстановление союза с Машуми и СПИ /см. 9, 92-92; 17, 177; 27, 53/.

В тот же день была принята программа МКК /текст см. 35, 170-171/. Принятие этого документа имело большое принципиальное значение, ибо это доказало, что в Индонезии существуют благоприятные условия для совместных действий различных социальных и политических сил на основе общей антиимпериалистической платформы.

По своему характеру программа МКК была общенациональной демократической программой. Ее положения выражали общие ин-

тересы всех основных социальных сил. Внешнеполитическая часть программы предусматривала проведение независимой внешней политики на основе позитивного нейтралитета. Внутриполитические статьи программы подчеркивали такие моменты, как: воссоединение Западного Ириана, демократизация государственного строя и политической атмосферы, национализация жизненно важных предприятий, аграрная реформа, индустриализация страны, повышение жизненного уровня народа, отмена колониальных законов, борьба с неграмотностью народа.

Результаты совещания были одобрены всеми основными политическими течениями страны. Более 40 различных организаций выразили свое удовлетворение программой, выработанной на этом совещании /9, 91/.

Создание МКК имело важное значение, несмотря на то, что комитет существовал недолго: 1) оно способствовало консолидации оппозиции Машуми и СИП в парламенте; 2) оно содействовало сплочению антиимпериалистических национальных сил во всей Индонезии; 3) оно выдвинуло подходящую форму для практического осуществления межпартийного сотрудничества и 4) оно свидетельствовало об углублении разногласий в кругах индонезийской буржуазии.

Образование МКК имело особое значение для КПП. С одной стороны, впервые после 1948 года КПП получила официальное признание в качестве политической силы. Фактически это означало полную легализацию партии после 29-месячного существования в полулегальных условиях. С другой стороны, активное участие КПП в работе МКК показало, что новое руководство партией сумело преодолеть груз сектантских ошибок. Началась выработка и претворение в жизнь в целом правильной и творческой идеи о том, что в современных условиях возможно становление государства нового типа, в котором бы у власти находился блок партий рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии и прогрессивных слоев национальной буржуазии. Руководство КПП пришло к выводу, что правительство такого блока могло бы не только проводить последовательно антиколониальную и антиимпериалистическую политику, но и осуществлять глубокие социально-экономические реформы в стране. В своем заявлении от 28 марта 1951 года ЦК КПП сформулировал проект программы для будущего коалиционного правительства /текст см.

38, 166-167/. Основными пунктами были выдвинуты следующие требования:

I. Создание антиимпериалистического кабинета. 2. Упразднение Гаагских соглашений. 3. Независимая и мирная внешняя политика. 4. Безопасность народа. 5. Обеспечение развития национальной экономики (национализация жизненно важных предприятий, индустриализация, содействие деятельности национального капитала). 6. Земля - крестьянам. 7. Улучшение условий жизни рабочих. 8. Ограничение деятельности иностранного капитала. 9. Урегулирование цен. 10. Развитие грамотности.

II. Ликвидация коррупции и вымогательства. 12. Широкая демократия.

Эта программа была приемлема для большинства основных социальных и политических сил Индонезии. Она могла стать основой национального сотрудничества. Выработка такой программы свидетельствовала о реалистическом подходе КПП к насущным проблемам Индонезии. Можно утверждать, что весна 1951 года была поворотным пунктом в истории политики антиимпериалистического национального единства КПП. Началось практическое осуществление тактики единого фронта патриотических сил.

2.

Борьба за укрепление антиимпериалистического единства демократических национальных сил в 1951-53 гг.

Весной 1951 года началось складывание единства демократических национальных сил Индонезии. Оно пока еще не могло дать действенных результатов. КПП еще не успела полностью выработать тактические основы политики единого фронта. У коммунистов еще не было четкого представления о конкретных формах и способах укрепления антиимпериалистического единства различных национальных сил в условиях еще ограниченной политической независимости. У многих членов КПП была заметна некоторая недооценка активной борьбы за установление прочных контактов с другими демократическими силами, недооценка роли национальной буржуазии в создании и деятельности единого антиимпериалистического фронта. С другой стороны, широкие круги национальной и мелкой буржуазии еще не избавились от силь-

ного воздействия антикоммунистической пропаганды правых сил. Вследствие всего этого взаимопонимание и связи между различными социальными и политическими группировками были еще очень непрочными. Контакты с НПИ позволили правым силам удержаться у власти. 26 апреля 1951 года машумист Сукиман сформировал новое правительство, в котором все руководящие посты принадлежали партии Машуми и правым кругам из НПИ. Сукиману удалось обеспечить себе сотрудничество ряда мелких партий, в том числе и двух партий, подписавших Хартию о создании МКК (Рабочая партия и Партия Великой Индонезии). Таким образом, образование правительства Сукимана создало известную иллюзию общенациональной коалиции. В этом заключалась определенная опасность для дальнейшей консолидации демократических национальных сил. Возникла необходимость бороться против этой опасности, разоблачать проимпериалистическую сущность политики правительства Сукимана, отколоть от машумистов НПИ, самую влиятельную партию национальной буржуазии. Нужно было достигнуть сотрудничества между КПИ и НПИ.

С другой стороны, для достижения успеха в борьбе против правительства Сукимана необходимо было найти новые формы и методы укрепления союза между пролетариатом и крестьянством Индонезии. Кое-что в этом направлении было достигнуто. Расширилась сеть местных органов КПИ /27,48/. Это позволило улучшить связи коммунистов с трудящимися массами, проникнуть в местные организации рабочих и крестьян, организовать совместные выступления антиимпериалистических сил на местах, усилить борьбу за удовлетворение повседневных требований трудящихся. Коммунисты активно участвовали в забастовочном движении, были активными организаторами первомайских митингов и демонстраций 1951 года. На этих митингах и демонстрациях участвовало более 1 млн. человек — рабочих, крестьян, представителей мелкой и национальной буржуазии, интеллигенции. Демонстранты выдвигали не только экономические требования, но и политические лозунги (воссоединение Западного Ириана с Индонезией, расторжение Гаагских соглашений). Первомайские митинги и демонстрации как совместные антиимпериалистические выступления были важным фактором в консолидации национальных сил, в укреплении боевого союза рабочих с крестьянством.

КПИ взяла курс на более энергичную поддержку требований

крестьянских масс. В заявлении от 28 марта 1951 года ЦК КПИ подчеркнул, что крупное землевладение подлежит ликвидации, а земля — распределению между крестьянами /38, 166/. В манифесте 17 августа 1951 года ЦК КПИ подчеркивалась необходимость борьбы за единство действий всех демократических сил во имя проведения прогрессивных аграрных преобразований /29, 55/. В аграрной программе КПИ, выработанной в 1951 году, также была подчеркнута идея поддержки требований крестьянства со стороны рабочего класса /37, 3-36/.

В то же время коммунисты активизировали свою деятельность в рабочих и крестьянских организациях. Их целью было: 1) идеологическое и организационное укрепление организаций; 2) борьба против немарксистских взглядов части руководителей, а также рядовых членов этих организаций; устранение влияния буржуазных и мелкобуржуазных идей; 3) ликвидация раскола в рабочем и крестьянском движении; борьба против раскольничьей деятельности правых социалистов, машумистов, мелкобуржуазных экстремистов и т.д.; 4) создание прочного союза между рабочими и крестьянами и обеспечение руководящей роли коммунистов в этом союзе.

Рост авторитета КПИ, увеличение числа ее членов, расширение сети местных органов партии, распространение коммунистической периодики — все это встревожило правительство Сукимана. Машумисты решили организовать новый разгром демократического движения в Индонезии, нанести сокрушительный удар по коммунистическим организациям и заставить КПИ уйти в подполье. Уже в мае 1951 года участились провокации против КПИ /7, 16/, а 16 августа начались массовые обыски и аресты. Всего, по официальным данным, было арестовано 15000 человек /см. 17, 189/, а по сообщениям печати — вдвое больше /см. 9, 96/. Репрессиям подвергались не только члены КПИ, число которых достигло 10 000, но и тысячи других демократов. Скоро, однако, под нажимом общественного осуждения, правительство было вынуждено приступить к освобождению арестованных.

Августовские события 1951 года лишний раз показали, что 1) единый фронт демократических сил не образуется самоотечом, без активной борьбы за него; 2) борьба за создание единого фронта демократических сил является первостепенной задачей коммунистов; 3) в данный момент в Индонезии нет еще

объективных условий для осуществления идеи о гегемонии пролетариата в едином антиимпериалистическом фронте; 4) нужно ориентироваться на необходимость продолжительного сосуществования с национальной буржуазией в рамках антиимпериалистического единства; 5) единство демократических сил Индонезии должно базироваться на совместной борьбе против империализма и остатков феодализма.

Спасшиеся от репрессии руководители КПИ учитывали это и тщательно совершенствовали тактику единого фронта, рассчитанную на ближайшие годы. В статье "Преодолеем наши недостатки", написанной в конце августа 1951 года /7, II-49/, Д.Н.Айдиит анализировал причины и цели августовских облав и пришел к выводу, что необходимо увеличить численность партии, полностью реализовать принцип коллективного руководства партией и решительно бороться против капитулянтства и авантюризма. Крепкая, монолитная партия рабочего класса — это залог успеха политики единого антиимпериалистического фронта.

Национальная конференция КПИ, состоявшаяся в начале 1952 года, утвердила эти выводы как основу деятельности партии /27, 49-50/.

В первой половине 1952 года индонезийские коммунисты много сделали для укрепления связей с другими демократическими силами. Они боролись за правительство демократической коалиции /см. I6, 68/, активно работали в МКК, участвовали в подготовке празднования Дня национального пробуждения и вместе с представителями 68 других партий и организаций подписали декларацию 20 мая 1952 года, где подчеркивалась идея национального единства /I6, 86-87/.

В это время усилились разногласия в лагере национальной буржуазии. В конце июля 1952 года, после длительных и безуспешных переговоров, от Машуми отделился Союз улемов (Нахда-тул Улама) /33, I.УШ.1952/. Через месяц Союз улемов вместе с Мусульманским союзом Индонезии и Движением исламского воспитания (Перти) организовали Мусульманскую лигу Индонезии /22, 383/. Для Машуми это было тяжелым ударом.

Параллельно с перегруппировкой сил в лагере исламского движения происходили важные перемены в КПИ. Внутренние трения между различными группировками усиливались, в левом крыле возросла антипатия к проимпериалистическим кругам Машуми

и СПИ, проявилась тенденция к осуществлению сотрудничества с коммунистами и другими левыми силами /16, 94; 25, 287/. Лозунг антикапиталистического блока, сформулированный в программе НПИ 1950 года, находил все больше сторонников. В НПИ в целом наблюдался сдвиг влево. Этому способствовали: 1) проимпериалистическая политика руководства Машуми, не соответствующая интересам широких кругов национальной буржуазии; 2) стремление лидеров Машуми к монопольному положению своей партии в государстве; 3) конструктивная политическая линия КПИ, направленная на достижение полной политической независимости Индонезии, укрепление и развитие национальной экономики и вытеснение иностранного капитала.

На VI конгрессе НПИ, состоявшемся 9-13 декабря 1952 года в Сурабае, левое крыло одержало верх над правыми элементами. Несмотря на сопротивление последних, в документах, принятых на конгрессе /22, 26-56/, подчеркивалось, что цель партии - построение марксистского, т.е. "демократического социалистического общества". Для достижения этой цели конгресс наметил целый ряд конкретных задач и средств. Среди других мер предусматривалась борьба за укрепление единства сил народа.

Практическая деятельность руководства НПИ была направлена на поиски наиболее подходящих форм и методов сотрудничества с другими антиимпериалистическими национальными силами. Тесные связи на основе близости идеологических и политических взглядов были налажены с мелкими националистическими партиями. Укреплялось взаимное понимание с КПИ.

Для этого существовали объективные предпосылки: обе партии боролись за укрепление политической независимости страны, за упразднение неокOLONиальных Гаагских соглашений 1949 года, за немедленное возвращение Индонезии Западного Ириана, за ликвидацию господства иностранного капитала в стране, за укрепление в экономике государственного сектора, за демократизацию политического режима и т.д. В конце октября - ноябре 1952 года НПИ и КПИ были инициаторами ряда совместных заявлений политических партий и других организаций. В этих заявлениях было осуждено стремление реакционных кругов к диктатуре, их требование распустить парламент /о т.н. "событиях 17 октября" см. 9, 125-132/.

В конце 1952 года НПИ активизировала борьбу за влияние в рабочем классе. 12 декабря 1952 года было организовано Объе-

динение народных профсоюзов Индонезии. Этот профцентр объединил профсоюзы, находившиеся под влиянием НПИ. Первоначально он был крайне малочисленным, но через него в рабочее движение проникали идеи мархаэнизма, усилилось влияние национальной буржуазии. По своему характеру Объединение народных профсоюзов Индонезии было реформистской организацией. Но в то же время оно было известным противовесом раскольнической деятельности машумистов и правых социалистов в рабочем движении. На данном этапе индонезийской революции создание Объединения народных профсоюзов Индонезии укрепляло лагерь антиимпериалистических сил.

Против раскольнической деятельности Махуми и СПИ, за единство рабочего класса боролась КПИ. 1 марта 1952 года ЦК КПИ принял резолюцию о задачах единого фронта рабочих /7, 100; 34, 7-8/. В этой резолюции была подчеркнута необходимость создания "самого прочного, самого единодушного, самого передового, самого сознательного" рабочего единства, базирующегося на совместной борьбе за национализацию жизненно важных предприятий, за индустриализацию страны, за ликвидацию остатков колониализма, за осуществление полной демократии, против роста цен и инфляции. Большое значение для консолидации сил рабочего класса имела Первая национальная конференция прогрессивного профцентра СОВСИ, проходившая с 27 сентября по 12 октября 1952 года /41, 94/. Резолюции этой конференции подчеркнули необходимость создания широкого единого фронта рабочих, а также единого антиимпериалистического национального фронта всех сил, страдающих от империализма.

На основе консолидации сил рабочего класса продолжалась борьба за установление союза рабочего класса с крестьянством. Формулируя основные принципы национального единства, в августе 1952 года Д.Н.Айдит писал: "Базой нашего единого национального фронта является тесный союз между рабочим классом и крестьянством, между двумя наиболее многочисленными и наиболее угнетенными слоями индонезийского общества. Если этот союз будет достаточно прочным и если им будет надлежащим образом руководить коммунистическая партия, то тем самым будут созданы необходимые условия для прочного единого национального фронта" /7, 89-90/.

В практической деятельности во имя сплочения единства

рабочих и крестьян индонезийские коммунисты обращали много внимания на ослабление влияния правых элементов на трудовое крестьянство и на уменьшение раздробленности крестьянских организаций. Коммунисты призывали рабочих поддержать борьбу крестьян за землю /39, 220-222/. "Народная газета" и журнал "Красная звезда" опубликовали статьи, посвященные крестьянским проблемам. Аграрная программа КПИ /37, 3-36/ сформулировала основные требования крестьянства, среди которых были и лозунги поддержки рабочих и национальных предпринимателей. Коммунисты возглавили борьбу демократических организаций против банд Дар-уль ислама. Они выступили в защиту крестьян в связи с репрессиями правительства в Танджунг Мораве /подробнее см. 8, 44/, тем самым содействуя падению кабинета Вилопо. Позиция КПИ и профсоюзов наглядно показала крестьянам, что рабочие являются верными союзниками трудящихся села и что коммунисты защищают жизненные интересы деревенского населения. Авторитет КПИ в деревне возрос. Позиции коммунистов в крестьянских организациях укрепились. Это было важным положительным результатом новой тактики единого фронта КПИ, разработанной в 1951 году.

Упрочение связей между рабочим классом и крестьянством, рост влияния КПИ в рабочем и крестьянском движении, положительные изменения в соотношении различных группировок национальной буржуазии в пользу демократических сил - все это создало благоприятные условия для развития деловых контактов между КПИ и партиями национальной буржуазии, для консолидации всех антиимпериалистических сил, для воссоздания национального фронта против империалистов и неоколониалистов.

После отставки кабинета Вилопо было сформировано правительство Али Сastroамиджойо, в котором не были представлены ни махумисты, ни правые социалисты /21, 42-43/. Новое правительство располагало в парламенте лишь 100 голосами из 212. Оно могло успешно действовать только при поддержке со стороны КПИ и СОВСИ, которые располагали 22 голосами. Таким образом, новый кабинет "в значительной степени зависел от народной поддержки. Создавалось единство всего индонезийского народа, включая национальную буржуазию" /9, 140/.

Итак, период 1951-1953 гг. был важным этапом в истории

антиимпериалистического национального единства Индонезии. В связи с завоеванием формальной независимости и восстановлением унитарного государства сложились новые объективные условия борьбы против империализма. Сдвиги социальных и политических сил требовали от коммунистов применения новой политики создания и деятельности единого антиимпериалистического фронта. Выработка новых тактических основ началась в 1951 году. К осени 1953 года эта работа в основном была завершена. В то же время в 1951-1953 годах были достигнуты и первые практические результаты в борьбе за восстановление единого национального фронта, распавшегося в 1948 году. На социальном плане была заложена основа для возникновения прочного союза между рабочим классом и крестьянством (активизация деятельности коммунистов в рабочих и крестьянских организациях, укрепление ССБСИ и БТИ, организация совместных выступлений против империализма, поддержка борьбы крестьян за землю, совместные заявления профсоюзов и крестьянских организаций, выступления представителей крестьян в КПИ и т.д.), а также для совместных действий трудящихся масс с прогрессивными слоями мелкой и национальной буржуазии (направление острия классовой борьбы против иностранного капитала, поддержка экономических и политических требований национальной буржуазии и т.д.). На политическом плане была достигнута известная консолидация различных партий (создание МКК, сотрудничество в парламенте в некоторых вопросах, совместные политические заявления и т.д.), были выработаны и претворены в жизнь основные антиимпериалистические лозунги, способные мобилизовать все патриотические силы Индонезии (воссоединение Западного Ириана и расторжение Гаагских соглашений). На идеологическом плане было достигнуто известное ослабление влияния антикоммунистической пропаганды среди крестьянских и мелкобуржуазных масс, а также среди национальной буржуазии; усилились антиимпериалистические настроения среди различных социальных и политических сил; идеологически укрепились Коммунистическая партия Индонезии. КПИ стала массовой партией: только за 6 месяцев (январь-июль) 1952 года число членов КПИ возросло с 7910 до 126 671 человека /7, 128 /; в КПИ победило левое крыло; были выработаны и применены новые организационные формы контактов различных партий (межпартийные комитеты, совместные собрания и массовые митинги, выработка совместных документов и

т.д.).

Период 1951-1953 гг. был периодом теоретической и практической подготовки воссоздания антиимпериалистического единства демократических сил Индонезии.

3.

У съезд Коммунистической партии Индонезии

1953-1954 годы были для КПИ периодом дальнейшего организационного, политического и идеологического укрепления. Число ее членов возросло до 500 000 в конце октября 1954 года /7, 186/. Такой бурный рост численности КПИ свидетельствовал об усилении авторитета и расширении популярности партии среди народных масс. Однако этот процесс имел и другой аспект. Вместе с потоком новых членов в партию проникали мелкобуржуазные влияния.

В свое время В.И. Ленин говорил, что "...когда рабочая партия растет особенно быстро, проникновение в нее массы элементов, пропитанных мелкобуржуазным духом, неизбежно", но нет "в этом ничего худого", что выходцев из мелкой буржуазии нужно перевоспитывать в духе пролетарской идеологии /5, 106-107/.

Идеологическая воспитательная работа была одной из основных задач КПИ в период интенсивного роста численности партии. Обязанность укрепления идеологической монолитности КПИ была подчеркнута на партийной конференции, которая состоялась в начале 1953 года. На выполнение этой обязанности была направлена борьба партии против мелкобуржуазного субъективизма группы Тан Лин Жи, которая недооценивала роль КПИ в национально-освободительной революции Индонезии, недопонимала важности последовательного укрепления связей партии с народными массами и борьбы за создание единого широкого антиимпериалистического фронта демократических национальных сил, переоценивала силу реакции /см. 45, 100-III/. Организационные, политические и идеологические ошибки Тан Лин Жи были осуждены на пленуме ЦК КПИ в начале октября 1953 года, а также на У съезде КПИ в марте 1954 года.

Укрепление КПИ выражалось в значительном расширении сети

партийных организаций. Если до 1952 года местные органы КПИ функционировали в основном только на Яве и Суматре, то теперь они были созданы на Мадуре, Сулавеси, Калимантане, Малых Зондских и Молуккских островах. Большое внимание было обращено на работу в деревне. Это означало укрепление связей партии с трудящимися массами города и деревни, усиление влияния КПИ среди различных этнических групп индонезийского народа.

Рост влияния и авторитета КПИ вызвал тревогу и в лагере антикоммунистических сил. Машумисты, правые социалисты и другие враждебные марксизму-ленинизму группировки усилили свою антикоммунистическую пропаганду, основным содержанием которой являлась фальсификация политики и целей КПИ, учения марксизма-ленинизма, а главной целью — раскалывание рядов трудящихся, парализация воли рабочего класса к борьбе /см. 6, 51-52/. Антикоммунистическая пропаганда правых сил была направлена против укрепления единства демократических национальных сил.

Однако проимпериалистическим силам не удалось воспрепятствовать развитию контактов между различными демократическими партиями и организациями. В пользу укрепления антиимпериалистического национального единства высказались председатель НПИ Сидик Джойосукарто и председатель Движения исламского воспитания Сираджуддин Аббас /33, 6.І. и 27.ІІ.1954/. В ряде случаев демократические организации выступали единым антимашумистским фронтом /см. 33, 22.ІІ. и 9.ІІІ.1954; 43, 12.ІІ. 1954/.

В такой обстановке, с 16-20 марта 1954 года в Джакарте состоялся У съезд КПИ. Делегаты съезда представляли 165 206 членов и кандидатов в члены партии. Среди гостей присутствовали заместитель премьер-министра Вонгсонегоро (ПИР), министр информации Лумбан Тобинг (СКИ), министр труда Абидин (Рабочая партия). Приветственные телеграммы были получены от президента Сукарно, премьер-министра Али Састроамиджойо и руководящих органов ряда партий, а также от многих братских компартий, в том числе от КПСС.

Центральным вопросом съезда была новая программа партии, проект которой был обсужден и одобрен пленумом ЦК КПИ в на-

чале октября 1953 года /текст см. 40, 418-430/. Кроме того, в повестке дня стояли следующие вопросы: доклад ЦК "Путь Индонезии к народной демократии" /текст см. 7, 106-145/, проект устава партии, вопрос о предстоящих выборах, избрание нового ЦК партии.

Самое большое внимание на съезде было уделено проблемам консолидации всех демократических национальных сил в целях завершения борьбы против империализма, неокOLONиализма и остатков феодализма. Съезд исходил из того, что Индонезия является полукOLONиальной страной, скованной неокOLONиальными соглашениями "круглого стола" 1949 года. Борьба за расторжение этих соглашений была объявлена первостепенной задачей индонезийского народа, без разрешения которой невозможно достичь полной независимости и экономического процветания.

Анализируя пройденный путь, съезд пришел к выводу, что основным недостатком работы партии в "революции 1945-1948 годов было то, что миллионные крестьянские массы не были подняты и вовлечены в революцию" /12,150/. Крестьянство, конечно, участвовало в борьбе против голландских колонизаторов, но его участие было более-менее стихийным и не приводило к установлению тесных союзнических контактов с рабочим классом. КПИ до последнего времени не обращала должного внимания на создание союза между рабочим классом и крестьянством, хотя на необходимость этого союза указывали материалы IV съезда КПИ и резолюция "Новый путь для Индонезии". Причины этого недостатка в основном заключались в организационной слабости КПИ во время Августовской революции и периода, последовавшего за Маджунскими событиями 1948 года. Но они были связаны также с идеологической незрелостью партии, с недостаточно глубоким пониманием положений марксизма-ленинизма в взаимоотношениях различных социальных сил в борьбе против колониализма.

У съезд КПИ подробно обсудил вопрос о союзе рабочего класса с крестьянством и сделал следующие выводы: 1) победа над империализмом и неокOLONиализмом невозможна без активного участия крестьянства, которое составляет свыше 70% населения; 2) борьба крестьян за землю, за ликвидацию феодальных пережитков по существу является частью борьбы индонезийского народа за полную независимость; 3) рабочий класс должен всячески помогать крестьянам в их борьбе за коренное преобразо-

вание аграрных отношений в стране / см. 40, 426/.

Анализируя обязанности коммунистов как авангарда рабочего класса в деревне, Д.Н.Айдит говорил, что "ближайшая задача индонезийских коммунистов заключается в ликвидации остатков феодализма в деревне, разворачивании антифеодальной аграрной революции, конфискации помещичьих земель и бесплатном распределении их на правах собственности среди крестьянства, особенно безземельного и малоземельного." /7, II7/.

Съезд подверг критике несвоевременные лозунги о "национализации земли" и "государственной собственности на землю", которые содержались в программах Крестьянского фронта Индонезии и Крестьянской ассоциации Индонезии. Съезд указал, что на данной стадии революции такие лозунги неприемлемы для крестьян, что они делают крестьянина равнодушным и недоверчивым по отношению к нуждам революционной борьбы, к союзу с рабочим классом /12, 151/.

Борьба КПИ против неправильных лозунгов в аграрном вопросе была неотъемлемой частью ее тактики единого фронта демократических национальных сил. Эта борьба помогла партии завоевать симпатию и доверие не только сельскохозяйственных рабочих и арендаторов, но и многомиллионных масс крестьян-собственников. Лозунги партии об отчуждении крупной земельной собственности помещиков, о ликвидации феодальных пережитков, о распределении земли крестьянам и о признании частной собственности на землю нашли понимание и одобрение среди различных слоев крестьянства и способствовали установлению союза рабочего класса и крестьянства в качестве базы мощного единого национального фронта.

У съезд КПИ обратил много внимания на улучшение организационной и идеологической работы среди крестьянских масс, подчеркивая необходимость вовлечения более широких кругов крестьянства в организации, находящиеся под руководством коммунистов. Осуществление этой задачи требовало не только борьбы против несвоевременных лозунгов и поддержки насущных требований крестьянства, но и распространения марксистских идей в деревне, разоблачения теоретических основ пропаганды правых социалистов, махумистов и других врагов марксизма.

В то же время съезд подчеркнул, что "усиление внимания к работе по вовлечению крестьянства в единый национальный фронт

отнодь не означает ослабления работы среди рабочих, интеллигенции, мелкой буржуазии и национальной буржуазии в городах" /7, II8/. Вопрос об участии национальной буржуазии в едином антиимпериалистическом фронте был одним из основных вопросов, обсужденных на У съезде КПИ. Во время Августовской революции, как известно, КПИ проводила политику национального единства всех патриотических сил, борющихся за независимость страны. В 1948 году национальная буржуазия отошла от единого фронта и тем самым причинила серьезный урон национально-освободительному движению индонезийского народа. Руководители КПИ тогда не предприняли действенных мер, чтобы сохранить антиимпериалистическое сотрудничество с национальной буржуазией.

Программа КПИ, принятая на У съезде партии, подчеркивала, что "национальная буржуазия, в частности национальные промышленники, хотят уничтожить иностранную конкуренцию, хотят процветания национальной промышленности и торговли" и поэтому национальная буржуазия "принимает участие в борьбе за национальное освобождение". "Таким образом, - утверждает программа КПИ, - в единый национальный фронт должны быть объединены рабочий класс, крестьянство, мелкая буржуазия и национальная буржуазия" /40, 426/.

В то же время съезд КПИ решительно отверг идею сотрудничества с правыми проимпериалистическими силами страны. Такая позиция была логическим отражением реального соотношения сил. Время единства всех национальных сил уже миновало. Теперь речь шла о создании единства демократических национальных сил, заинтересованных в достижении полной независимости Индонезии.

Идея создания прочного сотрудничества демократических сил против империализма и неокOLONиализма нашла понимание и одобрение в кругах патриотически настроенных представителей национальной буржуазии. 14 марта 1954 года председатель НПИ Сидик утверждал, что его партия намерена продолжать сотрудничество с коммунистами /33, 16. III. 1954/. 16 марта 1954 года министр информации и председатель партии "Демократический союз Индонезии" Тобинг отметил, что тактика национального единства "является объективной и становится потребностью каждой партии" /43, 16. III. 1954/. За сотрудничество с КПИ и другими демократическими силами высказался лидер партии "Му-

сульманский союз Индонезии" Харсоно Чокроаминото /43, 22.IV. 1954/.

Однако степень и эффективность участия национальной буржуазии в едином антиимпериалистическом фронте далеко не были predetermined и стабильными. Они зависели от многих факторов: от экономической и политической мощи национальной буржуазии, от возможностей и перспектив укрепления этой мощи, от интенсивности и направленности классовой борьбы пролетариата, от участия крестьян-собственников в совместном антиимпериалистическом движении, от силы экономического и политического нажима со стороны иностранного капитала, от способов и методов деятельности внутренних проимпериалистических кругов, от экономических, политических и идеологических разногласий между отдельными группировками национальной буржуазии и т.д.

Идя на сотрудничество с другими национальными силами, национальная буржуазия стремилась подчинить их своему влиянию и руководству. При этом она использовала организационные возможности, и политические средства нажима, и методы идеологического воздействия. Основным оружием национальной буржуазии был национализм. Этот национализм имел двойственный характер. "В национализме угнетенной нации", подчеркивает программа КПСС, "есть общедемократическое содержание, направленное против угнетения, и коммунисты поддерживают его, считая исторически оправданным на определенном этапе. Оно выражается в стремлении угнетенных народов к освобождению от империалистического гнета, к национальной независимости и национальному возрождению. В то же время в национализме угнетенной нации содержится и другая сторона, выражающая идеологию и интересы реакционной эксплуататорской верхушки" /6, 47/.

Поддерживая антиимпериалистическую направленность буржуазного национализма, КПИ одновременно боролась против влияния его реакционной стороны. Коммунисты сотрудничали с демократическими группировками национальной буржуазии в рамках единого антиимпериалистического фронта, но в то же время сохраняли свою организационную, политическую и идеологическую самостоятельность. Это было необходимым условием создания и функционирования единого фронта демократических национальных сил, ибо "только сохранение полной принципиальной и организационной самостоятельности каждой отдельной партии может

сделать попытки их боевого соединения не безнадежными" /I, 280/. В.И. Ленин учил, что коммунисты не должны "бояться смелых шагов вперед", не должны "опасаться нанесения совместных ударов" врагу рука об руку с революционной буржуазной демократией при обязательном ... условии не смешивать организации; врозь идти, вместе бить; не скрывать разнородности интересов; следить за своим союзником, как своим врагом, и т.д." /2, 16/.

Принцип политической, идеологической и организационной самостоятельности КПИ был объявлен на съезде основным принципом участия КПИ в едином национальном фронте /см. 7, 137/.

Обращая главное внимание на установление и укрепление контактов сотрудничества между рабочим классом и крестьянством и между трудящимися массами и патристическими группировками мелкой и национальной буржуазии, У съезд КПИ подчеркивал также важность контактов, совместных выступлений, конференций и т.п. с другими политическими партиями. Недооценка сотрудничества с другими партиями была бы серьезной ошибкой, так как за партиями стояли те или иные социальные слои и группировки, интересы которых партии представляли. В деятельности политических партий нашли выражение не только различные политические симпатии, интриги и спекуляции, но и реальное соотношение сил в государстве. Д.Н. Айдит неоднократно подчеркивал, что работа коммунистов в различных межпартийных комитетах сотрудничества, координационных комиссиях и прочих органах контактов является полезной /см. 12, 152; 13, 159/.

Создание прочного единого антиимпериалистического фронта требовало лозунгов, способных мобилизовать народные массы, обеспечить единство действий различных социальных и политических сил. Такими лозунгами на У съезде КПИ были выдвинуты: изгнание из страны голландских империалистов и их вооруженных сил, конфискация и национализация собственности голландских колонизаторов, выход Индонезии из голландско-индонезийского союза и объявление полной независимости республики, возвращение Западного Ириана в состав Индонезии и др. /7, 115-120/.

В то же время некоторые лозунги, провозглашенные на У съезде КПИ, показали, что индонезийские коммунисты еще не сумели полностью преодолеть прежние ошибочные установки и представления, характеризующие данный этап индонезийской ре-

волюции как народно-демократической. В отчетном докладе Д.Н. Айдинта, в программе партии и в предвыборном манифесте КПИ, утвержденном на У съезде, был подчеркнут лозунг народной демократии как непосредственной цели борьбы КПИ. При этом съезд разъяснил, что будущее правительство народной демократии "не является ни социалистическим, ни коммунистическим правительством", а правительством, "способным объединить все антифеодальные и антиимпериалистические партии и группировки, правительством, которое способно обеспечить национальную независимость вместе с развитием на пути демократии и прогресса" /30, 92-93/. Это разъяснение говорило о том, что в лозунг народной демократии съезд по существу вложил содержание национальной демократии. Но дело не только в нечеткости формулировки. За лозунгом народной демократии скрывался нереальный подход лидеров КПИ к существующим возможностям.

Лозунг народной демократии вызвал среди части крестьянства, мелкой и национальной буржуазии известное сомнение относительно политики КПИ. Этот лозунг дезориентировал некоторые социальные и политические силы Индонезии и тем самым затруднял создание прочного единства антиимпериалистических сил. Впоследствии (в июне 1955 года) лозунг создания правительства народной демократии был заменен лозунгом формирования правительства национальной коалиции /43, 24.VI.1955/, что соответствовало реальной обстановке в Индонезии.

У съезд КПИ выдвинул также требование гегемонии пролетариата в едином национальном фронте /7, 135; 40, 426/. Как цель этот лозунг был правильным. Но в конкретных условиях Индонезии этих годов это требование было практически неосуществимым. Силы пролетариата Индонезии были еще слишком малочисленны, раздроблены и недостаточно организованны, чтобы осуществить руководящую роль в национальном фронте. Сама КПИ была еще недостаточно сильной и монолитной для успешного руководства всеми антиимпериалистическими силами страны. Она пока не имела необходимого влияния в народных массах. Кроме того, для национальной буржуазии идея гегемонии пролетариата и лидерства КПИ в национальном фронте была неприемлемой.

Таким образом, результаты У съезда КПИ показали, что в основном индонезийские коммунисты находились на правильном пути к созданию единого антиимпериалистического фронта наци-

ональных сил Индонезии. Но в некоторых вопросах все-таки замечалась тенденция к забеганию вперед, к переоценке реальных возможностей и реальной обстановки.

У съезд прошел с большим успехом. 400-тысячный митинг на площади Мердека, ознаменовавший закрытие съезда, продемонстрировал симпатию и интерес народных масс Джакарты к КПИ. Авторитет партии возрос. Спустя семь месяцев число членов КПИ утроилось /7, 186/. Влияние партии на политическую жизнь страны возросло.

4.

Всеобщие выборы 1955 года - победа политики антиимпериалистического единства нацио- нальных сил

Рост авторитета и сближение левых националистов с коммунистами встревожили правые круги. 10 апреля 1954 года на митинге в Паданге выступил Иса Аншари, один из самых непримиримых лидеров, правого крыла Машуми. Иса Аншари защищал идею "100%-го исламского государства". Называя КПИ "врагом № 1" всех мусульман, он выразил надежду, что между мусульманскими партиями может быть найден общий язык /33, 14. 1954/.

Речь Иса Аншари стала исходной точкой для нового усиления антикоммунистической пропаганды. Промпериалистические круги Индонезии стремились к образованию антикоммунистического фронта. 13 сентября 1954 г. такой фронт был создан руководителями машумистов Западной Явы во главе с Иса Аншари /33, 14. IX. 1954/. Но этот фронт не нашел поддержки в массах.

Борьбу машумистов против демократических сил поддерживали правые лидеры СПИ. В консолидации демократических национальных сил и в укреплении позиций КПИ лидеры СПИ видели реальную опасность своему положению в политической жизни Индонезии. Поэтому они обращали много внимания на проведение антикоммунистической кампании.

Однако эта кампания не давала желаемых результатов. Многие руководящие деятели националистического и мусульманского течений были убеждены в том, что коммунисты являются их союзниками в борьбе за полную независимость страны. Лидер НПИ Сидик неоднократно подчеркивал, что у его партии нет врагов

кроме империализма /см. 33, 6.I., 25.II. и 17.IV.1954/. Многие влиятельные исламисты утверждали, что коммунисты не являются врагами ислама /26, 20; 43, 22.IV.1954/. Даже ортодоксальные лидеры Союза удемов нашли возможным сотрудничать с КИИ в совместной антиимпериалистической борьбе.

Проимпериалистические силы развивали в 1954 году очень энергичную деятельность. Им удалось сорвать ратификацию в парламенте протокола о расторжении голландско-индонезийского союза /9, 170-171/. Они попытались разжечь религиозную вражду между христианами и мусульманами /см. 33, 29.V.1954/. Они организовали кампанию против кабинета Али Састроамиджойо, целью которой было свержение правительства /подробнее см. 9, 182-187/.

Благодаря активному противодействию демократических сил правые круги вынуждены были примириться относительно незначительными результатами. Народ Индонезии их не поддерживал.

В начале октября 1954 года в Джакарте состоялся массовый митинг. На этом митинге была одобрена резолюция, которая требовала одностороннего воссоединения Западного Ириана, расторжения дипломатических отношений с Голландией, аннулирования всех индонезийско-голландских соглашений и принятия строгих мер по отношению к предателям национальных интересов. Резолюция обратилась ко всем партиям и группировкам с призывом укрепить единство, и ко всем народам и правительствам мира с просьбой поддержать требование индонезийского народа по вопросу воссоединения Западного Ириана /33, 6.XI.1954/.

Резолюция митинга в Джакарте выразила общность основных политических интересов всех демократических социальных сил индонезийского общества. Она была одобрена представителями рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии, прогрессивной интеллигенции, национальной буржуазии. За нее голосовали все основные политические партии Индонезии, кроме Машуми и СИИ, в которых господствовали проимпериалистические группировки. За резолюцию подали свой голос все влиятельные массовые организации. Таким образом, в единодушном принятии резолюции выразилась новая победа сторонников единого антиимпериалистического фронта.

Проголландская позиция империалистических держав в вопросе о Западном Ириане /см. 46, 76; 80-83, 96-99/ и нежелание голландцев продолжать переговоры заставило правительство

Индонезии искать новых возможностей для еще более тесного сплочения антиимпериалистических сил страны. Консолидация патриотических сил была национальной необходимостью.

Выступая 18 декабря 1954 года с речью на VI съезде НПИ, состоявшемся 15-21 декабря 1954 года в Бандунге, президент Сукарно предложил созвать Национальный конгресс Индонезии при участии всех политических партий /33, 20.XII.1954/. Это предложение нашло широкую поддержку политических партий и массовых организаций. Свое одобрение призыву президента выразили КПИ, Мусульманский союз Индонезии, Союз Великой Индонезии, Демократический союз Индонезии и ряд других организаций /33, 21, 22 и 24.XII 1954; 43, 18.I.1955/.

19 января 1955 года был образован Комитет для подготовки Всеиндонезийского народного конгресса, в котором были представлены все главные политические течения Индонезии /43, 20. I.1955/. Сначала проведение конгресса было намечено на июнь, а потом решили провести конгресс в августе 1955 года /43, 7. III и 17. IV. 1955/. Целью конгресса являлось "объединение всех сил для завершения национальной революции" /43, 23. II. 1955/. Основным пунктом повестки дня конгресса был утвержден вопрос об освобождении Западного Ириана.

Положительное решение этого вопроса имело важное значение: 1) освобождение Западного Ириана было вопросом национального достоинства, национального престижа; оно было неотъемлемой частью борьбы индонезийского народа за полную независимость; 2) в известной мере проблема Западного Ириана была проблемой авторитета и престижа правительства, в частности президента Сукарно, который был инициатором массового движения за освобождение этой части индонезийской земли; 3) активизация борьбы за воссоединение Западного Ириана с Индонезией в некоторой степени была связана с ухудшением экономического положения страны; 4) Западный Ириан все больше стал плацдармом антииндонезийской деятельности голландцев; 5) западноирианский вопрос был подходящей платформой для сплочения национальных сил, так как в этом вопросе точки зрения всех основных социальных и политических сил Индонезии почти совпадали; 6) влиятельные круги в армии были заинтересованы в сохранении известной внешнеполитической напряженности, укреплявшей позицию офицерства в стране.

В начале мая 1955 года уже более 150 политических партий и других организаций зарегистрировались, чтобы принять участие в народном конгрессе. Но в их числе не было Машуми, СПИ, Демократической фракции, Паркиндо, Католической партии Республики Индонезии и некоторых других правых организаций /43, 13.V.1955/. В принципе все они одобряли идею воссоединения Западного Ириана. Но их лидеры не были согласны с методом всенародного движения. Они настаивали на продолжении дипломатических усилий.

Приготовления к созыву всеиндонезийского народного конгресса происходили в атмосфере все усиливавшейся предвыборной кампании. Крайне правые круги снова усилили антикоммунистическую пропаганду. 18 марта 1955 года о очередной антикоммунистической речи выступил Иса Аншари. На этот раз он не ограничился нападками на КПИ. Он резко критиковал сотрудничество между НПИ и КПИ и назвал председателя НПИ Сидика "марксистом". Далее он осудил политику "коммунистического" Союза улемов /43, 23.III.1955/. На многих митингах ораторы крайне правых партий атаковали коммунистов и марксистское учение /см. II, 13., 19 и 22.IX. 1955; 43, 21.IX.1955/. В целях антикоммунистической пропаганды было использовано кино. В газетах и журналах правого направления появился целый ряд антикоммунистических статей.

Летом 1955 года правым силам удалось добиться ухода в отставку правительства Али Сastroамиджойо и назначения на пост премьер-министра машумиста Харахапа /подробнее см. 9, 187-192/. Однако консолидация демократических национальных сил была уже на таком уровне, что реакция не осмелилась открыто повернуть вспять.

За год, последовавший за У съездом, демократические национальные силы возросли и укрепились. Число членов КПИ достигло уже миллиона человек /19, 22.V.1955/. В СОВСИ входило около 2,6 миллиона, в БТИ - около 2,2 миллиона человек. Укрепилось единство рабочего и крестьянского движений. II съезд СОВСИ (в январе 1955 года) и пленарное заседание руководства БТИ (в феврале 1955 года) продемонстрировали укрепление сплоченности рядов трудящихся масс и усиление влияния коммунистов в рабочих и крестьянских организациях. Упрочились связи между профсоюзными и крестьянскими организациями. Все это создало благоприятные условия для отражения наступления пра-

вых кругов.

Известное воздействие на политический курс правительства Харахапа оказали результаты Всеиндонезийского народного конгресса, состоявшегося 10-15 августа 1955 года в Джакарте. На конгрессе были представлены почти все политические партии и массовые демократические организации Индонезии. Только Машуми, СПИ и некоторые другие правые группировки отказались от участия в работе конгресса.

Решения Всеиндонезийского народного конгресса, провозгласившие Голландию агрессором и наметившие программу борьбы за воссоединение Западного Ириана /см. 19, 17.УШ.1955/, показали, что демократические силы страны стоят за продолжение прогрессивного политического курса Али Састроамиджойо. Они были определенным предупреждением проимпериалистическим кругам. С другой стороны, конгресс способствовал улучшению взаимопонимания различных политических группировок, что было особенно важным в условиях приближающихся выборов.

В конце августа и в сентябре 1955 года предвыборная кампания достигла кульминационного пункта. В ходе предвыборной борьбы выявились две основные тенденции. Одна тенденция, проводимая КПИ, НПИ, Союзом улемов и другими партиями антиимпериалистических сил, была направлена на укрепление национального единства, на сближение различных патриотических сил в деле сопротивления империализму и неокOLONизму. Другая тенденция, осуществляемая правыми лидерами Машуми, СПИ и других проимпериалистических партий и группировок, была направлена на раскол антиимпериалистического национального единства.

КПИ, предвыборный манифест которой был основательно пересмотрен и поправлен на июльском заседании 1955 года Политбюро ЦК КПИ, выдвинула своей основной целью осуществление прогрессивной программы правительства Али Састроамиджойо. Резолюция Политбюро ЦК КПИ от 24 июля 1955 года "Через предстоящие выборы к правительству национальной коалиции" подчеркнула, что будущее правительство Индонезии должно быть правительством коалиции демократических национальных сил, а не правительством народной диктатуры. Создание такого правительства явилось основным лозунгом предвыборной кампании индонезийских коммунистов /см. 43, 24.УІ.1955/.

В предвыборном манифесте НПИ было подчеркнуто, что "в

Индонезии возможна лишь система сотрудничества и союза различных течений". Призывая избирателей голосовать за кандидатов НПИ и организации, находящихся под ее влиянием, НПИ выдвинула лозунг единства рабочих, крестьян и неимущей интеллигенции. Таким образом, НПИ также выступила за коалицию демократических национальных сил /см. ЗІ, 7, І5-І6/.

Мусульманские партии Союз улемов и Мусульманский союз Индонезии также требовали укрепления сотрудничества различных национальных сил. Они протестовали против попыток правых лидеров Машуми втягивать Союз улемов и Мусульманский союз Индонезии в антикоммунистический фронт. Лидеры Союза улемов неоднократно подчеркивали, что их партия готова сотрудничать со всеми демократическими силами страны /см. І9, І3.УІ.1955; 43, 26.УІІ и 8.Х.1955/.

Правые проимпериалистические круги в своей предвыборной кампании делали упор на социальной и религиозной демагогии и антикоммунистической пропаганде. В воззвании, опубликованном накануне выборов, лидеры Машуми обещали крестьянам землю, кредиты и развитие кооперации, рабочим - надлежащий уровень жизни и т.д. /ІІ, 23.ІХ.1955/. Много внимания они обращали на нападки против КПИ, против ее конструктивной платформы единства демократических национальных сил. Один из руководителей Машуми Вибисоно обвинял коммунистов в атеизме, в планах диктатуры и в стремлении "уничтожить национальное мировоззрение" /43, 2І.ІХ.1955/. Иса Аншари утверждал, будто коммунисты стремятся к государственному перевороту /ІІ, І4.ІХ.1955/. В то же время лидеры Машуми призывали к единству мусульманских партий, пытались расколоть сотрудничество патриотических национальных сил и изолировать КПИ. Их планы, однако, провалились.

Выборы состоялись 29 сентября 1955 года (в некоторых районах в ноябре). І марта 1956 года были опубликованы официальные данные о результатах выборов. Из 190 партий, группировок и независимых кандидатов наибольшее количество голосов и парламентских мест получили следующие партии: НПИ - 8 434 653 (57), Машуми - 7 903 887 (57), Союз улемов - 6955141 (41), КПИ - 6 176 914 (39), ПСИИ - 1 091 160 (8), Паркиндо - 1 003 325 (8), Католическая партия Республики Индонезии - 770 740 (6), СПИ - 753 191 (5) /І7, 434/.

Анализируя итоги первых в истории Республики Индонезии

парламентских выборов, Д.Н.Айдит подчеркнул, что победа НПИ, КПИ и Союза улемов означает победу сил национального единства, антиимпериализма и антиколониализма /7, 253/. В новом парламенте основные партии национального единства демократических сил (НПИ, КПИ, Союз улемов, ПСИИ, Перти, Рабочая партия, Мурба, Пермай) получили 158 мест из 257. Это означало полный провал антинационального политического курса крайне правых кругов.

Провалились также их планы создания правительства проимпериалистической коалиции. 3 марта 1956 года правительство Харахапа вынуждено было подать в отставку. 20 марта 1956 года Али Састроамиджой сформировал свой второй кабинет /21, 45-47/.

Программа нового правительства /текст см. 21, 55-57/, как отметил член Политбюро ЦК КПИ Лукман /19, 22.III.1956/, была относительно прогрессивной, однако состав кабинета оказался неудовлетворительным. Участие в нем представителей реакционных партий (Машуми, Паркиндо, Католическая партия) вызвало обоснованные сомнения относительно работоспособности нового правительства. Впоследствии эти сомнения оправдались /подробнее см. 9, 204-205/. Но проимпериалистическим кругам не удалось сорвать борьбу индонезийского народа за аннулирование соглашений Конференции "круглого стола". Под давлением демократических кругов 21 апреля 1956 года парламент Индонезии расторг эти соглашения. 3 мая 1956 года закон о расторжении Гаагских соглашений был подписан президентом Сукарно /14, 275-277/.

Таким образом, в 1956 году завершился важный этап в борьбе индонезийского народа за полную независимость и целостность своей страны. Этап завершился победой демократических национальных сил над реакционными, проимпериалистическими силами. Залогом победы было все укрепляющееся единство антиимпериалистических национальных сил. Правда, в 1956 году не было прочного союза между рабочим классом и крестьянством. Но уже возникли надежные основы для такого союза: массовая КПИ, сильные прогрессивные беспартийные организации рабочих и крестьян (СОБСИ, БТИ), опыт сотрудничества и совместных выступлений рабочих и крестьянских организаций. Рост авторитета КПИ, распространение марксистских идей, преодоление сектант-

ских ошибок в деятельности КПИ, разоблачение социальной демагогии правых лидеров Машуми, СПИ и других проимпериалистических группировок, активная поддержка требований крестьянских масс, борьба против террористических банд Дар-уль ислама — все это улучшило взаимопонимание и укрепило связи между крестьянством и рабочим классом Индонезии. Укрепились также отношения антиимпериалистического сотрудничества между трудящимися массами и национальной буржуазией.

Победа демократических национальных сил на выборах 1955 года подтвердила, что политика антиимпериалистического единства была правильной политикой. Она отвечала насущным требованиям индонезийского народа и была единственным путем к завоеванию полной национальной независимости. Борьба за единство антиимпериалистических сил была общенациональной необходимостью. От понимания этой истины различными социальными и политическими силами, от прочности сотрудничества антиимпериалистических национальных сил в большей степени зависели достижения национально-освободительного движения в Индонезии. "Без координирования действий рабочей и буржуазной демократии невозможен успех буржуазной демократической революции. Святая истина. Безусловная истина", отметил В.И. Ленин /4,351-352/.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. О боевом соглашении для восстания. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т.9, стр.274-182.
2. Ленин В.И. Социал-демократия и временное революционное правительство. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т.10, стр. 1-19.
3. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т. II, стр. 1-131.
4. Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т.12, стр. 271-352.
5. Ленин В.И. О фракции сторонников отзовизма и богостроительства. Полное собрание сочинений, изд. пятое, т. 19, стр. 74-108.

6. "Программа Коммунистической партии Советского Союза". Москва, 1968.
7. Айдит Д.Н. Избранные произведения. Статьи и речи. Москва, 1962.
8. Александров Ю.Т. Политика Республики Индонезии в сельском хозяйстве. Москва, 1964.
9. Жаров В.А. Индонезия на пути упрочения независимости (1949 - 1956). Москва, 1964.
10. Симония Н. Путь индонезийской революции. "Азия и Африка сегодня", 1967, № 6.
11. "Abadi" (Djakarta), 1955.
12. Aidit D.N. Kongres nasional ke-V Partai Komunis Indonesia. "Bintang Merah", 1954, No. 4/5.
13. Aidit D.N. Perkuat persatuan nasional dan perkuat partai! "Bintang Merah", 1954, No. 4/5.
14. "Dokumen-dokumen konperensi medja bundar. Sebelum, sesudah dan pembubarannya". Disusun, didjelaskan, dikomentir oleh: Notosoetardjo. Djakarta, 1956.
15. Duynstee F.J.F.M. Nieuw Guinea als schakel tussen Nederland en Indonesie. Amsterdam, 1961.
16. Feith H. The Wilopo cabinet 1952-1953: a turning point in post-revolutionary Indonesia. Ithaca, 1958.
17. Feith H. The decline of constitutional democracy in Indonesia. Ithaca, 1962.
18. Finkelstein L.C. Irian in Indonesian politics. "Far Eastern Survey", 1951, No. 8.
19. "Harian Rakjat" (Djakarta), 1954-1956.
20. Hindley D. The Communist Party of Indonesia 1951-1963. Berkeley-Los Angeles, 1964.
21. "Kabinet-kabinet Republik Indonesia". Djakarta, 1958.
22. "Kepartaian dan parlementaria Indonesia". Djakarta, 1954.
23. "Kepartaian di Indonesia". Djakarta, 1951.
24. "Kesatuan aksi nasional". "Bintang Merah", 1951. No. 6/7.

25. Kroef J.M. van der. Indonesia: economic dualism. "Current History", 1953, No. 147.
26. Kroef J.M. van der. Muslim movements in Indonesia. "Eastern World", 1954, No. 6.
27. Kroef J.M. van der. The Communist Party of Indonesia. Its history, program and tactics. Vancouver, 1965.
28. Lijphart A. The trauma of decolonization. The Dutch and West New Guinea. New Haven, 1966.
29. "Manifest 17 Agustus 1951 dari Partai Komunis Indonesia (PKI)." "Bintang Merah", 1951, No. 12/13.
30. "Manifest pemilihan umum P.K.I.". "Bintang Merah", 1954, No. 2/3.
31. "Manifest pemilihan umum P.N.I. - Front Marhaenis". Djakarta, 1954.
32. "Memasuki tahun 1951". "Bintang Merah", 1951, No. 1.
33. "Merdeka" (Djakarta), 1952-1956.
34. Njono. Beberapa pelajaran dari kongres nasional ke-II SOBSI. "Bintang Merah", 1955, No. 1.
35. "Piagam Badan Permusjawaratan Partai²". "Bintang Merah", 1951, No. 6/7.
36. "PKI menghendaki pemerintah nasional koalisi jang bebas dari KMB. Sikap PKI terhadap djabatnja kabinet Nasir". "Bintang Merah", 1951, No. 6/7.
37. "Program perubahan tanah dan tuntutan kaum tani. Politik agraria Partai Komunis Indonesia". "Bintang Merah", 1951, No. 16.
38. "Program P.K.I. untuk pemerintah nasional koalisi". "Bintang Merah", 1951, No. 6/7.
39. "Program umum Partai Komunis Indonesia". "Bintang Merah", 1951, No. 8/9.
40. "Rentjana program Partai Komunis Indonesia". "Bintang Merah", 1953, No. 9/10.
41. "Sedjarah gerakan buruh Indonesia", Djakarta, 1958.
42. "Seluruh rakyat anti-KMB". "Bintang Merah", 1951, No. 3.

43. "Sin Po" (Djakarta), 1954-1955.
44. Smit C. De liquidatie van een imperium. Nederland en Indonesië 1945-1962. Amsterdam, 1962.
45. "Tentang Tan Ling Djie-isme". "Bintang Merah", 1954, No. 2/3.
46. "The question of West Irian in the United Nations, 1954-1957". Djakarta, 1958.

Unitaarriigi taastamine Indoneesias tõi endaga kaasa uued perspektiivid rahvuslike jõudude konsolideerumiseks. Rahvusliku kodanluse erinevate rühmituste vahelised vastuolud viisid terava poliitilise võitluseni neid rühmitusi esindavate parteide, ja eelkõige Masjumi ning PKI vahel. See välistas võimaluse rahvusliku ühisrinde taastamiseks endises, 1945. aastal kujunenud koosseisus. Reaalseks osutus luua ühisrinne demokraatlikest jõududest, kes astusid välja Haagi konverentsi otsuste tühistamise eest, Masjumi ja FSI parempoolsete liidrite ning neid toetavate jõudude poliitilise kursi vastu. Just demokraatlike rahvuslike jõudude konsolideerimise eest asuski võitlema PKI.

Tegutsenud Madiuni sündmustele järgnenud kahe aasta jooksul väga tagasihoidlikus mastaabis, hakkas PKI 1950. aasta lõpust alates järjekindlalt aktiveeruma ja laiendada oma tegevust. Astudes resoluutselt välja Lääne-Ida ühendamise eest Indoneesiaga, Indoneesia-Hollandi üniooni lõpetamise ja Haagi konverentsi otsuste annulleerimise eest, võitis PKI peagi suure populaarsuse ja tugeva autoriteedi demokraatlike rahvuslike jõudude seas.

Sisepoliitilise tegevuse valdkonnas tugevdas PKI oma positsioone tööliste ja talupoegade seas, astudes aktiivselt välja välismonopolidel võimutsemise vastu, töötavate masside elutingimuste parandamise eest, talupoegade poolt maa eest peetava võitluse kaitseks. PKI mõju kasvas kiiresti mitmetes massiorganisatsioonides (SOBSI, BTI, Pemuda Rakjat). PKI lülitus aktiivselt parlamentlikku võitlusse, toetades kõike progressiivset.

V kongressi toimumise ajaks 1954. aasta kevadel oli PKI muutunud massiparteiks, kes võis tugineda paljude demokraatlike jõudude sümpaatiale. Kongress mõõdis suure edu tähe all. Kongressi tulemuseks oli PKI mõju ja autoriteedi edasine kasv, rahvuslike demokraatlike jõudude konsolidatsiooni edasine tugevnemine.

Sisepoliitiline võitlus Indoneesias teravnas seoses 1955. aasta parlamendivalimistega. Nahdatul Ulama eraldu-

miss järeel tunduvalt nõrgenenud Masjumi ning end viimastel aastatel märgatavalt diskrediteerinud PSI läksid valimistele vastu ebasoodsates tingimustes. Seda paremad olid demokraatlike rahvuslike jõudude väljavaated. Valimised kujunesidki PNI, PKI ja teiste Indoneesia täieliku poliitilise sõltumatuse eest võitlevate jõudude triumfiks.

1956. aastal uus Indoneesia parlament tühistas Haagi konverentsi otsused. See oli demokraatlike rahvuslike jõudude ühiste jõupingutuste resultaat.

Zusammenfassung

Die Wiederherstellung des unitarischen Staates in Indonesien brachte neue Perspektiven der Konsolidierung nationaler Kräfte mit sich. Die Gegensätze der verschiedenen Gruppierungen der nationalen Bourgeoisie führten zum scharfen politischen Kampf zwischen den diese Gruppierungen vertretenden Parteien, in erster Linie zwischen Masjumi und PNI. Diese Tatsache schloss die Möglichkeit der Wiederherstellung der Einheitsfront in deren früheren, im 1945 zustande gekommenen Bestande völlig aus. Als einzig realistisch erwies sich die Schaffung einer Einheitsfront aus demokratischen Kräften, die für die Aufhebung der Haager Abkommen eintraten und sich dadurch als Gegner des politischen Kurses der rechtsgesinnten Führer von Masjumi und PSI und der sie unterstützenden Kräfte erwiesen. Gerade für die Konsolidierung der demokratischen nationalen Kräfte fing die PKI zu kämpfen an.

Indem man sich in den auf die Ereignisse von Madiun gefolgten zwei Jahren recht zurückhaltend gezeigt hatte, fing die PKI am Ende des Jahres 1950 an, ihre Tätigkeit nachdrücklich zu aktivisieren und auszudehnen. Man trat ein für die Wiedervereinigung West-Iriens mit Indonesien, befürwortete die Aufhebung der Indonesisch-Holländischen Union und die Abschaffung der Haager Abkommen. Durch die Entschiedenheit ihrer Forderungen gewann die PKI bald eine grosse Popularität und bedeutende Aktivität in den demokratischen nationalen Massen.

Auf dem Gebiete der innenpolitischen Tätigkeit ver-

stärkte die PKI ihre Positionen bei den Arbeitern und Bauern dadurch, dass sie energisch gegen die Machthaberei der ausländischen Monopole vorging, für die Verbesserung der Lebensbedingungen der breiten Massen der Werktätigen eintrat und den Kampf der Bauern für das Land unterstützte.

Der Einfluss der PKI wuchs schnell in mehreren Massenorganisationen (wie SOBSI, BTI, Pemuda Rakjat). Die PKI beteiligte sich aktiv an den parlamentarischen Kämpfen, indem sie alles progressive befürwortete.

Zum Frühling 1954, wo der 5. Kongress stattfinden sollte, war die PKI zu einer Massenorganisation herangewachsen, die sich an der Sympathie vieler demokratischer Kräfte erfreuen konnte. Der Kongress aber verlief im Zeichen grossen Erfolgs. Das unmittelbare Resultat des Kongresses war die weitere Steigerung des Einflusses und der Autorität der PKI, sowie die Verstärkung der Konsolidation aller nationalen demokratischen Kräfte.

Der innenpolitische Kampf in Indonesien verschärfte sich im Zusammenhang mit den Parlamentswahlen im 1955. Der Wegen der Ausscheidung von Nahdatul Ulama merklich geschwächte Masjumi und die sich in den letzten Jahren bedeutend diskreditierte PSI gingen den Wahlen in ungünstigen Bedingungen entgegen. Desto besser waren die Aussichten der demokratischen nationalen Kräfte. Und die Wahlen gestalteten sich zwar zu einem Triumph für die PNI, PKI und andere für die volle politische Unabhängigkeit Indonesiens kämpfende Kräfte.

Im 1956 annullierte das neue Parlament Indonesiens die Beschlüsse der Haager Konferenz. Dies war das Ergebnis der gemeinsamen Anstrengungen der demokratischen nationalen Kräfte.

ОГЛАВЛЕНИЕ

SISUKORD

P. Nurmekund.	Los estudios orientales en la universidad de Tartu (RSS de Estonia)	3
	Resümee	9
	Zusammenfassung	11
	Resümee	12
O. Клаассен.	Антиимпериалистический фронт национальных сил Индонезии в годы Августовской революции (1945-1948)	13
	Resümee	50
	Zusammenfassung	51
O. Клаассен.	Раскол антиимпериалистического единства национальных сил Индонезии и борьба за его восстановление (1948-1951)	53
	Resümee	87
	Zusammenfassung	88
O. Клаассен.	Борьба коммунистической партии Индонезии за антиимпериалистическое единство демократических национальных сил в 1951-1956 гг. 90	
	Resümee	126
	Zusammenfassung	127

ТРУДЫ ПО ВОСТОКУ И ДРЕВНЕМУ МИРУ

I

На разных языках

Тартуский государственный университет

ЭССР, г. Тарту, ул. Пилкооли, 18.

Ответственный редактор П.Нурмекунд

Корректор Г.Ноппел

Сдано в печать 23.08.1974 г. Бумага печатная № 1,30х45.I/4.

Печ. листов 7,5 (условных 6,97). учетно-изд. листов 7,39.

Тираж 250 экз. Зак. № 894. МВ 07553

Ротапринт ТТУ. ЭССР, г.Тарту, ул. Пялсоми, 14.

Цена 50 коп.